

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА МАЙ 1915 ГОДА

Мисва

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14059

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 2-го (15-го) МАЯ 1915 ГОДА.

№ 14059

НА НАВИАЗНОМЪ ФРОНТѢ.—Бой въ окрестностяхъ Артемина.

Рисунъ А. Пржецлавскаго (участника войны).

* * *

Тяжелое рабство любви истомило меня. Такъ долго на сердцѣ все было лишь скорбно и больно. Прирѣтое первымъ тепломъ предвесенняго дня, Восприняло сердце мое и сказало: «довольно».

Безъ мѣры богатства свои отдавало оно. Не взяли—ке надо. Постыло томленье печали, Простора хочу, о которомъ забыла давно. Хочу я свободы, широкой, какъ весення дали. Вътрамъ предвесеннимъ навстрѣчу хочу я идти статочно этого зданія и необходимою его немедленно расширить. Въ правление Аркадія, въ 404 году, когда былъ сосланъ въ изгнаніе и приверженны бытъ, подобно императору, этого чинаго человека подняли изъ-за не-жертвою пламени. Феодосій Младшій ель возстановить ее въ 415 году, но при Юстиніанѣ, во время смуты, поднятой раздорами между Синими и Зелеными, она снова была уничтожена. Это случилось въ январѣ 532 года. Императоръ немедленно замыслилъ возобновить ее въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и съ еще неведомымъ доселѣ великолѣпіемъ. Юстиніанъ не могъ идти въ сравненіе никакой другой. За работу принялись немедленно и на роковой день послѣ пожара, рано утромъ, 23 февраля, совершили закладку перваго камня.

Вѣра Рудичъ.

Какъ созидалась Св. Софія.

Исторія и легенды *.

Храмъ Св. Софіи въ Царьградѣ является высшимъ проявленіемъ византийской архитектуры; возмнновеніе его положило начало новой эпохѣ въ области восточнаго церковнаго строительства; по планамъ и

образу Св. Софіи послѣ нея стали повсюду возникать на Востоке не только многочисленные христианскіе храмы, но она даже послужила идеальнымъ типомъ мусульманской мечети. Вообще, съ точки зрѣнія исторіи и художества, Св. Софія представляетъ собою неизсякаемый источникъ для вдохновенія и интереса.

Первый фундаментъ этого храма заложенъ былъ въ 325 году, на 20 году правленія Константина и въ самый моментъ открытія Никейскаго собора. Согласно римскимъ традиціямъ, въ началѣ это была простая длинная базилика съ деревянной кровлей; но вскоре была признана недостаточной этого зданія и необходимою его немедленно расширить. Въ правление Аркадія, въ 404 году, когда былъ сосланъ въ изгнаніе и приверженны бытъ, подобно императору, этого чинаго человека подняли изъ-за не-жертвою пламени. Феодосій Младшій ель возстановить ее въ 415 году, но при Юстиніанѣ, во время смуты, поднятой раздорами между Синими и Зелеными, она снова была уничтожена. Это случилось въ январѣ 532 года. Императоръ немедленно замыслилъ возобновить ее въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и съ еще неведомымъ доселѣ великолѣпіемъ. Юстиніанъ не могъ идти въ сравненіе никакой другой. За работу принялись немедленно и на роковой день послѣ пожара, рано утромъ, 23 февраля, совершили закладку перваго камня.

Существуетъ цѣлый рядъ легендъ, связанныхъ съ постройкою этого храма. Императоръ Усердіе каждаго онъ поощрялъ подарками или ласковымъ словомъ. Существовать цѣлый рядъ легендъ, связанныхъ съ постройкою этого храма. Императоръ Усердіе каждаго онъ поощрялъ подарками или ласковымъ словомъ. Существовать цѣлый рядъ легендъ, связанныхъ съ постройкою этого храма. Императоръ Усердіе каждаго онъ поощрялъ подарками или ласковымъ словомъ.

Существовать цѣлый рядъ легендъ, связанныхъ съ постройкою этого храма. Императоръ Усердіе каждаго онъ поощрялъ подарками или ласковымъ словомъ. Существовать цѣлый рядъ легендъ, связанныхъ съ постройкою этого храма. Императоръ Усердіе каждаго онъ поощрялъ подарками или ласковымъ словомъ.

Другія легенды связаны съ различными подробностями сооруженія. Планъ храма сообщенъ былъ императору въ сновидѣніи ангеломъ. Въ другомъ случаѣ небесный вѣстникъ, подъ видомъ евнуха, явился одному ребенку, который стерегъ инструменты рабочихъ, и приказалъ ему позвать замѣшканныхъ людей. Такъ какъ отрокъ не хотѣлъ покидать своего мѣста, то посланецъ покаялся ему Вѣчной Мудростью, что будетъ охранять эти инструменты до его возвращенія. Когда же этого ребенка привели къ императору и были созданы двѣ дворцовые евнухи, то ребенокъ не нашелъ среди нихъ своего собесѣдника. Императоръ увѣровалъ, что это было внимательство свыше, и отпустилъ ребенка со щедрой наградою, но приказалъ ему удалиться изъ предѣловъ имперіи, дабы исполнить свое обещаніе. Именно въ память этого событія храмъ и получилъ названіе Божественной Мудрости, т. е. Св. Софіи. Когда строились своды надъ главнымъ алтаремъ, то вдова между Юстиніаномъ и его архитекторами заявила, что не продастъ его, хотя бы возникло разногласіе относительно того, одно или два окна нужно сдѣлать для освѣ-

* «Царьградъ и его окрестности», А. Барта.

Полков. В. Г. БОЛДЫРЕВЪ,
проф. Акад. ген. шт.
Награжденъ орд. св. Георгія 4 ст. и
Георгіевскимъ оружіемъ.

Полков. М. С. ВЕШНЯКОВЪ,
награжденъ орденомъ св. Георгія
4 степ.

шения. Но тутъ снова было явленіе анге-
ла, на этотъ разъ облаченного въ импера-
торскій пурпуръ, приказавшаго соорудить
три окна въ честь Св. Троицы. Когда
зданіе закончено было до купола, то не
хватило золота для его украшенія; и
снова явился ангелъ: онъ привелъ казен-
ныхъ муловъ въ одно подземелье и нагру-
зилъ ихъ 80 боченками драгоцѣннаго ме-
тала. Все эти рассказы свидѣтельствуютъ,
какое сильное впечатлѣніе произвела эта
постройка на воображеніе современниковъ.
Соорудительныя работы и самый храмъ
описаны были въ любопытной поэмѣ тай-
наго соавтаника Юстиніана, Павла Силен-
ціаріуса.

Стѣны и своды храма построены были
изъ кирпича, столбы же—изъ известкового
камня; всюду въ изобиліи употреблялась
драгоцѣнный мраморъ, гранитъ и порфиръ.
Изображенія Христа, Св. Дѣвы, апостоловъ
и евангелистовъ были изъ цвѣтной, сте-
кланной мозаики на золотомъ фонѣ.

Лейтнантъ С. А. КОЗДРОЕСНИЙ.
Награжденъ 4-мъ соед. крестами
св. Георгія и чиномъ офицера.

На солдатской паперти было мозаичное
изображеніе Архангела Михаила, стоявшаго
съ обнаженнымъ мечомъ на часахъ. Для
сводовъ купола, легкость и свѣтлость кото-
раго граничила съ чудеснымъ, въ виду раз-
мѣровъ діаметра, употребляли особые бѣ-
лые кирпичи такой легкости, что 12 штукъ
ихъ вѣсили столько же, какъ одна чере-
пича. Все эти кирпичи были помѣчаны
буквами псалмовъ. Послѣ каждого слоя изъ
двѣнадцати кирпичей замуровывались ча-
стицы св. мощей, между тѣмъ какъ ду-
ховенство пѣло молитвословія и просило
Бога объ окончаніи постройки и долготѣліи
храма.

Рассказы всѣхъ очевидцевъ о внутрен-
немъ великолѣпіи храма поражаютъ самое
смѣлое воображеніе. Юстиніанъ былъ слово-
но описанъ своимъ могуществомъ и бо-
гатствомъ и украсилъ храмъ съ басно-
словной расточительностью. Золото для
сооруженія престола было сочтено недоста-
точно драгоцѣннымъ, и для этого употре-
били особый сплавъ изъ золота, серебра,
толченого жемчуга и драгоцѣнныхъ кам-
ней, и кромѣ того взяли инкрустаціи
изъ камней и медалей. Надъ престоломъ
возвышался въ видѣ башни особый балда-
хинъ, крыша котораго изъ массивнаго зо-
лота покоилась на золотыхъ и серебряныхъ
колоннахъ, украшенныхъ инкрустаціей изъ
жемчуговъ и алмазовъ; изъ-подъ купо-
ла балдахина ниспускался символъ
Святого Духа, голубь, внутри котораго
сохранялись Святые Дары. По гре-
ческому обычаю, престолъ былъ от-
дѣленъ отъ народа иконостасомъ, укра-
шеннымъ рельефными изображеніями свя-
тыхъ. Этотъ иконостасъ поддерживали 12
золотыхъ колоннъ; въ алтарь вели тро-
евратъ, прикрытыхъ завѣсами; посрединѣ
церкви находилась особая амвонъ, имѣвшій
полукруглую форму и окруженный балю-
градой; надъ амвономъ тоже былъ балдахинъ
изъ драгоцѣнныхъ металловъ, покоившійся
на восьми колоннахъ и увѣнчанный зо-
лотымъ, усыпаннымъ драгоцѣнными кам-
нями и жемчугомъ, крестомъ въ 100 фун. вѣ-
сомъ; на этотъ амвонъ вели мраморныя
ступени; перила ихъ, равно какъ балдахинъ
сверкали мраморомъ и золотомъ,—сюда въ
большіе праздники выходило духовенство
и здѣсь же возвышался императорскій
тронъ; вся священная утварь, ключи, ча-
ши, сосуды, ковчежцы были изъ самаго
чистаго золота и осыпаны сверканіемъ
драгоцѣнныхъ камней; книги Нового и
Ветхаго Завета, со своими золотыми пере-
плетами и застежками, каждая вѣсила по
двѣ квинты (т. е. около 12 пудовъ), изъ
золота же были все священныя принад-
лежности и предметы, необходимыя въ
приворномъ церемоніаль, при коронованіи
и прочихъ церемоніяхъ: семь престоловъ,
каждый вѣсомъ въ одну квинту, шесть ты-
сятъ канделябровъ въ видѣ громадныхъ
гроздъ, столько же переносныхъ подсвѣч-
никовъ, каждый вѣсомъ въ 111 фунтовъ;
своды купола сверкали отъ сиянія свѣчей,
серебряныя лампы висѣли на бронзовыхъ
цѣпяхъ, гирлянды свѣта проведены были
по всѣмъ карнизамъ и безчисленными
огнями отражались въ мозаикѣ и драго-
цѣнныхъ камняхъ.

Врата были изъ слоновой кости, янтаря
и кедроваго дерева, а ихъ косяки изъ
позолоченаго серебра. Юстиніанъ сначала
даже хотѣлъ вымостить храмъ золотыми
плитками, но отъ этого намѣренія его от-
говорили, и онъ воспользовался разноцвѣт-
нымъ мраморомъ, волнистыя линіи кото-
раго должны были напоминать бурныя
волны четырехъ райскихъ рѣкъ. Въ при-
творѣ находился яшмовый бассейнъ съ из-
версавшими воду альмами, а надъ нимъ
возвышалась великолѣпная скнія. Въ
домъ Божій могли входить, только предва-
рительно омывъ ноги; для омовенія свя-
щеннослужителей внутри храма рядомъ съ
галереєю для женщинъ (леонтаріумъ)

находились 12 раковинъ, въ которыя со-
биралась дождевая вода; 12 львовъ,
12 пантеръ и 12 серпъ извергали
воду въ общій бассейнъ. Одинъ мраморный
бассейнъ, нѣкогда помѣщавшійся въ хра-
мѣ Св. Софій, въ которомъ вѣрующіе
омывали себѣ руки и лицо, носилъ слѣ-
дующую надпись: «εὐφρον ἀνορθώματα πη-
ροσαν οφίμ», которую можно было чи-
тать и слѣва направо и справа направо,
получая тотъ же самый смыслъ. Точно
такой же девизъ можно теперь видѣть на
фонтанѣ на площади Таксимъ, въ Перѣ,
во дворѣ храма Троицы, построеннаго въ
византійскомъ стилѣ въ 1881 году.

На сооруженіе Св. Софій были обращены
все доходы имперіи, но ихъ оказалось не-
достаточно; огромную сумму уже поглоти-
ло приобрѣтеніе только земли. Когда высо-
та стѣны отъ земли достигла лишь одного
метра, то было уже израсходовано 452
квинты золота. Сооруженія амвона и солен
поглотили весь годовою доходъ съ Египта;
расходы эти легли тяжелымъ бременемъ на
народъ: налоги приняли разорительные
размѣры; жалованіе чиновниковъ было
урѣзано или упразднено совсѣмъ.

По истеченіи шести лѣтъ работъ это ги-
гантское сооруженіе было закончено; въ
рождественскій сочельникъ 538 года импе-
раторъ въ экипажѣ, запряженномъ чет-
верткой лошадей, отправился въ храмъ.
Войдя въ него въ предшествіи патриарха,
онъ быстрыми шагами подошелъ къ амвону
и, воздвѣ руки вверху, изволнованнымъ
голосомъ воскликнулъ: «Да благословенъ
будетъ Богъ, избравшій меня совершить
это дѣло! Я превзошелъ тебя, Соломонъ»;
а на улицахъ въ это время раздавалось
золото и хлѣбъ. На другой день, въ самый
праздникъ Рождества, двери храма впервые
открыты были для божественнаго богослу-
женія. Празднества продолжались 15 дней,
вплоть до Крещенія.
Такъ воздвигнуть былъ этотъ великій
новозавѣтный храмъ.

Съ такою же роскошью императоръ ор-
ганизовалъ свѣщенное богослуженіе и ше-
дро обезпечилъ содержаніе храма. Въ бого-
служеніи участвовали сотни священниковъ,
диаконовъ, иподиаконовъ, псаломщиковъ,
причетниковъ, церковнослужителей и пр.
Церковь получила множество пожертвова-
ній. Въ окрестностяхъ столицы ей при-
надлежало 365 участковъ земли.

Но та поспѣшность, съ которой стро-
ился этотъ храмъ, вызвала вскорѣ неже-
лательныя послѣдствія. Большое земле-
трасеніе, случившееся черезъ двадцать
лѣтъ, поколебало стѣны храма и разру-
шило всю восточную часть купола, при-
чемъ разбиты были престолъ, балдахинъ
и амвонъ, т. е. самыя драгоцѣныя пред-
меты. Одна легенда Ислама гласитъ, что
это землетрасеніе случилось въ ту самую
ночь, когда родился Магометъ. Зданіе св.
Софій расположено на почвѣ различнаго
характера; часть храма отъ алтаря до ку-
пола покоится на каменистой почвѣ, а
отъ купола до притвора основаніе при-
шлось завладывать въ болотистой мѣстности,
и это повлекло вредныя послѣдствія.
Что бы то ни было, храмъ былъ восста-
новленъ еще съ большей заботливостью,
въ особенности съ еще большей предумы-
слительностью. Поручивъ Исидору Млад-
шему подкрѣпить стѣны, арки, контро-
форсы и поднять на 25 футовъ куполь,
Юстиніанъ придавъ храму еще больше
прочности. Кромѣ того, куполь покрытъ
былъ родосской черепицей. Лѣса оставле-
ны были въ храмѣ на цѣлый годъ; за-
тѣмъ полъ храма залитъ былъ на нѣ-
сколько футовъ вышины водою, чтобы
паденіе разбившихся лѣсовъ не распа-
тало новыхъ сооруженій. И пять лѣтъ
спустя, снова въ рождественскій сочель-
никъ 568 г., было совершено вторичное
освященіе.

Съ такою же роскошью императоръ ор-
ганизовалъ свѣщенное богослуженіе и ше-
дро обезпечилъ содержаніе храма. Въ бого-
служеніи участвовали сотни священниковъ,
диаконовъ, иподиаконовъ, псаломщиковъ,
причетниковъ, церковнослужителей и пр.
Церковь получила множество пожертвова-
ній. Въ окрестностяхъ столицы ей при-
надлежало 365 участковъ земли.

Но та поспѣшность, съ которой стро-
ился этотъ храмъ, вызвала вскорѣ неже-
лательныя послѣдствія. Большое земле-
трасеніе, случившееся черезъ двадцать
лѣтъ, поколебало стѣны храма и разру-
шило всю восточную часть купола, при-
чемъ разбиты были престолъ, балдахинъ
и амвонъ, т. е. самыя драгоцѣныя пред-
меты. Одна легенда Ислама гласитъ, что
это землетрасеніе случилось въ ту самую
ночь, когда родился Магометъ. Зданіе св.
Софій расположено на почвѣ различнаго
характера; часть храма отъ алтаря до ку-
пола покоится на каменистой почвѣ, а
отъ купола до притвора основаніе при-
шлось завладывать въ болотистой мѣстности,
и это повлекло вредныя послѣдствія.
Что бы то ни было, храмъ былъ восста-
новленъ еще съ большей заботливостью,
въ особенности съ еще большей предумы-
слительностью. Поручивъ Исидору Млад-
шему подкрѣпить стѣны, арки, контро-
форсы и поднять на 25 футовъ куполь,
Юстиніанъ придавъ храму еще больше
прочности. Кромѣ того, куполь покрытъ
былъ родосской черепицей. Лѣса оставле-
ны были въ храмѣ на цѣлый годъ; за-
тѣмъ полъ храма залитъ былъ на нѣ-
сколько футовъ вышины водою, чтобы
паденіе разбившихся лѣсовъ не распа-
тало новыхъ сооруженій. И пять лѣтъ
спустя, снова въ рождественскій сочель-
никъ 568 г., было совершено вторичное
освященіе.

Съ такою же роскошью императоръ ор-
ганизовалъ свѣщенное богослуженіе и ше-
дро обезпечилъ содержаніе храма. Въ бого-
служеніи участвовали сотни священниковъ,
диаконовъ, иподиаконовъ, псаломщиковъ,
причетниковъ, церковнослужителей и пр.
Церковь получила множество пожертвова-
ній. Въ окрестностяхъ столицы ей при-
надлежало 365 участковъ земли.

Но та поспѣшность, съ которой стро-
ился этотъ храмъ, вызвала вскорѣ неже-
лательныя послѣдствія. Большое земле-
трасеніе, случившееся черезъ двадцать
лѣтъ, поколебало стѣны храма и разру-
шило всю восточную часть купола, при-
чемъ разбиты были престолъ, балдахинъ
и амвонъ, т. е. самыя драгоцѣныя пред-
меты. Одна легенда Ислама гласитъ, что
это землетрасеніе случилось въ ту самую
ночь, когда родился Магометъ. Зданіе св.
Софій расположено на почвѣ различнаго
характера; часть храма отъ алтаря до ку-
пола покоится на каменистой почвѣ, а
отъ купола до притвора основаніе при-
шлось завладывать въ болотистой мѣстности,
и это повлекло вредныя послѣдствія.
Что бы то ни было, храмъ былъ восста-
новленъ еще съ большей заботливостью,
въ особенности съ еще большей предумы-
слительностью. Поручивъ Исидору Млад-
шему подкрѣпить стѣны, арки, контро-
форсы и поднять на 25 футовъ куполь,
Юстиніанъ придавъ храму еще больше
прочности. Кромѣ того, куполь покрытъ
былъ родосской черепицей. Лѣса оставле-
ны были въ храмѣ на цѣлый годъ; за-
тѣмъ полъ храма залитъ былъ на нѣ-
сколько футовъ вышины водою, чтобы
паденіе разбившихся лѣсовъ не распа-
тало новыхъ сооруженій. И пять лѣтъ
спустя, снова въ рождественскій сочель-
никъ 568 г., было совершено вторичное
освященіе.

Полков. В. А. ШЧЕГОЛЕВЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія
4 степ.

Послѣднія строки.

«Вы очень неправы, со-
жалѣя о моемъ уходѣ на
войну. Я лично очень радъ
своему рѣшенію и горжусь
имъ. Продолжительность
нашего пребыванія на зем-
лѣ не имѣетъ значенія.
Важно то, что исполнено,
какъ бы ни была коротка
жизнь.
(Изъ письма лейтенанта
Гладстона къ матери).

Не сожалѣй, что умираю,
Что рано въ міръ иной уйду,
Я шлю привѣтъ родному краю
И безбоязненно встрѣчаю
Мою закатную звѣзду.

Я видѣлъ блескъ ея, родная,
И ты, услышавъ смерти вѣсть,
Скажи, меня благословляя
И съ утѣшеніемъ вспоиная:
«Онъ умеръ доблестно за честь!»

Вѣдь жизни нашей назначеніе
Не въ томъ, чтобы была длинна,
А чтобы, откинувши сомнѣніе,
Сказать въ великое мгновеніе:
«Не даромъ прожита она!»

И. Вальде.

Литературныя замѣтки.

Пѣсни о праздникѣ жизни.

Многіе изъ поэтовъ новѣйшей формации
откровенно признаютъ своими учителями
и руководителями К. Бальмонта и В. Бро-
сова, и званіе «мэтровъ», еще недавно
примѣнявшееся по отношенію къ послѣд-
нимъ въ ироническомъ смыслѣ, теперь
присподносится имъ подчасъ съ подобаю-
щими колѣнопреклоненіями, какъ пѣчто, при-

Студ.-медикъ Московскаго у-та
Б. В. СОКОЛОВЪ.
Награжденъ орденомъ св. Станислава
3 ст. и св. Георгія 4 ст.

Павшие смертью храбрых.

Подполк. А. М. Соловской.

Шт.-кап. П. Н. Табанопулло.

Шт.-кап. П. Н. Федоровъ

Шт.-кап. Ю. В. Аслизовъ.

Шт.-кап. И. С. Михновичъ.

Корнетъ Н. Н. Черенко.

Корнетъ В. М. Абаза.

Поруч. С. С. Басовъ.

Поруч. А. Ф. Павловъ.

Поруч. Н. Н. Уманецъ.

Поруч. Д. Е. Леоновъ.

Подпор. Н. Г. Федоровъ.

Подпор. Д. Е. Агаловъ.

Подпор. Н. А. Волновъ.

Подпор. С. А. Бальмашовъ.

Прапор. В. Н. Кноке.

Прапор. Г. Ф. Гольде.

Прапор. П. И. Амасійскій.

Прапор. Ю. В. Ермоловъ.

Прал. И. Н. Машкоевъ.

ОПЕРАЦИИ У ДАРДАНЕЛЬ.

Британский десантный отряд обстреливает Турок из-за развалин взорванного старинного форта.

Британские матросы и солдаты среди обитателей о. Тенедоса.

надлежащее имя по праву. Для того, чтобы стать въ сторону от этого общаго течения, требуется известная самостоятельность, которую могут похвалиться далеко не все служители музъ. Въ поэзи г. В. П. Опочинина * мы не находимъ слѣдовъ увлеченія модернистскими теченіями. Если бы въ данномъ случаѣ потребовалось установить литературное родство поэта, то мы сказали бы, пожалуй, что онъ, какъ по мотивамъ своего творчества, такъ и по манеру поэтического письма приходится нѣсколько сродни А. Майкову.

Вышнюю форму стиха г. Опочининъ владѣть вполне свободно, при этомъ рисуясь его обыкновенно весьма отчетливый,—ясностью, полнотой, читатель въ рядѣ сближающихся передъ нимъ картинъ почти не найдетъ. Самъ поэтъ опредѣляетъ содержаніе своихъ поэтическихъ опытовъ—какъ чередованіе двухъ взаимно другъ друга исключаящихъ началъ: презы и жизни. Но его презы, характеризуемая имъ, какъ «поэзія сказокъ», «любовь къ красотѣ», «обольщающія бредни», «безграничная даль» и т. п., не кажутся намъ выраженіемъ метательнаго склада души; въ нихъ слишкомъ мало субъективнаго элемента, такъ что ихъ скорѣе можно принять за дань, которую почти всѣмъ въ свое время приходится платить молодости, чѣмъ за что-либо, составляющее отличительный признакъ именно даннаго лица. Что касается «жизни», то она рисуется поэту чаще всего, какъ праздникъ, а запѣтъ уже и какъ сѣрый будни. «Празднику жизни» г. Опочининъ даетъ подчасъ слишкомъ матеріальное изображеніе. Это—«пьянящее вино, и женщины, и розы».

По праздникъ миновалъ,— шумливъ и многолюденъ,—
Сегодня сѣрый день въ окно уже глядѣлъ...
Пожалуй, не найти межъ беспросвѣтныхъ буденъ,
Ни яркихъ этихъ словъ, ни новыхъ этихъ дѣлъ...

Въ програму праздника входятъ, какъ мы видѣли, и женщины,—неудивительно поэтому, что въ поэзи г. Опочинина мы встрѣчаемся не столько съ любовью-страданіемъ, какъ съ любовью-наслажденіемъ. Самыя яркія краски онъ находитъ для изображенія «безумья сладострастнаго», «перваго сладострастнаго вздоха», «торжества сближенія». На «вызовъ страстный» въ отвѣтъ раздается «вдохъ загадочно-мятежный», ночь «волнуетъ жаждой ласки

* В. Опочининъ. *Грезы и жизнь*. Надательство «Лукоморье». Петроградъ. 1915 г. Стр. 114. Ц. 1 р. 50 к.

Британская морская пѣхота на Галлипольскомъ полуостровѣ.

Ночная развѣдка гидроаэроплана въ Дарданельскомъ проливѣ.

и жжетъ дыханіемъ любви», а любимая женщина, «подъ обаяннемъ ночи хмельной»—

Отдавалась наслажденію,
И страстью ибжила и жгла.

Въ одномъ изъ стихотвореній г. Опочининъ пытается, впрочемъ, изобразить любовь «безъ страстныхъ ласкъ, безъ нѣги опьяненія», но его изображеніе едва ли покажется читателю достаточно убѣдительнымъ: это скорѣе теоретически сознаваемая авторомъ возможность существованія такой любви, чѣмъ частіца чего-то дѣйствительно пережитаго, воплощающагося въ поэзи.

При указанныхъ предрасположеніяхъ автора становится понятнымъ его тяготѣніе къ античному міру, данному ему темы для нѣсколькихъ красивыхъ стихотвореній. Эллинская любовь безъ «рефлексій», любовь, въ основѣ которой лежало, главнымъ образомъ, эстетическое чувство, восторгъ, возбуждаемый красотой дѣлій тѣла, нашла во многихъ строфахъ стихотвореній г. Опочинина яркое выраженіе.

Дай же руку повѣсть,
И безъ робости вѣсть
Уходите, послушныя дѣти,
Чтобъ блаженнѣй, чѣмъ боги
Въ олимпійскомъ чертогѣ,
Пробудиться при утреннемъ свѣтѣ.

Интересны и колоритны и восточные мотивы, затрагиваемые г. Опочининимъ. Въ циклѣ пѣсенъ о современной войнѣ онъ сумѣлъ найти не избитые мотивы и въ его стихахъ часто звучать бодрія ноты:

Развѣ не легче дышать? Кругозоръ
Развѣ не шире? Гроза небывалая
Туя разноситъ... и въ выступахъ горъ
Ярко заря загорается алая...

Ю—нъ.

Знаменіе времени.

Именно, какъ «знаменіе времени», интересна недавно вышедшая небольшая книжка критическихъ очерковъ г. Бориса Садовскаго «Озимь» *. Сирость на модернистовъ и ихъ школу настолько упала на литературномъ рынкѣ, что самыя любимыя ученики почувствовали себя вынужденными торжественно отречься отъ своихъ недавнихъ кумировъ. Мало сказать—отречься. Забывая даже тотъ завѣтъ, что «храмъ оставленный все храмъ» (а по собственному признанію автора онъ видѣлъ въ Брюсовѣ «преемника Пушкина, выводящаго поэзію русскую на ея историческую дорогу»), г. Са-

* Борисъ Садовскій. *Озимь*. Статьи о русской поэзи. Петроградъ. 1915 г. Цѣна 75 коп.

Отправка праздничных подарков, посланных из редакции «Нового Времени» в действующую армию и уже доставленных сотрудниками газеты.

довский не знает теперь, на каких более оскорбительных словах остановиться, чтобы должным образом отомстить за былые увлечения, чтобы оплевать бывших руководителей, еще так недавно помогавших ему самому выйти в литературные ряды.

Оказывается теперь, что Бальмонтовское солнце—это всего-навсего—электрический фонарь над садиком загородного ресторана, что юбилей Брюсова—это «юбилей безвременья» русской поэзии, что «он» явился в литературу в образе педошленного младенца и «имел» видимость некоторого успеха» лишь благодаря народным В. Буренину и Вл. Соловьеву, что Брюсов—старший брат, предтеча и трубач» нянчиного футуризма, что своей литературной фигурой он напоминает императора Вильгельма (sic!)—«постоянной рисовкой, неутомимостью в ненужном и даже вредном труде, безвкусицей в своем делье». Подобно кайзеру, Брюсов ведет за собой «полчища мародеров, готовых автомобилем раздавить Милосскую Венеру, взорвать на воздух Луврский собор, сбросить Пушкина с парохода».

Если откинуть отдельные выражения, имеющие слишком явную цель сделать мальчишескую гадость утратившему власть учителю, то с общей характеристикой нельзя, конечно, не согласиться. Трезвая и разумная критика всегда говорила именно это; гораздо раньше, чем возмущал и проионился ум у г. Садовского, указывала она на отсутствие всякой поэзии в произведениях г. Брюсова, давно оценила по достоинству его отношение к своему творчеству, к природе и к любви. Родство с футуристами также установлено уже вполне точно и не составляет геологического открытия автора «Озимы». Приводилась и та самая

цитата, которую приводит г. Садовский.— Ишь, скажи, не нами смиты На постели простыни?— как характерная для Брюсовского чувства к любимой женщины. Давным давно, почти в тех же словах, сделана была и заключительная оценка «поэзии безвременья»: «вместо вдохновенного пения живой души—сухое щелканье мертвых слов, выродившееся в механический подбор пошлостей».

Книжка г. Садовского интересна только потому, что она напечатана человеком из брюсовского же лагеря,—мало того.—едва ли не самым любимым уче-

ником «мэтра», начавшим писать и печататься под его отеческим покровительством и благословением. Как истинный ренегат, г. Садовский забыл всякую благодарность и честить прини- пала во всю мфу своего учителя: «Озимь—это сплошное торжество тех стойких, уверенных в себе критиков, которые никогда не поддавались рекламб «брюсовщины», в частности—это торжество В. Н. Буренина.

Глубокое равнодушие читающей публики к рекламно-прославлявшимся столпам» модернизма или «поэзии безвременья», как говорить г. Садовский,

искреннее обращение к скоромоществу футуристов, а главное—отрезвление по- сейчас, в дни войны, то отрезвление, из которого действительно родится будущее, а не какая-то футур-эпоха,—заставляет иных учеников, какие поуче, скорбей отречься от погибающего культа, уйти из атмосферы тупого разложения. Гг. Бальмонт и Брюсов—уже непопулярны, и от них бывший ученик, Садовский Борис отворачивается совсем, но за г. Блока он еще цыпляется и ему льстит. Эта ссора еще впереди, потому что с «исконными историческими путями святой Руси», к которым признал нужным и своевременным теперь тяготеть автор «Озимы», г. Блок имеет столь же много общего, как и сданные в архив «мэтры».

Спрос читателей, действительно, начинает резко уходить куда-то совсем в другую сторону. И вот прятываются и принимаются всякие юркие ученики модернизма, выбирая торные пути, где было бы выгодно поместить свои рекламные плакаты.

о. в.

БЕЛЬГИЙСКАЯ АРМИЯ.—Отряд пулеметов на блиндированных автомобилях.

Проповедь женоненавистничества.

Устрашающих размеров роман г. Марка Криницкого «Маскарад чувств» * написан как бы специально с целью посягательства женского пола. Проповедники женоненавистничества, в роду М. Арцыбашева, расплодилось у нас с легкой руки Отто Вейнингера, идя по стопам этого сомнительного философа, твердят на все лады об «анормальности» жен-

* Марк Криницкий. Маскарад чувств. Роман. Изд. «Наши дни». Москва. 1915 г. Стр. 427. Ц. 1 р. 50 к.

ВЫСТАВКА АКВАРЕЛЕЙ АЛЬБ. ВЕНУА.

КИТАЙ.—Так называемая «башня Линевича» въ стѣнѣ Пекина.

НА ПОБЕРЕЖЬИ КОРЕИ.—Сеулъ.

шингъ, объ ихъ «алогичности» и о прочих одинаковых ограниченных и жестоких въ отрицательных свойствах женскаго характера. Не отстаетъ отъ нихъ и г. Криницкій.

Правда, герой его романа также не лишенъ недостатковъ, но это уже вопреки замѣреніямъ автора: г. Криницкій силится увѣрить, что онъ и уменъ, и необыкновенно честенъ, и обладаетъ душевною чуткостью,—читатель, однако, знакомъ съ его поступками, не можетъ отделиться отъ впечатлѣнія, что это человекъ въ изрядной степени придурковатый. Для изобличенія же всей той скверны, которая гнѣздится въ представительницахъ слабаго пола, въ романѣ имѣются специальные персонажи, настойчивыя повторенія которыхъ на разные лады все одного и того же заставляютъ придти къ убѣжденію, что ихъ устами говоритъ самъ авторъ. «Въ каждой женщинѣ есть элементарная тугоухость, не позволяющая ей видѣть чего-то самаго главнаго; «всѣ женщины въ одинаковой степени глупы»... «Говорить о свободѣ женщинъ—это все равно, что говорить о свободѣ паучеръ или дикихъ кошекъ. Женщина хороша только, когда она въ клеткѣ, взыздана...» Это изъ сентенцій одного изъ обличителей. Другой въ тонъ ему твердитъ: «Наши женщины не могутъ вполне оцѣнить любви...» «Въ нихъ живетъ этотъ эксплуататорскій духъ, жажда закабалить...» «Женщина, если хотите, не понимаетъ благородства...» Выводъ изъ приведенныхъ положеній не заставляетъ себя ждать: «Въ сущности, женщинѣ надо выгнать отовсюду: изъ школы, больницы, лабораторій, университетовъ... наконецъ, изъ семьи...» Герой романа хотя въ большинствѣ случаевъ своихъ мыслей о женщинахъ опредѣленно не формулируетъ, но вся «трагедія» его жизни зиждется на томъ, что ни одна изъ женщинъ, съ которыми авторъ поставилъ его въ сопряженіе,—ни жена, съ которою онъ разводится, ни Лидя, молодая дѣвушка, на которой онъ собирается жениться послѣ развода,—не въ состояніи понять всего благородства его чувствъ и возмущенности побужденій. При описаніи его встрѣчъ съ Лидой автору то и дѣло приходится дѣлать ремарки: «онъ подумалъ о ней нехорошо». А иногда являются у героя и такія игривыя мысли: «Отчего у нея (т. е. Лиды) такой глухой и важный видъ? И совѣтъ итъ боковъ (!!)...» Или ему приходитъ въ голову: «Она была существомъ совершенно какой-то другой, непонятной, чуждой ему расы...» «Она была черства, ограничена въ своемъ кругозорѣ, словомъ, обыкновенная, тупая, хищная мѣщанка». О женѣ онъ былъ сначала болѣе высокаго мнѣнія, но, въ концѣ-концовъ, «обѣ женщины представились ему

своимъ эгоизмъ».

Впрочемъ и среди женщинъ попадаются временныя белетристы ведутъ насъ въ несчастливый исключеніи. Герой былъ такъ селый домъ и предлагаетъ искать тамъ совершеннѣйшихъ образцовъ «вѣчно-женскаго».

Н. Н. В.

Наблюдай природу*.

Наше направленіе въ педагогикѣ стремится всѣми мѣрами развить въ ученикахъ самостоятельность. Изданіе специальныхъ тетрадей для самостоятельныхъ ученическихъ работъ по всѣмъ предметамъ общеобразовательнаго курса какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ этой задачѣ. Кажется, первый починокъ въ

этомъ направленіи сдѣлалъ г. Печавенъ, издавшій тетради по географіи. По той же системѣ составлена и тетрадь гг. Игнатъева и Соколова. Ее можно рекомендовать какъ пособие для учениковъ младшаго возраста. Всѣ задачи по измѣренію площадей, зарисованію плановъ, по наблюденію солнца, луны, звѣздъ и пр. расположены въ порядкѣ возрастающей сложности и начинаются съ самыхъ элементарныхъ. Для огромнаго большинства дѣтей рѣшеніе ихъ будетъ вполне посильнымъ. По такимъ учебникамъ наше молодое поколѣніе приучится къ самостоятельнымъ работамъ. Усиленная работа памяти и механическая зубрежка, Богъ дастъ, будутъ и въ нашей школѣ постепенно вытѣснены развитіемъ умственной самостоятельности дѣтей.

И. Г.

* Наблюдай природу. Тетрадь для дѣтскихъ самостоятельныхъ работъ. Выпускъ I. Неживая природа и начальная географія. Москва. 1915 г. Ц. 30 к.

смерти мысль меня несколько не возмущаетъ...

Въ моихъ мечтаніяхъ она совѣтъ не та. Какой ее всегда ошибочно рисуетъ, Не знаю почему, людская простота.

О, итъ, я не боюсь... Я знаю, что за мною Придетъ другая смерть... И на ея крыльяхъ Къ давно желанному и вѣчному покою Я радостно пойду, о жизни позабывъ.

Она появится—прекрасная, итъмал, Нарядна и свѣтла, какъ яркій майскій день, Нагнется надо мной, дышаньемъ опыляя, И на чело мое сойдетъ почва гнѣтъ.

Она прижметъ уста къ устамъ моимъ холоднымъ, И въ этотъ чудный мигъ, волнуясь оплана, Къ внамъ созданіямъ счастливымъ и свободнымъ На крыльяхъ полетитъ безплотная душа!

А. Фрейтрагъ.

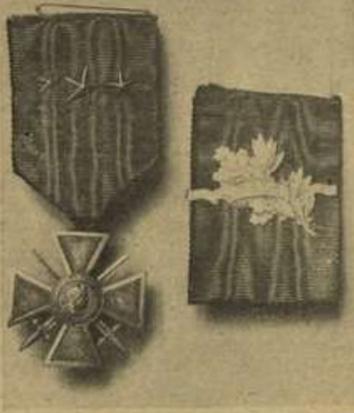
Калигула и Вильгельмъ II.

Въ англійскомъ журналѣ «The Pall Mall Magazine» появился интересный очеркъ знаменитаго итальянскаго историка и лучшаго знатока античнаго Рима Гульельмо Ферреро о жизни и дѣятельности императора Калигулы. По мнѣнію Ферреро, исторія не знаетъ болѣе разительнаго примѣра сходства, каковое наблюдается между этимъ полубезумцемъ древняго Рима и нынѣшнимъ императоромъ Германіи, творцомъ величайшей европейской войны.

Сходство это прямо бросается въ глаза при внимательномъ изученіи жизни Калигулы, даже въ мелочахъ, несмотря на громадный промежутокъ времени, ихъ

Марія Маріусовна ПЕТИПА въ вечеръ перваго своего дебюта въ заглавной роли балета «Голубая георгина». Къ 40-лѣтнему юбилею (1875—1915 г.г.).

Вновь учрежденный французский орден «Военный Крест». Орден бронзовый. Лента зеленая с красными полосками. Пальмовая ветвь вместо звёздочки означает высшую степень ордена.

раздвинутой. Та же прогрессирующая магия величия, хвастовство, желание прослыть в глазах современников героем во всех без исключения областях, тот же алчный, мечтательный, крайне мелочный и придирчивый нрав... Продвигается ли эта историческая аналогия до конца, достигнет ли германского владычества участь его римского предшественника?

После смерти Тиберия Цезарь сохотел Августа имела только трех мужских представителей: Клавдия, брата Германика, Кая Калигулу, сына Германика, и Тиберия, внука покойного императора. Клавдий был ненормальный маниак, таково по крайней мере было общее о нем мнение, он проводил все свое время в изучении археологии и истории, и до того отстал от текущих дел, что не состоял даже больше сенатором. Тиберий был еще ребенком. Кая Калигулу было двадцать пять лет, о нем нельзя было сказать ни дурного, ни хорошего, его советам не знали. Популярный только среди легионеров отца своего Германика, которые помнили его с младенчества, он не был подготовлен ни воспитанием, ни образованием к высокому посту, выпавшему ему на долю, но в критическое время, когда понадобился новый император из семьи Цезаря Августа, выбор пал на него, как на единственного возможного кандидата.

Калигула находился при Тиберии в момент его кончины. Они жили на берегу Неаполитанского залива, и после смерти императора Калигула сопровождал его тело в Рим. Путешествие это превратилось в триумфальное шествие молодого Калигулы. Толпы народа заполняли все города и деревни и устраивали грандиозные оvation до тех пор почти никому неизвестному юнцу. Народный энтузиазм принял такие размеры, что по прибытии Калигулы в Рим сенат немедленно и единогласно избрал его императором. Эта внезапная любовь народа к Калигуле объясняется отчасти тем, что он был сыном Германика, кумира Италии, безвременная кончина которого обманула возлагавшиеся на него надежды народа. Трагическая судьба матери и братьев Калигулы—все это окружало ореолом мученичества оставшегося в живых юнцу.

Уставшие от долготы правления Тиберия, римляне ждали от вступления на престол сына Германика—новой блестящей эры в жизни империи, и празднества по случаю избрания императора длились несколько месяцев. Действительно, начало нового царствования оправдало самые необычные желания. Новый император отказался от целого ряда титулов, дарованных его предшественникам; все важные государственные дела он по собственной воле передал ведению сената. Народ из его щедрых рук получил все завещанное ему Тиберием богатства; Калигула объявлял широкую амнистию и возвращал из ссылки многих сосланных при Тиберии, торжественно сжег все документы по делу матери своей и братьев в знак того, что не собирается никому мстить за прошлое, и даже, вопреки общественному мнению, считавшему Клавдия за слабоумного чудака, он сделал его консулом и сенатором. За этим последовал целый ряд

полезных реформ и мудрых начинаний. Благодарные римляне поднесли юному императору множество титулов, они называли его «Великий», «Взрующийся», «Отец Армии», «Добрый» и т. п.

Словом начиналась новая блестящая эра в истории, во всех городах шли непрерывные празднества, люди в былых одеждах с гирляндами цветов на головах совершали жертвоприношения в знак благодарности богам за Калигулу. Но радость эта длилась недолго, не больше семи месяцев. Кая Калигула показал наконец свой настоящий облик народу. Как указывают историки, Калигула страдал с детства энцефалическим припадком, которые по свидетельству известного Ломброзо фатально действуют на психику человека, делая его часто жестоким и кровожадным. Калигула скоро стал проявлять эти ужасные свойства характера, и в нем начала развиваться ненормальная страсть к власти и богатству.

Уже в первые месяцы, во время всеобщего ликования страны, он стал предаваться, по свидетельству древних историков, страшным, безобразным оргиям в своем дворце, и пьянство и обжорство его удвигало всех окружающих. Образ жизни его был таков, что через восемь месяцев он слег в постель, и жизнь его была в серьезной опасности. Любопытно и трогательно читать свидетельства древних писателей, какой взрыв гора и сожаления вызвала эта болванья молодого императора. Но, увы, когда Калигула поправился, страна увидела перед собой уже другого человека, жестокого, свиряного, обуйного каким-то страшным и таинственным бесом. Мы теперь знаем этого беса, и болванья Калигулы была—начало безумия.

Первый удар пал на ближайших родственников и близких друзей. Калигула приказал казнить Тиберия, внука покойного императора, Макрона, своего ближайшего друга и преторианца, и Марка Силана, отца первой своей супруги. Велико было впечатление, произведенное этими тремя казнями на римлян, ужас облетел всю страну, тем более, что все три казни совершены были без всякого суда и следствия по одному жесту свиряного тирана. Калигула открыто заявил, что не допустит вперед какого-либо вмешательства в свои распоряжения и будет управлять страной самовластно. Вслед за этой первой вспышкой жестокости императором овладела новая магия: его не удовлетворила болванья роскошь жизни римлянина, он стал бредить обычаями Востока, заявив, что хочет стать египетским владыком в Риме, стать богом своего народа, подобно древним фараонам и затем Птолемеям, которые считались божественными в течение своей жизни и были объектами молитвенного обожания народа. Но Рим не был Александрией, латинская традиция не при-

знавали живых богов. Поэтому понятно, какой взрыв недоумения и порицания вызвало появление императора, разряженного Геркулесом. За этим первым маскарадом последовали другие, он стал публично появляться то Бахусом, то Меркурием или Аполлоном, то богом Марсом в шлем и доспехах со свитой пляшущих жрецов бога войны. Общия порицания и насмешки только злили его и толкали на дальнейшие неяркие выдумки.

У императора развивалась болванья страсть во что бы то ни стало быть все время на виду у толпы, манеры его становились все театральнее. Как только стало известно, что Калигула провозгласил себя божеством и требует добавляющих этому сану почестей, по всей стране, а в особенности в восточных ее владениях, начали воздвигать алтари и статуи новому божеству. Калигула считал себя знатоком во всех риниальных отраслях науки и искусства. Он кидался то в литературу, то строил по собственным проектам дворцы, храмы, сады, то занимался юриспруденцией... Он рисовал планы новых грандиозных бань для народа, выдумывал новые сложные блюда, изощрялся в гастрономических выдумках, соорудил колоссальную инженерную постройку, причем не останавливался перед тем, чтобы взрывать большие горы, создавая равнины, и, наоборот, на равнинах делал насыпи, подобные горам, пореживал мосты через головокругительные обрывы... Все это стоило бешеных денег, деньги выбрасывались с безумной расточительностью, но Калигула не знал удержа, и малейшая похвала, малейшая критика приводили его в бешеную ярость. По его приказанию из Александрии были доставлены доспехи Александра Великого, валявшиеся в гробу этого героя, где они тщательно сохранялись до тех пор, и Калигула стал появляться в этих доспехах по большим праздникам перед народом.

Потом им внезапно овладела жажда военных подвигов, дотоле совершенно ему не свойственная. Он пожелал покрыть имя свое военной славой и в один прекрасный день выступил в поход в Галлию. Даже современники высмеивали этот непродолжительный и бесплодный поход. Дальше магия величия стала принимать уже совсем нелепые размеры. Он приказал доставить в Рим из Греции знаменитую статую Юпитера, снес ей голову и заменил ее изображением собственной головы. Он соединил свой палатинский дворец с Форумом, присоединив его к храму Кастора и Поллукса, так что храм этот сделался преддверием его дворца, и появлялся перед толпой между статуями этих двух обожествленных героев для совместного поклонения толпы. Потом по его приказанию в Риме воздвигнут был храм уже ему самому, и появились жрецы нового культа.

Иня. Н. К. ГУБЕРЪ, членъ совѣта министра путей сообщенія, одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей. † 3 апреля въ Петроградѣ. См. № 14032 «Нов. Вр.».

Главный врачъ дезинфекціоннаго отряда при пѣхотной дивизіи Арх. Лук. САЗОНОВЪ. Въ теченіе 6 мѣсяцевъ А. А. Сазоновъ ухаживалъ за больными нашими воинами. Скончался 24 января, 32 лѣтъ, въ Кіевѣ, куда былъ эвакуированъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Генералъ-отъ-кавалеріи Митрофанъ Ильичъ ГРЕГОВЪ. Съ портрета худ. Е. Клавичевой. † 26 марта. См. № 14023 «Нов. Вр.».

Наконец, как Юпитер, он решил жениться на своей родной сестре Друзилле, и только вмешательство когнатов помешало этому замыслу. Другая его сестра, Агриппина, была изгнана им из преддверия империи, бабка его умерла при крайне подозрительных обстоятельствах, и только один слабоумный Клавдий оставлен был в покои и продолжал предаваться своим занятиям. Такое положение не могло продолжаться. Два заговора против жизни Калигулы не удалась, но третий, руководимый офицерами-преторианцами, избавил Римскую империю от сумасшедшего владыки. В конце четвертого года своего царствования Калигула был убит по дворцу своим в Риме.

Если отбросить невозможные в настоящую эпоху жестокости, то не напоминает ли Калигула всей своей фигурой нынешнего владыку Германской империи?—спрашивает Гульельмо Ферреро, Вильгельм II не менее Калигулы глубоко убежден, что обладает всеми врожденными талантами. Он выступал неоднократно писателем, оратором, художником, скульптором, музыкантом, дирижировал оркестром, руководил артистами в своем театре, давая богатую пищу карикатуристам всего мира... Любопытно также отметить, что на наружном фасаде собора в Мюнхене Вильгельм взяты, как образец, для изображения пророка Даниила... И, наконец, теперь на наших глазах в юль-мѣсяцѣ прошлаго года им овладѣла «калигуловская магия войны», желание покрыть себя военной славой. Изъ всехъ историческихъ прообразовъ именно безумецъ Калигула, по мнѣнію итальянскаго писателя, болѣе другихъ похожъ чертами своего характера на нынѣшняго руководителя Германіи.

Новое Время

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14066

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 9-го (22-го) МАЯ 1915 ГОДА.

№ 14066

Дѣвочка съ вишнями.

I.

Вы полагаете, что вѣра, которая сдвигает горы, не болѣе, какъ символъ? Конечно! Конечно! Не мнѣ оспаривать это положеніе. А все-таки...

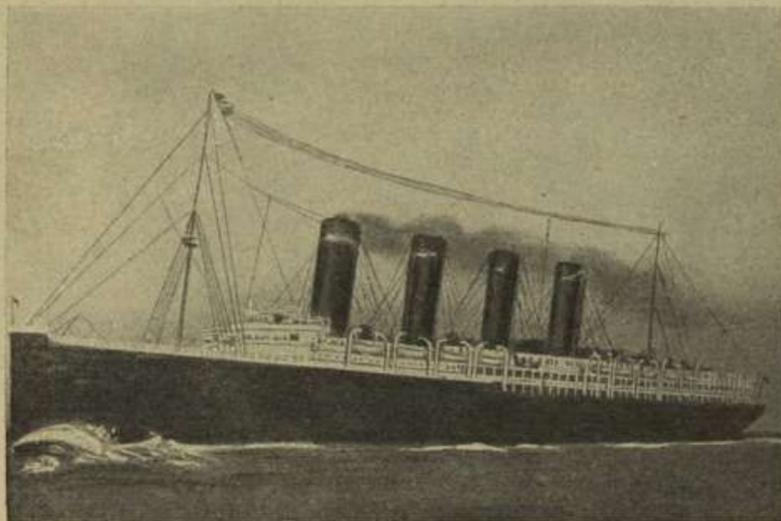
Да вотъ послушайте, какъ однажды мнѣ лично довелось быть очевидцемъ такого удивительнаго явленія, которое, право, очень похоже на гору, сдвинутую съ мѣста, если не вѣрой, то силой... мысли. Замѣтите, что это случилось даже не въ столицѣ, нѣ въ какомъ музеѣ, храмѣ, академіи и самый воздухъ насыщенъ сильными желаніями и могучими идеями, а въ одномъ изъ скромныхъ и сонныхъ городковъ нашей глухой провинціи, гдѣ нѣтъ и никогда не числилось никакихъ идей.

Я былъ тогда нѣсколько моложе, чѣмъ теперь, и вмѣстѣ съ другими молодыми людьми изо всѣхъ силъ ухаживалъ за хорошенькой Нини, единственной дочерью одного изъ самыхъ богатыхъ въ уѣздѣ помѣщиковъ, нѣбогого Странговскаго. Подлинное имя ея было Клавдія; но такъ какъ за всякую вольность съ нашей стороны, — въ формѣ ли слова, взгляда или нѣжнаго жеста, — она обыкновенно грозилась намъ пальчикомъ и говорила: «Ни! Ни!», то мы и дали ей это довольно милое прозвище.

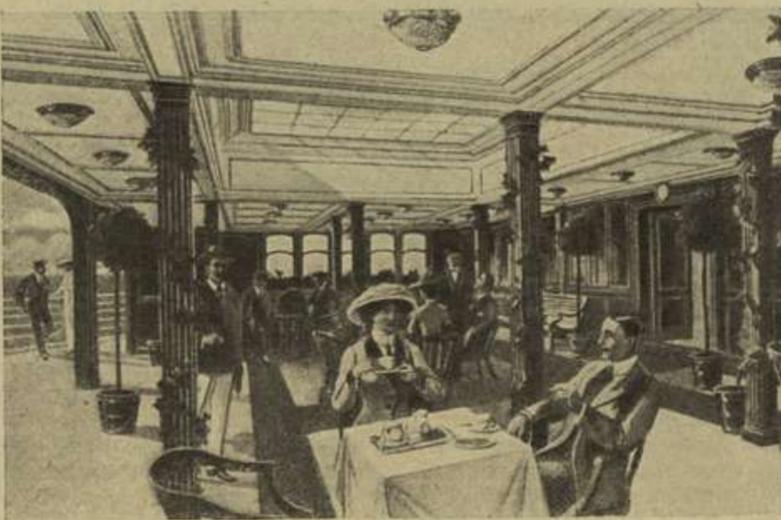
Привлекательна она была до умопомраченія, дѣловитко кокетлива и, кромѣ того, образована, начитала и умна.

Нечего и говорить, что всѣ мы, девять человекъ, предлагавшіе ей руку и сердце, влюблены въ нее до потери разсудка и готовы были, по ея слову, совершить даже... какое-нибудь маленькое преступленіе.

О, я хорошо знаю это состояніе безконечной влюбленности, когда край юбки любимой женщины кажется одеждой ангела. Девять же безумцевъ, всѣ желанія которыхъ направлены въ одну сторону! Страстные мольбы о взаимности, повторяемыя по девяти разъ — въ полдень, пополудни, вечеромъ, во время танцевъ и, пожалуй, даже ночью; въ свидѣніяхъ! Девять тоскливыхъ ожиданій снисходительнаго взгляда, какого-нибудь едва замѣтнаго жеста, лишь бы онъ таялъ въ себѣ доказательство зарождающейся симпатіи! Это уже, согласитесь, нѣчто близкое къ аду и, во всякомъ случаѣ, трудно выносимое. Между тѣмъ, въ такой именно, насыщенной желаніями, атмосферѣ пришлось бѣдняжкѣ Нини провести половину мая и лучшую часть лѣта. Не мудрено, что щеки милой дѣвушки по-

Англискій океанскій пароходъ «ЛУЗИТАНІЯ» общества «Юнардъ Лейнъ», потопленный германской подводной лодкой у береговъ Ирландіи.

Кафе-веранда на пароходѣ «Луситанія».

блѣднѣли, личико вытянулось, а въ глазахъ все чаще и чаще стали появляться безпокойные огоньки.

Сказать правду, и насъ она не щадила. Я и другіе, по ея прихоти, совершили уже не одну глупость, по трудности исполненія превышавшую любой изъ подвиговъ Геракла; неясная же очаровательница требовала отъ насъ все новыхъ и новыхъ доказательствъ искренности, беззаветности и силы нашей любви къ ней. Напрямь, чтобы сорвать цвѣтокъ, по адресу Стаса, какъ онъ уже замѣчалъ, поправившійся Нини, я и Ширинскій, это и очень красивый молодой чиновникъ, по лѣзли къ такой кручу, которая была доступна развѣ только для лунатика. Цвѣтокъ былъ сорванъ Ширинскимъ, я ромъ, устранивъ ея мимолетное неудовольство позорно скатился внизъ, но зато получилъ изъ устъ Нини милое словечко: «Бѣдненькій мой!», произнесенное съ восхитительной грустью. Ротмистръ Дувиновъ, физически самый сильный изъ насъ, разыгралъ передъ Нини роль Иисуса и бросилъ въ озеро какого-то очень толстаго, зазаваннаго и грубаго Нѣмца. Бѣдняга Покотилловъ, по приказанію Нини, коротко, нѣжно и покорно, цѣловалъ двѣ недѣли, вычеркнутыхъ изъ его жизни, ухаживалъ за нѣкоторой озлобленной дѣвочкой, къ которой онъ, называя ее заочно то Венерой, то Мерерой, питалъ чувство звѣрскаго ненависти.

Выль, однако, среди насъ девять одинъ человекъ, который хотя и ухаживалъ за Нини, но въ то время не совершилъ еще ни одного подвига. Это состоялъ Нини по имени Полякъ, и мы, на правахъ тружбы, называли его уменьшительнымъ именемъ: «Стасъ». Ухаживать онъ со- нини скромно и не позволялъ себѣ ни малѣйшей навязчивости, какъ другіе.

Онъ былъ Полякъ, и мы, на правахъ тружбы, называли его уменьшительнымъ именемъ: «Стасъ». Ухаживать онъ со- нини скромно и не позволялъ себѣ ни малѣйшей навязчивости, какъ другіе. Стоило Нини сдвинуть бровки, даже не по адресу Стаса, какъ онъ уже замѣчалъ, удалялся, чтобы не мѣшать ей своимъ присутствіемъ, или же какой-нибудь удачной шуткой, интереснымъ разгово- ромъ, устранивъ ея мимолетное неудоволь- ствіе. Все это онъ дѣлалъ нѣжливо, спокойно, даже кротко, словно Нини была ребенокъ, порученный его попеченію, и никогда изъ одного порыва, ни одного смѣ- лаго, страстнаго облебенія въ любви! Видя такую умѣренность съ его стороны, мы рѣшили, что Стасъ ухаживаетъ за Нини только ради доброй компаніи, лишь бы не портить нашего согласнаго кон- церта.

Поэтому нѣкоторые изъ насъ не при- дѣлавали никакого серьезнаго значенія сло- вамъ Стаса, принимая ихъ за явную шутку, когда ослъ, въ минуты безпечной откровенности, принимался мечтать

вслухъ о возможномъ для него бракѣ съ нашей прелестной повелительницей.

— Неужели, Стасъ, вы серьезно имте- ге какія-либо надежды въ этомъ от- гошеніи? — спросилъ я его однажды.

Стасъ усмѣхнулся, внимательно по- смотрѣвъ мнѣ въ глаза и въ свою очередь спросилъ:

— А вы какъ думаете объ этомъ?

— Думаю, что у васъ нѣтъ желанія поставить на своемъ и вълѣдствіе этого нѣтъ и шансовъ на успѣхъ.

— Кажется, вы неправы, мой другъ, — отвѣчалъ Стасъ. — Желаю ли я? Да развѣ можно желать силыгѣ и постоянствѣ? Впрочемъ...

Тутъ онъ, какъ бы спохватившись, что измѣнилъ своему обычному полуплути- вому тону, безпечно повелъ головой, сдѣлалъ полный кругъ на каблучкахъ, приложилъ палецъ къ губамъ и весело сказалъ:

— Только никому не рассказывайте. Если будетъ удобный случай, и я не очень противенъ Нини, то въ одинъ изъ дней текущей гѣдѣли, можетъ быть, въ пятницу, или еще недѣлю спустя, она станетъ моей невѣстой. Даю вамъ слово! У меня есть такое предчувствіе, что въ пятницу случится нѣчто для меня благо- пріятное.

Я расхохотался. Стасъ тоже смѣялся и нѣжливо, дружески трепалъ меня по плечу, повторилъ:

— Въ пятницу. Будете помнить: пятница? Даю вамъ слово.

Когда Стасъ ушелъ, то я сталъ очень подробно принимать все только что сказанное имъ, даже толь его голоса, и у меня почему-то явилась увѣренность, что Стасъ совсѣмъ не шутитъ и дѣйстви- тельно рѣшилъ, наконецъ, совершить, подобно намъ, въ честь Нини одинъ изъ подвиговъ Геракла.

Какой? Это казалось любопытнымъ.

Я подѣлился своими предположеніями съ прочими соперниками, и мы, восемь человекъ, прежде относившіеся къ Стасу довольно легкомысленно, теперь какъ-то сразу увидали его въ иномъ освѣщеніи и, признавъ, кое-кто изъ насъ смутился.

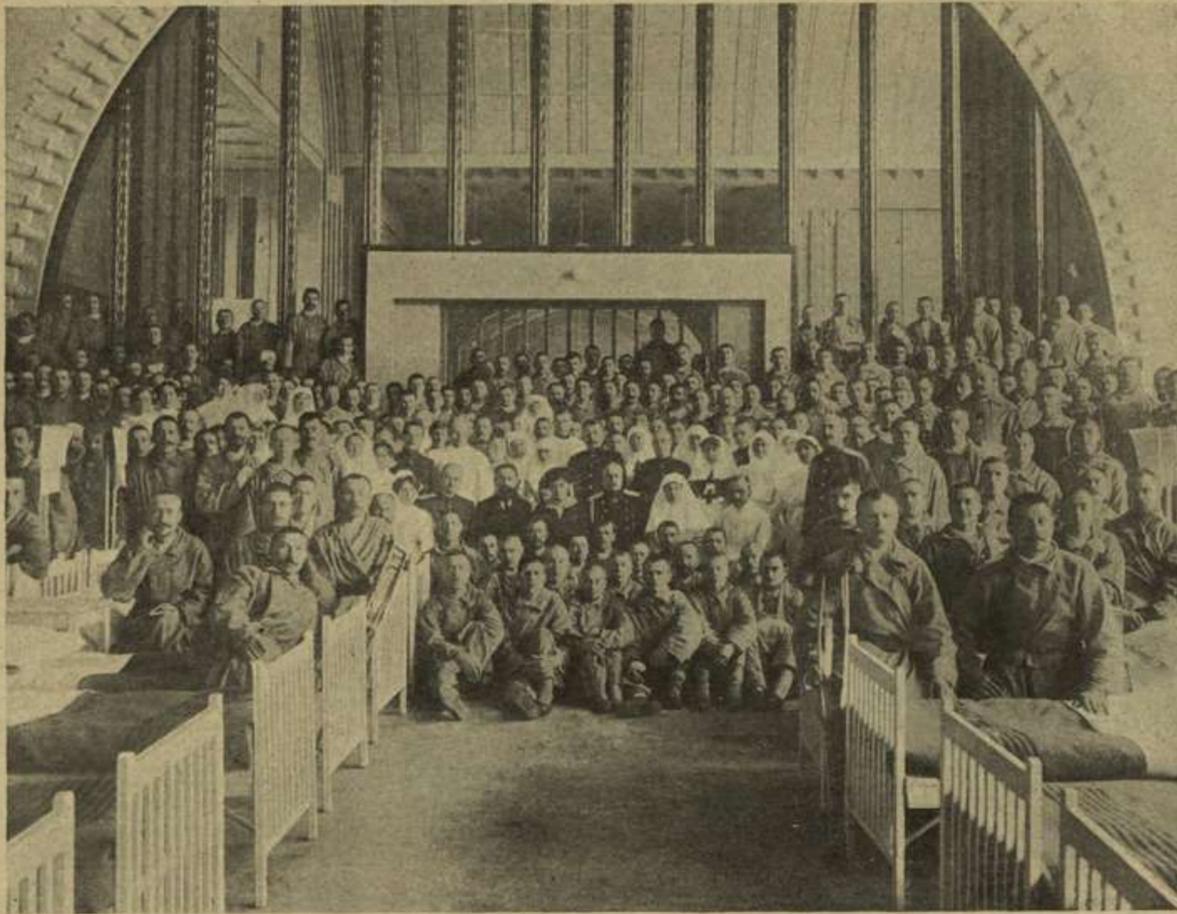
— Да вѣдь онъ совсѣмъ недуренъ собой, даже лучше многихъ, этотъ Стасъ. Благовоиспытаетъ. Слособъ его ухаживанія оригинальнѣе и по отношенію къ явнымъ

Маленькій салонъ для куренія.

Каюта перваго класса на «Луситанія».

Пятый Гельсингфорский временной лазарет Императорского Финляндского Сената для раненых и больных воинов, помещающийся в здании нового вокзала.—В центре группы Финлянд. генерал-губернатор ген.-лейт. Ф. А. Зейн, его супруга С. М. Зейн, вице-председ. Сената намергер М. М. Боровитинов и старшая сестра милосердия вдова ген.-лейт. В. А. Добровольская.

способам представляется ярким контрастом. Все же яркое и оригинальное нравится женщинам. Но что такое он придумал?

Таковы приблизительно были наши новые соображения относительно Стаса, и, дблясь ими, мы с любопытством ожидали пятницы.

Наконец и она наступила.

II.

Завтрак, а потом обденное и послеполуденное время прошли совсем незамбтно, не принеся ничего выдающегося или измбняющего характеру наших взаимных отношений. Нини была не совсем в духе, а Стас казался нбсколькo унылым и держался в стороне.

Прихвастнул юноша и теперь не знает, как ему прилично ретиро-

Сотрудник «Новаго Времени» И. М. НАЛИННИКОВЪ, поступившій добровольцемъ въ ряды дбствующей армии. Инагражденъ Георгиевскимъ крестомъ 4 степени.

ваться,—шепнул мнб, по адресу Стаса, сохранилось удивительно яркое воспоминание о счастливой вечеринке Ширинской. Я был осторожен и, облакая предостережением в шутовую форму, напомнил Ширинскому об известной поговорке-предразсудкб:

— Кто смбется в пятницу, тот в воскресенье будет плавать.

— Ну васъ!—возразил Ширинский.— Не хочу знать никаких предразсудков.

Бъ вечеру разразилась затяжная гроза и заставила всбх насъ преждевременно уйти из сада и спрятаться в домб.

Въ тотъ день у Страновскихъ гостей было больше, чбмъ обыкновенно. Было много дамъ. Онб боялся молний и открытых оконъ. Когда же закрыли окна, то въ гостиной стало очень душно. Стасъ сълъ къ роялю и сталъ играть, сначала небрежно, а потомъ увбренно, сильно и съ большим настроением, что-то во всякомъ случаб грустное, несмотря на прелестную музыкальную повесть то вбжломчателальных, то бойкихъ и жизнерадостныхъ мелодий. Мы переглянулись с удивлением: никто из насъ не зналъ о музыкальных способностяхъ Стаса.

— Что вы играете? Что-то очень знакомое,—спросила Нини.

— Кажется... «Золотыя грезы... дбтства...» не... знаю,—отвбчалъ Стасъ, не поворачивая головы.

— Чья же музыка?

— Тоже не знаю. Не помню! Можетъ быть... моя,—сказалъ Стасъ.

— Вотъ какъ! Такъ вы и композиторъ?

— Немножко.

Онб оборвалъ «Золотыя грезы» и припался, уже безъ определенной музыкальной мысли, перебирать пальцами клавиши.

— Есть стихотворение Гейне: «Золотые грезы счастья, доброй ночи вамъ, прощайте!»—замбтилъ кто-то.

— Нбтъ, тутъ не тб слова. Въ томъ, что я игралъ, воспбвается дбтство. Солнце и дбтство.

— Ахъ!—воскликнула Нини.—У меня

Если пообщаете... охотно, отъ души,

безъ принуждений, то и доставлю вамъ... точное изображение маленькой Клады. Даю вамъ слово.

— Вы? И той самой Клады, о которой мы говорили?

— Даю вамъ слово,—повторилъ Стасъ.

— Что это: шутка, или хитрость, при помощи которой вы хотите уловить меня в снб? Нбтъ, нбтъ, такой способ не годится, и я не даю общания, слышите?

— Но увбряю васъ, что никакой хитрости...

— Не увбряйте, напрасно! Меня, однако, удивляетъ, что вы, считающійся однимъ лучшимъ другомъ и такой искусный... въ музыкб, взяли... совсемъ невбрный тонъ,—неожиданно закончила Нини съ отбтнкомъ искреннего упрека.

Стасъ порывисто поднялся со стула, сбблалъ нбсколькo шмговъ къ Нини и остановился передъ ней въ торжественной позб.

Лицо его было серьезно, пожалуй даже строго, когда онъ сказалъ:

— Хорошо, я не прошу никакихъ общаний, но у меня: что сказано, то прочно, и я все-таки берусь доставить вамъ...

— Фотографическую карточку Клады?— прервала его Нини.—Перестанете ли вы шутить?

— Такъ какъ я не шучу, то и не перестану. Не могу перестати!

Стасъ снова заговорилъ въ своемъ обычномъ шутовскомъ тонб и уже улыбался; но мнб, наблюдая за нимъ, показалось, что онъ былъ очень взволнованъ, и что веселая, безпечная улыбка стояла ему немалыхъ усилий воли.

Онб продолжалъ, обращаясь къ Нини:

— Пусть я излбжусь важнымъ тономъ. Такъ какъ правда на вашей сторонб, то простите ошибку каюшагоса и забудьте о ней. Теперь же мнб просто хочется уббдить васъ и показать вамъ на опыте, какъ

Сестра милосердїа Харьковской общины Енат рина АРНОЛЬДИ. Инагражденъ Георгиевской медалью 4 степ. за оказаніе помощи раненымъ подб чбнемъ неприятеля.

Подполк. Н. П. СОКОЛОВЪ. Инагражденъ орденомъ св. Георгія 4 степ. и Георгиевскимъ оружіемъ. Дважды раненъ и контуженъ.

Павшие смертью храбрыхъ.

Полк. А. В. Нисленовъ.

Подполк. Г. Г. Павлицевъ.

Кап. С. А. Горбуновъ.

Кап. Н. М. Кромонецкій.

Кап. В. А. Явдъ.

Шт.-кап. В. К. Гергилевичъ.

Шт.-кап. Н. М. Кавелинъ.

Подпоруч. А. І. Яновскій.

Прапорщ. Н. Н. Обломовскій.

Прапорщ. А. А. Маевскій.

дѣлается моментальный фотографическій снимокъ особеннымъ, новымъ способомъ. Этотъ новый способъ, которымъ не всякій можетъ овладѣть, похожъ немножко на чудо, но на самомъ дѣлѣ тутъ, конечно, нѣтъ никакого чуда, и все поддается научному объясненію. Даю вамъ слово! И такъ, вы позволите? Признаюсь, ваше участіе въ опытѣ, а также и довѣріе, необходимы мнѣ, и я очень васъ прошу...

Нини слегка кинула головой въ знакъ согласія, и тогда Стасъ, быстро обведя всѣхъ присутствовавшихъ пытливимъ взоромъ, остановилъ его на мнѣ съ явной радостью.

— Аполлонъ Григорьевичъ, — сказала она просительно и мило, — тамъ, въ передней, приготовленъ фотографическій аппаратъ. Будьте добры — принесите его сюда, но такъ, чтобы никто, кромѣ васъ, не прикасался къ нему руками. Пожалуйста!

Въ другое время и ни за что не сталъ бы исполнять подобныхъ порученій Стасъ, но тогда... или любопытство меня одолѣло, или подкупило меня довѣріе Стаса, но я безпрекословно пошелъ въ переднюю, принесъ оттуда аппаратъ, поставилъ его посреди гостиной, и когда Ширинскій полнился съ кресла, чтобы осмотрѣть аппаратъ поближе, то и съ самымъ грознымъ и повелительнымъ видомъ осадилъ этого любопытнаго человѣка:

— Сидите! Не смѣйте подходить ко мнѣ, безпокойная личность!

Ширинскій пригрозилъ мнѣ кулакомъ, тѣмъ же мѣнѣ сѣлъ на прежнее мѣсто, притомъ сдѣлалъ это такъ быстро, словно его схватили за воротъ smoking и посадили силой.

Тѣмъ временемъ Стасъ, обращаясь то

къ Нини, то къ ея маменькѣ, съ виду еще совсемъ молодой дамѣ, вкрадчиво и любезно спрашивалъ у нихъ, не осталось ли въ домѣ, гдѣ-нибудь въ шкафу или въ комодѣ, какой-либо вещицы, принадлежавшей въ тотъ періодъ дѣтства, о которомъ шла рѣчь, маленькой Кладѣ, лучше всего, если это будетъ что-нибудь изъ ея дѣтскаго туалета. Такая вещьца нашлась: бѣленькій передникъ.

Увидавъ его, Нини пришла въ восторгъ и воскликнула:

— Боже мой! Въ этомъ самомъ передникѣ и дѣйствительно возвращалась тогда съ деревенской ярмарки!

— Это очень кстати! Это больше, чѣмъ надо! — въ свою очередь обрадовался Стасъ. Онъ схватилъ передникъ, внимательно разсматривалъ его нѣкоторое время, потомъ приложилъ его ко рту, къ губамъ и къ сердцу; наконецъ, взявъ Нини за руку, подвелъ дѣвчушку къ аппарату и, закрывъ экранъ передника эту милую, бѣленькую ручку, заговорилъ выразительно и съ паузами, словно обдумывая каждое слово, прежде чѣмъ его произнести:

— Прощу васъ, повторите еще разъ, какъ это было: вы, маленькая Кладѣ, возвращались съ ярмарки? На васъ былъ вотъ этотъ самый... бѣленькій... передникъ? Да? Помните ли вы фигурку Кладѣ? Ея личико? Волосы? Улыбку? Вы должны это помнить, потому что Кладѣ была маленькая кокетка и часто смотрѣлась въ зеркало...

— О, она была большая кокетка! — воскликнула госпожа Спранговская, внимательно, какъ и все общество, слушавшая водробы Стаса, обращенные къ ея дочери. — Большая кокетка, — говорила она, — волосы имѣла волнистые, фигуру тон-

кую, какъ жердочка, и постоянно вертелась передъ зеркаломъ. Помнишь, Кладѣ?

— Очень хорошо! — подхватилъ Стасъ, — значить я правъ и совершенно отчетливо представляю себѣ васъ въ то утро. Голубое, теплое, солнечное утро! Деревенская улица... Маленькая Кладѣ, кокетка, идетъ по улицѣ... Да? Волосы вытуются: крупныя завитки... Глазки...

Тутъ Стасъ, произнесившій всѣ эти фразы тономъ мелодекламатора, неожиданно и съ особенной энергіей назвалъ меня и отдалъ приказаніе, котораго нельзя было не исполнить:

— Аполлонъ Григорьевичъ! Скорѣе! Выключите электричество, прошу васъ!

Я бросился въ переднюю къ счетчику, схватилъ рукоятку рычага и содвинулъ ее вверху: передняя, гостиная, столовая, весь домъ сразу погрузились въ совершенный мракъ. Произведя этотъ эффектъ, я крикнулъ Стасю изъ передней, какъ подчиненный, исполнившій свой долгъ:

— Готово! Что еще? — крикнулъ я, не отходя отъ счетчика и почему-то придавая очень важное значеніе и себѣ самому, какъ дѣятельному участнику какого-то удивительнаго эксперимента, и этому ничтожному куску металла, опирающагося въ дерево, рычагу, который между тѣмъ въ данномъ случаѣ повелѣвалъ мраку и свѣту.

Стасъ ничего не отвѣтилъ мнѣ. Съ настойчивостью, убѣдительно, въ какомъ-то упоеніи онъ продолжалъ свою мелодекламацию и, признаваясь, въ ней, по крайней мѣрѣ, для меня, было что-то жуткое.

— Маленькая Кладѣ... Да? — повторялъ онъ въ двухъ чередующихся тонахъ. — У Кладѣ въ ручкахъ корзинка, маленькая, круглая, кукольная корзинка... Въ корзинкѣ сидѣли шипш... Солнце... Надъ плет-

немъ нависли вѣтви... Дѣвочка смотритъ и видитъ... Видитъ, какъ въ зеркалѣ... Да?

Я стоялъ въ передней у счетчика, боясь сдвинуться съ мѣста, чтобы не напугать и не проронить ни одного слова, такъ все это было необыкновенно и любопытно.

И вдругъ изъ мрака гостиной послышался отчетливый, хотя и словно съвозъ зубы, довольно громкій шопотъ Нини въ совершенно несвойственномъ ей низкомъ тонѣ:

— Да... Какъ въ зеркалѣ... Вижу Кладѣ... Смотритъ... Улыбается... Какъ въ зеркалѣ...

Наступило молчаніе, которое длилось, вѣроятно минуту или двѣ. Потомъ что-то скрипнуло въ аппаратѣ, кто-то кашлянулъ. Въ то же мгновеніе Нини слабо вскрикнула и простонала своимъ прелестнымъ порочнымъ голосомъ:

— Боже мой, какъ это страшно! Не могу больше. Зажмите электричество!

Услышавъ этотъ стонъ, я быстро, насколько могъ, повернулъ рычагъ, давъ свѣтъ и бросился въ гостиную.

Тамъ уже суетились возлѣ Нини, съ восторгомъ, повидимому, случился маленькій обморокъ. Стасъ тоже суетился, но не возлѣ Нини, а у своего фотографическаго аппарата. Впрочемъ, движенія Стаса были хотя и послѣднимъ, но увѣренны, и онъ, не переставая собирать аппаратъ, старался убѣдить и Нини, и дасть, что ликакого обморока не было, а такъ только... нѣкоторая яркость представленій, которая всецѣла была въ подобныхъ случаяхъ и быстро проходила.

Дамы не хотѣли вѣрить Стасю и продолжали приводить Нини въ себя, натирая ей виски и лобъ одеколономъ.

Мужчины поглядывали на Стаса съ самымъ враждебно, находя, что онъ въ своихъ фо-

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Батарея въ лѣсу.

Отдыхъ на батарее.

кусахъ и мистификаціяхъ зашелъ непоз-
вительно далеко.

Стасъ былъ бѣдѣнъ. Непроизвольное
вздрагиваніе губъ свидѣтельствовало о не-
которомъ первомъ потрясеніи, но въ гла-
захъ Стаса и въ лицѣ его и прочелъ съ не-
сомнѣнностью то характерное выраженіе,
которое бываетъ только у побѣдителей не-
посредственно послѣ одержанной побѣды.
И когда онъ, собравъ свой аппаратъ и съ
особой тщательностью уложивъ пластинку,
подошелъ къ Нини извиниться за причи-
ненное ей безпокойство, то я, еще разъ
перехвативъ налету взглядъ Стаса, а по-
томъ и отвѣтный взглядъ Нини, почувство-
валъ некоторое сердечное ущемленіе и ска-
залъ моему другу Ширинскому:

— Ну, вотъ, видите, опасенія мои оправ-
дались. Стасъ, кажется, ближе къ цѣли,
тѣмъ мы съ вами предполагаемъ.

— Ничего не вижу! Не смотрю!—отвѣ-
чалъ Ширинскій сердито.

— Какъ знаете, — продолжалъ я сры-
вать на немъ свою собственную досаду, —
но если бы вы потрудились изглянуть, то
увидали бы, съ какой любезностью и лю-
бовью посмотрѣла Нини на нашего счастли-
ваго соперника.

— Пусть смотритъ, какъ ей угодно, —
не сдавался Ширинскій, — я же знаю толь-
ко одно, что вашъ Стасъ — вралъ и хва-
стунъ. Обидно то, что, не предупредивъ
насъ, двѣрившихъ ему, какъ товарищу,
онъ позволилъ себѣ всерьезъ какую-то
идиотскую мистификацію. Фотографическій
слишокъ маленькой Клади! Скажите пожа-
луйста, какой герой и кудесникъ! Ну, а
мы-то съ вами идиоты, что ли? Онъ, ко-
нечно, можетъ пойти на подлогъ, этотъ
вашъ Стасъ, но увѣрю васъ, что, пред-
полагая такой случай, я съ своей стороны
приму всѣ мѣры, чтобы вывести этого из-
вѣтника на чистую воду и посадить въ
калошу.

Ширинскій говорилъ съ такой энергіей,
что, признаюсь, на минуту подорвалъ мою
увѣренность въ побѣдѣ Стаса.

Однако, эта увѣренность снова окрепла,
когда Стасъ, уже подойдя къ выходу въ
переднюю и, словно прочитавъ въ нашихъ
мысляхъ, повернулся лицомъ въ нашу
сторону и сказалъ тѣмъ дѣловитымъ, спо-
койнымъ тономъ, которымъ профессора объ-
являютъ слушателямъ программу слѣдую-
щей лекціи:

— Я еще не имѣю возможности сооб-
щить вамъ о результатѣ произведеннаго
здѣсь... опыта. Надѣюсь все же, что онъ
былъ удаченъ. Это будетъ видно... недѣли
двѣ спустя. Сегодня вечеръ пятницы: я
прошу позволенія у добрыхъ хозяевъ этого
гостеприимнаго дома явиться сюда въ на-
чалѣ пятнадцатаго дня, въ субботу, къ
завтраку, и тогда... вы сами убѣдитесь, поз-

Казачій разъездъ.

вопытъ ли я себѣ неудобную, обидную молчаніи и съ недоумѣніемъ поглядывали
шутку, какъ, вѣроятно, полагаютъ нѣко- другъ на друга.
которые изъ васъ, или... или... что-нибудь. Наконецъ кто-то спросилъ:
другое.

Стасъ откланялся и скрылся за дверью, и какъ къ всему этому слѣдуетъ от-
а мы, оставшіеся въ гостиной, какъ сами пестись?

Странговскіе, такъ и гости ихъ, мужчи- Нико не зналъ, какъ надо отнестись.
ны и дамы, нѣкоторое время сидѣли въ Пожимали плечами, терли лобъ, хмурились

НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Французскіе развѣдчики на рѣкѣ Маасъ.

брови, а тѣ, что полескомысленнѣе,
схѣбались.

Нельзя было обратиться съ разпросами
и къ Нини: недекоративно; кромѣ того,
она еще раньше, вскорѣ послѣ извиненія
Стаса, ушла къ себѣ и не возвращалась
въ гостиную.

Рѣшено было дожидаться субботы, а
пока, какъ предложили одинъ изъ поклон-
никовъ Нини, юрисконсульта по професіи, оста-
вить вопросъ о фотографическихъ фоку-
сахъ новоявленнаго... Калиостро от-
крытымъ.

III.

Субботы всѣ мы ожидали еще съ боль-
шимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ прежде — пятни-
цы. Стасъ скрылся: всѣ двѣ недѣли ни гдѣ
его не было видно, и это дало поводъ
Ширинскому утверждать, что Стаса мы
никогда больше и не увидимъ, такъ какъ
онъ человѣкъ самолюбивый и не захочетъ
при всѣхъ сидѣть въ калошѣ.

Это было сказано въ присутствіи Ни-
ни, которая посмотрѣла на Ширинскаго
съ явнымъ недружелюбіемъ, но про-
молчала.

Наконецъ, наступила и назначенная
суббота.

Смѣшно устроены человѣкъ: изъ тѣхъ
лицъ, которыя были очевидцами фотогра-
фическихъ фокусовъ Стаса и не придава-
ли этимъ фокусамъ никакого серьезнаго
значенія, даже въ смыслѣ удачнаго подло-
га, теперь почти всѣ явились къ Стран-
говскимъ еще задолго до назначеннаго
Стасемъ срока и, въ ожиданіи Стаса, пре-
бывали въ явномъ волненіи, котораго не
могли скрыть.

Больше всего опасались того, что Стасъ
не сдержитъ даннаго слова, испугается на-
сѣтшекъ, несомнѣнно имъ заслуженныхъ,
и не придетъ вовсе.

Но Стасъ явился! Мало того, когда онъ
вошелъ въ гостиную, то на лицѣ его
играла обычная привѣтливая улыбка
решитѣ благовоспитаннаго молодого человѣ-
ка, и совсѣмъ не было замѣтно, чтобы
онъ былъ смущенъ или же опасался како-
го-либо ложнаго для себя положенія.

Въ рукахъ у Стаса оказалась довольно
большая, завернутая въ полотно, рама.

— Что это у васъ въ рукахъ? Неужели
обѣщанная фотографическая карточка? По-
чему же она такая большая? — встрѣтила
Стаса хорошенькая Нини своимъ милымъ
голоскомъ, который тогда показался мнѣ
еще милѣе, такъ какъ въ немъ звучали
тревожныя нотки.

— Нѣтъ, вы не угадали, — отвѣчалъ
Стасъ, медленно освобождая раму изъ по-
лотца, — хотя фотографическій снимокъ,
въ предѣлахъ того, что мнѣ было нужно,
удался вполне, и я могу показать его

НА БОСФОРЪ.—Фортъ Румела-Хиссаръ.

У ДАРДАНЕЛЬ.—Видъ улицы въ Чанакъ-Кале послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ англійскаго дредноута «Королева Елизавета».

чаша, Нини, у себя дома, но, сколько по-
мнитса, я не общалъ фотографической
карточки.

— Какъ не общали?—воскликнула
Нини, гнѣвно сдвинувъ бровки.

— Слышите? Правъ-то былъ я, а не
вы: онъ уже отстываетъ и даже безъ моей
помощи.—шепнуть мнѣ Ширинскій.

— Стасъ же, улыбаясь, продолжалъ:

— Даю вамъ слово, что это было такъ.
Вспомните? Я общалъ представить вамъ
изображеніе маленькой Клади, и вотъ оно.

Произнося эту фразу, Стасъ подошелъ
къ этажеркѣ, хорошо освѣщенной солн-
цемъ, и поставилъ на ней картину, на-
писанную масляными красками.

Не знаю, какъ другіе, но я, при первомъ
же взглядѣ на эту картину, испыталъ то
нѣжное нѣчто, зовущее куда-то и къ
чему-то открывающее, что поселяется на
минуту у насъ въ душѣ, заставляетъ
вздрагивать губы и выдавливать слезу
изъ глазъ, когда мы прочтемъ, увидимъ
или уловимъ самое чудное въ художествен-
номъ произведеніи писателя, въ нрѣхъ ве-
ликаго артиста или въ дивной музыкѣ.

Это была картина высокаго достоин-
ства: какое-то удивительно пріятное,
мягкое сочетаніе красокъ; прозрачность
воздуха; прелесть перспективы; теплота
солнца; яркое и точное изображеніе лицъ
и предметовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, припод-
нятость во всемъ, легкость, словно во снѣ
или въ видѣннѣи.

Изображенъ былъ уголокъ малороссій-
ской деревни лѣтомъ. Узкая улица спуска-
лась внизъ между двумя покосившимися
въ нѣсколькихъ мѣстахъ плетнями, надъ
которыми склонялись вѣтви яблонь и зо-
лотые вѣшки молодыхъ подсолнечниковъ.
Посреди улицы, вся въ свѣту, стояла дѣ-
вочка, лѣтъ семи, въ бѣломъ, передникѣ,
въ дѣтской панамѣ съ бѣлыми лентами:
дѣвочка съ вишнями. Лицо ея улыбалось,
глазки, цвѣта каштана, весело и радостно
смотрѣли прямо на зрителя, а также и на
бабу въ синей юбкѣ, съ удивительной
тицательностью выписанную на картинѣ.

— Оксана! Да вѣдь это въ самомъ дѣлѣ
Оксана! Какъ живая!—воскликнула Нини,
прикомотѣвшись къ бабѣ и приходя прямо
въ дѣтскій восторгъ.—Мама! Мама! Идите
поскорѣ сюда! Вѣдь это Оксана!

Явившаяся на зовъ госпожа Странгов-
ская, дама, какъ было уже сказано, не
старая, притомъ нѣжной организаціи,
доброй души и чувствительная, взглянувъ
на картину, даже всплеснула руками отъ
неожиданности и, въ свою очередь, вос-
кликнула:

— Кладичка! вѣдь это ты! Это твой
вѣрный портретъ, когда ты была семи-
лѣтней дѣвочкой! Мы жили тогда въ Марья-

новкѣ. Боже мой! Да вѣдь это Марьянов-
ка на картинѣ? Ахъ, какая прелесть!

Я, всѣ присутствовавшіе и даже мой
другъ Ширинскій были поражены самымъ
натуральнымъ образомъ. На минуту вода-
рилось молчаніе, словно мимо картины про-
шло что-то невидимое и торжественное,
а потомъ снова принялись восхищаться, и
на всѣ лады, всеми тонами, повторялось:

— Ахъ, Боже мой! Кладичка! Оксана!
Марьяновка! Корзинка! Вишни!

— Что скажете?—спросилъ я Ширин-
скаго.

Онъ только посмотрѣлъ на меня, по-
мазалъ плечами и отвернулся, не промол-
вивъ ни слова. Побѣдитель же въ этой
скачкѣ съ препятствіями, тонконогій пре-
стидижитаторъ, по характерному выраже-
нію Дунива, скромно стоялъ въ сторонѣ,
облокотясь на роуль, и даже не видно бы-
ло по его лицу, доволенъ ли онъ произве-
деннымъ эффектомъ?

Но зато лицо это совершенно преобра-
зилось, словно озаренное изъ глубины ду-
ши какими-то таинственными свѣтовыми
токами, когда Нини, немолжно смущенная,
подошла къ Стасу, положила на его ру-
ку свою маленькую ручку и сказала:

— Вы поступили очень мило, исполнивъ
свое обещаніе. Я тоже хочу исполнить
свое: гдѣ вы, тамъ и я.

Генриетта Карронтъ.

Улицы города БРУССЕЛЬ, куда убѣжалъ турецкій султанъ въ случаѣ опасности для Константинополя.

* * *

Вчера сбылись твои мечты:
Есть что-то грустное во взглядѣ,
И рдѣють губы, будто ты
Смочила ихъ въ кровавомъ плѣ.

Вчера ты счастлива была:
Ты жизнь встрѣчала прихотливо,
Когда загадочно-бѣла
Сходила яочь изъ грядъ залива.

Изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ
Блестятъ глаза, зрачки широки:
Ты лучшихъ жизненныхъ страницъ
Вчера читала жадно строки.

Въ улыбкѣ губъ змѣится грѣхъ,
Скользнуть и кроется мгновенно...
Тамъ любовь свою отъ всѣхъ,
Но мнѣ признайся откровенно.

Своимъ вниманіемъ не могъ
Смутить я тайны той прозрачной:
Я, вѣрный другъ, плету вѣнокъ
Изъ бѣлыхъ розъ для позолоченной.

На свѣтломъ праздникѣ любви
Я буду гостемъ благосклоннымъ,
Скажу: Господь, благослови —
Чету подъ яснымъ небосклономъ!

В. Опочининъ.

Литературныя замѣтки.

Новое по исторіи Рима *.

Исторія и Римъ—два понятія, которые
всегда были близкими другъ къ другу. Да-
леко не случайность, что въ латинской ли-
тературѣ, въ общемъ не столь богатой,
какъ, напр., древне-греческая, имена исто-
риковъ заняли такое видное мѣсто: Це-
зарь, Саллюстій, Титъ Ливій, Тацитъ (что-
бы не называть меньшихъ)—эти Карамзи-
ны древняго Рима были въ то же время,
по своему литературному вѣсу, почти его
Пушкиными и Толстыми. Не случайность,
что величайшій геній Вѣчнаго Города на-
шелъ время не только совершать свои по-
двиги, но и обстоятельно ихъ описывать въ
«запискахъ» о гальской и гражданской вой-
нѣ. Та же связь сохранилась и въ дали вѣ-
ковъ, когда подвѣвшая человѣческая мысль
обращалась къ своему прошлому. Что
исторія Рима есть «исторія по преимуществу»,—эта мысль неоднократно была вы-
сказана философами и историками, и, ко-
нечно, не случается, опять-таки, тотъ
фактъ, что самое созданіе исторіи, какъ
науки, въ концѣ XVIII и въ XIX столѣтій,
тѣсно связано съ развитіемъ именно рим-
ской исторіи: Гиббонъ, Нибуръ, Моэнъ—
эти три великихъ имени одинаково обозна-
чаютъ собою этапы и въ пониманіи исто-
ріи Рима, и въ пониманіи исторіи вообще.

Все это особенно обостряетъ интересъ
ко всякому новому серьезному труду въ
этой области, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ,
возлагаетъ на взявшася за эту задачу
особую отвѣтственность. «Продолжать», по-
слѣ такихъ предшествіяющихъ, не такъ
легко... Тѣмъ болѣе, что, несмотря на
громдное накопленіе новаго фактиче-
скаго матеріала, основныя точки зрѣнія,
высказанныя прежними историками Рима
(Моэнномъ особенно), навсегда, вѣроятно,
сохранять свое значеніе. Самая «пластич-
ность» этой исторіи, ея чисто-античная
выпуклость, рельефность, отчетливость
ея перспективъ и деталей обуславливаетъ
это качество. Здѣсь получается нѣчто по-
добное положенію въ наукѣ древняго ис-
куства: новыя раскопки подарили намъ
столько античныхъ шедевровъ, что мы не
склонны повторять безусловно восторги
нашихъ предковъ передъ Лаокоономъ и
Аполлономъ Бельведерскимъ. Наша эстети-
ка измѣнилась, но все же и для насъ
эстетическое законодательство Виндельма-
на сохраняетъ въ значительной степени
свой «нормативный» характеръ.

Справедливость требуетъ признать, что

* Г. Ферреро. «Величіе и паденіе Ри-
ма». Т. I. «Созданіе имперіи». Переводъ
А. Захарова. М. 1915. Стр. IV+361. Изд.
Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 75 к.

Образцы вольной одежды, выдаваемой комитетом Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны войнам, отправляемым на родину в отпуск свыше 6 месяцев или признанным вовсе неспособными к дальнейшей службе.

талантливый историк-социалист новейшей Италии, Г. Ферреро, труд которого вполне заслуживает перевода, справился со своей нелегкой задачей. Он сумел дать картину Италии древней, в наиболее критический момент ее жизни, одновременно и яркую, и оригинальную. Книга его захватывает только сравнительно краткий период от смерти Суллы до захвата власти первыми триумвирами (в дальнейших томах должно быть продолжено развитие Империи до Нерона). Первоначальной римской истории дано только краткое изложение в первых пяти главах (образцовых по сжатости и определенности плана). Но, конечно, избранный Ферреро момент представляется не только важнейшим в истории Рима, но и одним из тех, к которым никогда не устанет возвращаться человеческая мысль. Именно за этот период с необычайной яркостью вывелись и определились результаты всего предшествовавшего культурно-государственного развития древнего мира и был дан как бы прообраз возможных в окончательном их результате судеб мира нового. Превращение Рима в империю и первая форма этой громадной, всеохватывающей

организация дают за все времена пример и урок особого психологического значения.

Самый итальянский историк в высшей степени склонен подчеркивать этот возможный «модернистический» смысл давно отшумевшей жизни. Между строк его труда все время чувствуется безмолвная параллель старого с новым, местами проглядывающая и откровенно. Но эта тенденция не вредит книге, так как темперамент историка, которому интересно всего «найти нить к непосредственным, случайным и преходящим мотивам, побуждавшим людей прошлого к их трудам» (предисловие автора), — это «истинное вдохновение задачи историка» — берет вверх над всеми остальными. Несмотря на яркую «социальную» характерность книги, — это настоящая историческая книга.

Что же до экономическо-социальной точки зрения, на которой с характерной современной односторонностью стоит автор, то односторонность эта составляет такой очевидный корректив к старой, исключительно «прагматической» и героической точке зрения, что охотно признаешь

ее законность. Тем более, что она дает возможность выдвинуть почти опущенный из виду явленный, — как выдвигается, например, Ферреро экономической кризис Рима конца II-го и начала I-го века, и перипетии борьбы с италиками из-за гражданских прав. Сюрным остается его, намечающийся уже, скептический взгляд на Цезаря, — может быть, вызванный таким же невольным коррективом к Момзену. Однако, аподеоз, созданный последним для резюмирующей исторической мысли Рима личности первого цезаря, представляется именно раз навсегда данной «основой». За то настоящую заслугу Ферреро составляет выдвигание личности Лукулла, как первого «создателя нового империализма», до сих пор несправедливо затененного его более блестящими преемниками. Характеристика его исторической роли, данная Ферреро, думается, останется в науке, как общепризнанная.

Перевод книги вполне удовлетворителен.

П. Перцов.

Женская лирика.

Г-жа Инна Мандраки довольно точно определила содержание сборника своих стихотворений, дав ему название «Пьеса женского сердца». Затрагивая область женских переживаний, она является искренней даже тогда, когда в формах стихотворения чувствуется влияние других поэтов (не трудно заметить, напр., аналогию с лермонтовским «И скучно, и грустно», хотя бы в ряд таких вопросов в стихотворении «Современность»: «Стремиться! Но к чему? Да разве кто отвинтит?..», «Любовь! Да разве есть любовь теперь на свете?..» и т. д.). Юные мечтанья, первое очарование любви и ее разочарования, жажда радости и «осенняя» настроенность, сменяясь, дают, при всей своей пестроты, цельную картину душевной жизни женщины. На заре жизни все манит своею таинственностью, и слышна вкра в будущее:

... я ввела в плбнительную сказку
О двух сердцах далеких, но родных,
В поэзию любви и в дбвственную
леску,
И в блеск очей твоих манящих,
молодых...

Окружающая сбренная действительность не удовлетворяет, а молодой дбвущик ищет счастья с «шмг», которое рисуется перед нею в туманных, кажущихся для взрослого несколько названными, формах:

Я хочу любви красивой,
А не блбдной тусклой прозы,
Ласки долгой молчаливой,
Поэтической, как грезы!
Я хочу, чтоб отдохнули
Мы на ложб из фиалок,
Чтобы арфы нам играли
Пбвно грустную весталок...

Но наивные мечтанья сталкиваются с жизнью, и наступает время, когда обманувшейся в «чез» женщины приходится приббгать к помощи сомнительных утбшений:

Слезь онб не стойте... Пойми:
Жизнь—это длинная, странная шутка.
Счастливы мы лишь дбтьми.
Понял ли онб твою душу прекрасную,
Первой любви чистоту?..

Удачно очерчены у г-жи Мандраки некоторые женские «портреты», — напр., образ дбвущики в стихотворении, начинающемся строками:

Она была такая маленькая,
Она была такая слабенькая,
Хрупкая была...

Современность отразилась в книге г-жи Мандраки рядом стихотворений, посвященных войне, и посвященных как виновнику войны («Ему прощения нбть и никогда не будет...»), так и сбрую герою «русскому воину».

Р-ль.

* Анна Мандраки. Пьеса женского сердца. Стихотворения. Петроград. 1915 года. Стр. 138. Ц. 1 руб.

Турецкая пехота в новой форме.

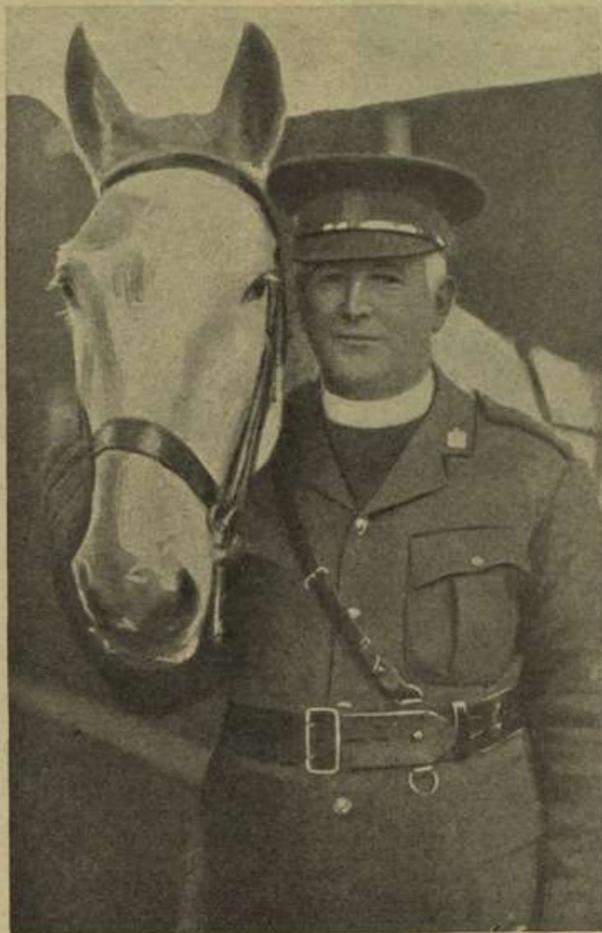

Турецкие моряки.

Экскурсии в область психологии.

В рассказах г. Тренева* попадаются мѣстами отдаленныя сцены, на основаніи которыхъ можно заключить, что, если бы онъ безхитрою привадею описывать то, чего наблюдателю ему довелось быть, изъ него могъ бы выработаться недурной писатель-«бытовикъ». Но когда отъ описанія жизни въ станицѣ или на какомъ-нибудь отдаленномъ хуторѣ онъ переходитъ къ болѣе сложнымъ литературнымъ заданиямъ, сейчасъ же обнаруживается его полная беспомощность въ ихъ разрѣшеніи. Въ самомъ крупномъ по объему рассказѣ «Владыка» бытовика подробности отступаютъ на задній планъ передъ задачей психологической. Архіерей Иннокентій отличается необычайною строгостью и рѣшительностью по отношению ко всемъ, заподозреннымъ въ уклоненіи отъ вѣры. Хотя приобщеніе строгихъ мѣръ стоитъ ему сильной душевной борьбы, но онъ считаетъ, что онъ обязанъ исполнить свой долгъ, и потому караящая резолюція сыплется направо и налево. Между прочимъ онъ приказалъ уволить изъ семинаріи безъ права поступленія въ какое бы то ни было учебное заведеніе тринадцатилѣтняго воспитанника Павла Разумова за то, что у него найдены были испещренныя имъ листки, изъ которыхъ было видно, что онъ не совсѣмъ почтительно относился къ «добродѣтелямъ вѣховскаго патриарха Іакова». Напрасно отецъ Разумова, старый деревенскій дьячокъ, просилъ помиловать сына, указывая на то, что у него на рукахъ еще пятеро дѣтей; напрасно самъ уволенный, «растерянно улыбаясь кривой, жалкой улыбкой», просилъ не лишать его хотя бы права поступить въ какое-нибудь заведеніе, — владыка остался непреклоненъ. Павелъ Разумовъ застрѣлился, — и это такъ подѣйствовало на владыку, что онъ совершенно утратилъ душевное равновѣсіе, сталъ равнодушенъ ко всему тому, что раньше представлялось ему самымъ важнымъ въ жизни, и, наконецъ, въ припадкѣ умопомраченія, поджегъ архіерейскіе покои и самъ погибъ въ огнѣ. Если бы все это было изображено съ достаточной убѣдительною, то читатель, можетъ быть, и повѣрилъ бы этому. Но въ повѣствованіи г. Тренева мы наталкиваемся на цѣлый рядъ сомнѣній. Прежде всего нѣтъ дѣйствія къ тому, чтобы человѣкъ, не лишенный душевной чуткости, — какъ мы хотимъ изобразить авторъ Иннокентія, — могъ съ такимъ сухимъ формализмомъ относиться къ вишѣ еще малолѣтняго и не вполне сознательно относящагося къ своимъ поступкамъ воспитанника, чтобы онъ могъ съ самаго же начала не почувствовать той драмы, которая подготавливалась почти у него на глазахъ. Совершенно механически изображенъ авторомъ самый переломъ въ душѣ владыки: раньше онъ ощущалъ въ душѣ «тихое вѣяніе благодати», теперь — «улегло дыханіе благодати», и, что бы онъ ни дѣлалъ, тотчасъ же «всплывало въ памяти блѣдное лицо Пашеньки» (Разумова). Раньше былъ священникъ укасъ передъ вѣчными муками ада, теперь — «холодное равнодушіе къ собственному спасенію». Но такое нанизываніе фактовъ, каждый изъ которыхъ представляетъ «обратное» тому, что было прежде, несмотря на всѣ усилія автора не приобщаетъ читателя къ душевной драмѣ героя рассказа. Мало убѣдительно представляются даже и нѣкоторые вышнія подробности повѣствованія, напр., исторія сожженія владыкой своей диссертации, представлявшей собою «толстую тетрадь». Онъ зажегъ на столѣ двѣ свѣчи и «положилъ на нихъ диссертацию», а когда она сгорѣла, «смель пепелъ въ корзину». Но читателю не трудно представить себѣ, что выйдетъ въ действительности,

ПАСТЫРИ НА ВОЙНѢ.

Британскій полковникъ священникъ въ походной формѣ.

если на свѣчи положить толстую тетрадь: онъ просто-на-просто потухнутъ.

Психологическимъ анализомъ не блещетъ и рассказъ «Любовь Бориса Николаевича», хотя изображенный здѣсь случай таковъ, что безъ надлежащаго освѣщенія поступки героя представляются просто дѣяніями ненормальнаго человѣка и должны быть скорѣе предметомъ клиническаго наблюденія, чѣмъ беллетристическаго изображенія. У Бориса Николаевича во время его пребыванія въ Крыму былъ грубоватый, почти живогонный романъ съ одною замужней женщиной, которая по первому его приглашенію: «Приходи ночью» — явилась на свиданіе. Отъ нежданья этому роману особеннаго значенія, по возвращеніи домой, ему и любимой жене показалась неинтересной, и «союзъ русскаго народа», и т. п. «Самсонъ» домъ смучившись, — онъ бросилъ все и поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ жила герцогиня

его крымскаго романа, поселился на постояломъ дворѣ и довольствовался случайными встрѣчами съ нею на улицѣ, иногда только, въ видѣ счастливаго исключенія, случая разрѣшеніе нести ей корзину съ провизіей, когда она возвращалась съ рынка домой. Тема здѣсь очевидно навѣяна, — можетъ быть, совершенно безсознательно для самого автора, — рассказомъ Чехова, «Дама съ собачкой». Но какая разница между Чеховской исторіей, гдѣ все такъ отчетливо и ясно, и сумбурнымъ повѣствованіемъ о «любви» Бориса Николаевича.

Худшую категорію изъ рассказовъ г. Тренева представляютъ тѣ, въ которыхъ нѣтъ политическаго прижуха, въ видѣ нѣсколькихъ изобличеній разныхъ дѣятелей «союза русскаго народа», и т. п. «Самсонъ» жакетъ въ своихъ рукахъ чуть не весь го-

родъ, въ изображеніи г. Тренева является совершенно карикатурною фигурою и во все его «злѣдѣйства» читателю какъ-то плохо вбѣрется. В. Ю. В.

Мелочи.

Участіе англійскихъ университетовъ въ нынѣшней войнѣ.

Весь мѣръ удивленъ героическимъ усиленіемъ Англій, сумѣвшей за нѣсколько мѣсяцевъ внезапно вспыхнувшей европейской войны создать и оборудовать грозную и многочисленную армию, часть которой уже сражается во Фландріи, а другая часть готовится въ недалекомъ будущемъ присоединиться къ первой и мощнымъ натискомъ очистить Бельгію отъ Германцевъ. Великобританія, не признающая обязательной воинской повинности, сформировала эти войска изъ добровольцевъ, за исключеніемъ одного только регулярнаго сотысячнаго экспедиціоннаго отряда, отправившагося во Фландрію съ момента объявленія войны. Интересна роль университетовъ Англій въ этомъ дѣлѣ. Патриотическая волна сразу охватила учащуюся молодежь Англій, но послѣ разгрома Лувена движеніе это приняло колоссальныя размѣры. Студенты стариннѣйшихъ университетовъ Англій, Оксфорда и Кембриджа, гдѣ обучаются дѣти британской аристократіи, стали почти поголовно записываться въ военныя команды, формирующіяся въ стѣнахъ своихъ учебныхъ заведеній. Общпріятны парки университетовъ отведены подъ практическія занятія: студенты роютъ траншеи, строятъ проволочныя загражденія, обучаются стрѣльбѣ, верховой ѣздѣ и тренируются для предстоящей военной жизни. Въ свободное отъ этихъ занятій время они слушаютъ лекціи по специально военнымъ наукамъ. Обычныя занятія почти прекратились, занимаются только молодые люди, которые признаны негодными для военной службы, но и изъ этихъ большинство идетъ въ санитарныя отряды. Однимъ изъ первыхъ ушелъ на войну изъ Оксфордскаго университета студентъ принцъ Уэльскій, наследникъ престола. Восемнадцатилѣтній принцъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находится при штабѣ фельдмаршала Френча, а нѣкоторое время сидѣлъ со своимъ батальономъ въ окопахъ, несъ службу обыкновеннаго офицера. Примѣру Оксфорда и Кембриджа послѣдовали всѣ другіе университеты Англій: въ университетахъ Единбурга, Дублина, Глазго, Ливерпуля, въ лондонскомъ университетѣ и др. 50 процентовъ всѣхъ студентовъ обучаются военному строю и готовятся вступитъ въ ряды арміи. Въ спискахъ убитыхъ и раненыхъ числятся уже много студентовъ, вчерашнихъ безпечныхъ юношей, игравшихъ въ футболъ и занимавшихся спортомъ. Въ благодарности юнымъ героямъ университетовъ Англій сохраняютъ за ними ихъ какаси незамѣщенными до возвращенія.

Военныя игрушки французскихъ кустерей.

Недавно мы писали о бойкотѣ германскихъ игрушекъ во Франціи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и французскіе кустеры выбросили на игрушечный рынокъ цѣлыя транспорты своихъ издѣлій, большинство которыхъ вдохновлено войною.

Парижскіе «камло» по всѣмъ улицамъ Парижа — и подъ аркадами улицы Риволи, и въ окрестностяхъ вокзаловъ, и у терасъ опустѣвшихъ кафе, и у закрытыхъ дверей магазиновъ съ краснорѣчивой надписью: «Хозяинъ дерется съ «Вашами» — кричатъ: «У кого нѣтъ своего маленькаго 75?», намекая на популярнѣйшее орудіе 75 мм., — славу французской арміи и гордость націи.

Игрушечные «75 мм.» есть на всѣ цѣны, — отъ 3 су до 5 франковъ. Фабрикантъ этихъ пушекъ распродалъ ихъ только за одинъ декабрь мѣсяць свыше чѣмъ на 50,000 франковъ, причемъ на 20,000 фр. пошло въ Англію.

Въ большомъ ходу игрушки: «Парижскій автобусъ на фронтѣ», «автомобильный пулеметъ», «санитарный поѣздъ», «бельгійская повозочка», запряженная собаками, «аэропланъ» и пушка тяжелой артиллеріи.

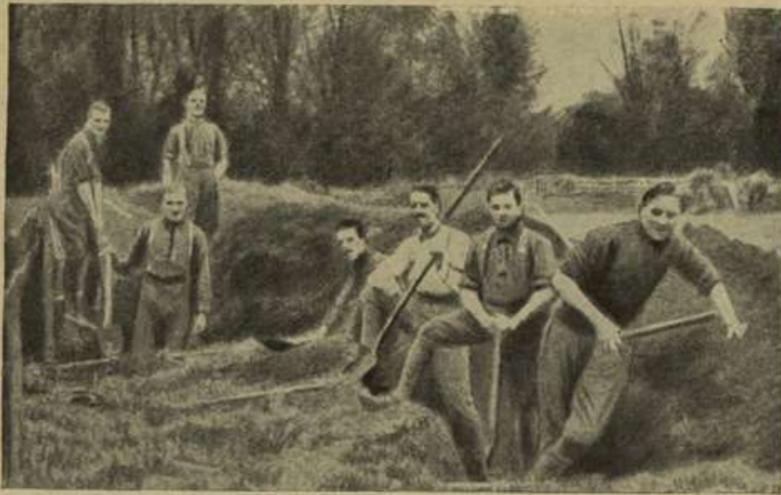
Всѣ маленькіе парижане снабжены теперь этими военными игрушками и съ азартомъ воспроизводятъ войну въ миниатюрѣ, въ то время какъ ихъ отцы сражаются за родину въ Вогезахъ и Эльзасѣ.

Любопытно отмѣтить, что на бульварахъ «камло» смѣнялись теперь женщинами «камлотъ»: и здѣсь мобилизація произвела народную брешь!

Паровозъ-гигантъ Владиванкаской желѣзн. дор. усовершенствованнаго типа «ПАСИФИКЪ». 30 апрѣля было произведено испытаніе на переходѣ «Петроградъ—Онуловка», средняя скорость 85—90 верстъ въ часъ.

* К. Трениевъ. Владыка. Рассказы. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1915 г. Стр. 245. Ц. 1 р. 25 к.

Студенты Оксфордского университета обучаются рыть траншеи въ своемъ паркѣ

Практическія занятія студентовъ Лондонскаго университета. (См. Голосъ на 151 стр.)

Особенно густыя толпы стоятъ вокругъ камло, демонстрирующаго «агонію Франца-Иосифа и Вильгельма». Это дѣл резиновыя куклы, надувающихся воздухомъ и испускающія жалостныя вопли по мѣрѣ того, какъ воздухъ выходитъ изъ нихъ.

Вильгельмъ воинственно потрясаетъ мечомъ и держитъ въ другой рукѣ надпись: «сухой порохъ»,—намекъ на его сухорукость; Францъ-Иосифъ съ бѣлой бородой стоитъ на колѣняхъ, молитвенно сложивъ руки. Когда воздухъ выходитъ изъ нихъ — обѣ куклы безпомощно падаютъ въ видѣ кусочковъ мягкой резины!

Еще новая игрушка: «Что дѣлаетъ наша 75 мм.»?

Небольшая кукла, около 20 см. высотой, на пружинѣ, изображаетъ ненавистнаго «Боша». Нажмите пружину—и кукла, составленная изъ кусочковъ дерева, подпрыгиваетъ на воздухъ и части ея разлетаются по сторонамъ. Затѣмъ «камло» подбираетъ руки, ноги, голову и

туловище «Боша» и хладнокровно складываетъ ихъ для новой демонстраціи.

А цѣлая серія куколъ — солдатъ союзниковъ! Здѣсь бородатый Русскій, и англійскій «Томми», и Шотландецъ въ короткой юбочкѣ, Японецъ, и Сербъ въ «опанкахъ», и Черногорецъ съ орлинымъ носомъ.

Забавна игрушка солдатъ-жонглеръ, изображающій французскаго пѣхотинца—«пу-пу»: нажмите его руку, и она ловко пуститъ въ пространство голову кайзера съ запоечными усамъ. Рядомъ съ этимъ «тюрокъ» душитъ «Боша», причѣмъ у Боша языкъ высунывается чуть не до пояса подъ давленіемъ руки Араба.

Большимъ успѣхомъ пользуются символическія деревянныя силуэты: «русскій бѣлый медвѣдь», «Входъ Бошей въ Парижъ» съ веревкой на шеѣ, «Вильгельмъ и крошка-Бельгіецъ».

Эта послѣдняя игрушка очень остроумна: кайзеръ опускаетъ огромный ку-

лакъ на линицу-Бельгіяца, по подѣ давленіемъ пружины силуэтъ поворачивается и предъ кайзеромъ солдатъ со штыкомъ въ рукѣ. Надпись гласитъ: «онъ ждалъ увидѣть дитя, а увидѣлъ война».

Это дань героизму маленькой націи.

А бумажныя силуэты Жоффра, портреты его, бюсты изъ дерева, глины и хлѣба! Оловянные солдатки никогда еще не были въ такомъ фаворѣ, какъ теперь. Сколько изящнаго вкуса вносится въ расположеніе ихъ группъ. Вотъ дозоръ выходитъ изъ палатки, или часовой стоитъ на посту на границѣ Эльзаса, и у ногъ его свернутый на землю столбъ съ надписью «Германія», или генералъ со своимъ штабомъ, а для дѣвочки лазаретъ Краснаго Креста, группа солдатъ, несущихъ раненыхъ на носилкахъ... Молодое поколѣніе видитъ войну, какъ она есть — съ героизмомъ страданія, а не одной только удалю легендарныхъ мушкетеровъ!

Въ этомъ году дѣтвора требуетъ не только своихъ солдатъ, но также и русскихъ, японскихъ, англійскихъ, словомъ, всехъ союзниковъ. Особенно Русскій, запорошенный сѣрымъ и заиндевѣвшій у сосны, былъ въ большомъ спросѣ.

Напрасно будете вы искать въ этомъ году коробоковъ съ пастушками и стадами или розовыхъ бабъ въ нарядныхъ платьяхъ. Ихъ смѣнили солдаты и мирные сбитватели союзныхъ державъ!

Многіе приобретаютъ всѣ эти игрушки,—ибо, несомнѣнно, въ послѣдствіи всѣ эти реликвіи великой отечественной войны составятъ весьма цѣнную и рѣдкую коллекцію.

Редакторъ М. Н. Мазаевъ.
Издание Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

Рукава наивысшаго качества:
Резиновые, для поливки улицъ; съ оплеткой изъ смоленой бичвы служатъ 5—10 лѣтъ. Мѣдные брандспойты и соединительныя гайки къ рукавамъ.
Пеньковая, для подачи воды на постройки.

Главный складъ издѣлій Росс.-Америк. Резин. Мануф. «Трехъ ольшникъ»

Конст Мальмъ.
Петроградъ, Морская, 34.

СКАНДИНАВІЯ

ПАНСИОНАТЪ LJUGARN
на островѣ Готландъ (Швеція)

принимаетъ пансионеровъ на лѣто. Роскоши. природа и климатъ. Большая столовая. Цѣна за полн. пансіонъ 80 кроунъ въ мѣсяцъ. Письма прос. адресовать: Madame Lina Johanson.

БИБЛІЯ

Подана на рус. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи иллюстрирована **208** худо-картинами, въ томъ числѣ 6 X 4 верст., 2 толщ., нѣс. 9 ф. 1550 стр., въ проч. красн. тисн. золотомъ полукожан. переп. съ кол. футл. и 5 р., съ переп. Евр. Рос. 5 р. 65 к., ушак. 20 к. Первая и единств. п. въ Россіи иллюстрир. Библия. Эту великую книгу должнъ имѣть каждый.

Адр.: Петроградъ, Невскій, 153 П.
Е. П. Масленинскому. Тел. 90-86.

Поступило въ книжн. магазинъ «Новаго Времени» (Петроградъ, Невскій, 40)

5-е изданіе **„ГИГИЕНА БРАКА“.**
Женщ.-врача Волковой. Ц. 50 к.

Содержаніе: Нужна ли бракъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе женщины. Проституція. Выборъ жены. Женское общество. Вступленіе въ бракъ. Гигіена брачной жизни. Искусственное безплодіе. Разводъ. Переходный возрастъ. Бѣдныя браки и т. д.

СТРАДАЮЩИМЪ
запорамъ, геморроемъ

рекомендуется Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное, совершенно безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатерин. кан. 29, выписано полностью. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ.

КУПАЛЬНЫЙ ОТЕЛЬ „СКАГЕНЪ“
НА МЫСЬ СКАГЕНЪ, сѣверной оконечности ЮТЛАНДИИ ВЪ ДАНИИ.

Первоклассный отель съ 150 комнатами. Всѣ удобства. Расположенъ на самомъ мысѣ между Скагерракомъ и Каттегатомъ. Купанье въ морѣ, содержащемъ 3% солей. Роскошный видъ на море. Умѣренный и здоровый климатъ. Отель удостоенъ посвященіемъ многихъ коронованныхъ особъ.

Сезонъ: июль, июль и августъ.

Комнаты просятъ заказывать впередъ и возможно заранѣе, такъ какъ отель въ сезонъ всегда бываетъ переполненъ.

Заказы слѣдуетъ направлять по адресу Skagens Badhotel, Kjöbenhavn Stenogade 5 до 20 мая н. в. ст. и Skagens Badhotel, Skagen, Danmark 1. окт. 20 мая.

Требуйте присылки подробныхъ проспектовъ на русскомъ языкѣ.

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МИРА

БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСУЩИЕ УГРИ ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ, КАЛДѢЖИ И ДР.

СТРАДАЮЩИМЪ
запорамъ, геморроемъ

рекомендуется Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное, совершенно безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатерин. кан. 29, выписано полностью. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ.

ЖЕЛУДКОМЪ

КРАСИТЬ КОЖУ

на мехъ, чемод. соверш. стар. въ прежній видъ. Всѣхъ цвѣтовъ. Гороховая, 82, кв. 42, тел. 618-06 обобщить.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» Петроградъ, Невскій 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (и/д.) и Саратовъ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ

ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ

Разказы. Цѣна 1 руб.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14072

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 16-го (29-го) МАЯ 1915 ГОДА.

№ 14072

Бой на улицахъ германскаго города.

Рисун. А. Пржецлавскаго (участника войны).

Ея сынъ.

Изъ былей войны.

I.

«Дорогой Сережа. Не удивляйтесь и не сердитесь, — прошло болѣе пятнадцати лѣтъ, и я не думаю, чтобы вы и сейчасъ еще могли сердиться за прошлое... Все это такъ ничтожно и мелко въ сравненіи съ настоящимъ, что я прошу только одного — вспомните меня и моего маленькаго Вазю, которому тогда было ровно три года. Вы его помните, Сережа? Простите, что я такъ васъ называю... По прежнему... Не буду васъ затруднять и мучить длинными разговорами. Вы сами поймете все. Сейчасъ вамъ пишеть не Вѣра Масальская, когда-то красивая, любимая и капризная, а мать своего единственнаго ребенка, сдѣлавшагося девятнадцатилѣтнимъ юношей и идущаго на войну. О томъ, что вы ротмистръ, что вы продолжаете служить въ N-мъ полку, что вы на войнѣ, я узнала изъ газетъ. Я прочла, что вы награждены золотымъ оружіемъ; поздравляю васъ и желаю вамъ до конца остаться живымъ и невредимымъ. Теперь о моей просьбѣ. Она коротка. Мой Валя вчера произведенъ въ офицеры и вышелъ въ вашъ полкъ. Быть можетъ, это судьба, быть можетъ, случайность... Черезъ какую-нибудь недѣлю онъ будетъ съ вами. Онъ не хотѣлъ слушать никакихъ моихъ моленій и рвался на войну, какъ безумный... О чемъ я могу просить васъ? Я знаю, что всякая такая просьба смѣш-

Командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ николай Утговичъ фонъ-ЗССЕНЪ.
† 7-го мая.

па и нелѣпа... Но я мать, Сережа!.. Охраните, спасите мнѣ сына, онъ у меня одинъ. Пусть я виновата передъ вами... Я была неправа, жестока, быть можетъ, даже безнравственна, но я уже въ достаточной мѣрѣ за все это наказана судьбою... И теперь, послѣ всего пережитаго, я остаюсь несчастной, одинокой и разбитой. Валя убеждаетъ туда, въ это царство ужаса... Съ нимъ будете вы. Кому же мнѣ писать и кого мнѣ умолить о чемъ-то невозможномъ, какъ не васъ? Если получите мое письмо и поймете мои страданія, напишите хоть слово въ N., Липовая ул., д. 28. Простите.

Вѣра.

Ротмистръ Коричій нѣсколько разъ перечиталъ письмо отъ начала до конца, зажгъ маленькую керосиновую лампу, такъ какъ за окнами халупы уже давно ступились раннія сумерки, и сталъ нервно ходить изъ угла въ уголъ, жуя папиросу за папиросой и тиснено стараясь привести въ порядокъ внезапно разбушевавшіеся мысли и воспоминанія.

Вѣра Масальская, маленькій Валя, пятнадцать лѣтъ... Нѣтъ, эти пятнадцать лѣтъ небольшой срокъ... Правда, время и жизнь сдѣлали свое дѣло. Онъ — не влюбленный до сумасшествія юноша, но безусый корнетъ, онъ солидный и уравновѣженный ротмистръ, рѣдкій по храбрости офицеръ, «правая рука» командира полка и ослепительный мужъ и отецъ своей собственной семьи, созданной спустя нѣсколько лѣтъ послѣ несчастнаго увлеченія Вѣрой Масаль-

свой... Все это не подлежит никакому сомнению. Но ей, Вэри, он не забыл...

Это слишком яркое воспоминание его молодости, слишком важная страница всей его тридцативосьмилетней жизни...

— Нэтъ, а шикогда не выйду за вась, Серезка... Вы только подумайте, что это была бы за пара? Вамъ двадцать два, мнѣ черезъ два года всѣ тридцать!.. Всѣ урутъ со сгъху. Кроме того, я достаточно намучилась и съ первымъ мужемъ. Мнѣ хочется покоя, довольства, если хотите, даже богатства. Я эгоистка, Серезка! У меня Валя, онъ растетъ, какъ трава. А разве вы можете быть для него опорой? Видь вы корнетъ, Серезка! Куда вамъ на такія роли!

По небу плыли быстрыя, похожія на перья, облака, то и дѣло заслоня стоящій надъ самой головой мѣсяць. Сладко дышали лужей и резеда. Изъ пожитой плетью бесѣды раздавались дружные взрывы смѣха угостившей шампанскимъ офицерской компаніи, вдали, за рядами кантановъ и пирамидальныхъ тонолей, почти не умолкая, мелодично гремѣлъ своими серебряными трубами хоръ полковыхъ трубачей... Была чудная лунная июльская ночь, былъ день полкового праздника, былъ веселый балъ въ собраніи...

А слова, жестока слова Вэри, слова, услышанныя въ отвѣтъ на горячія мольбы и признанія, были по сердцу желаннымъ молотомъ и дышали такой прозой, что и садъ, и дыханіе резеды, и звуки музыки смѣшивались въ одинъ какой-то мрачный и безысходный хаосъ отчаянія, невольно заставлявшій опускать руку въ карманъ, въ которомъ лежалъ заряженный револьверъ.

— Бросьте глупости! Это уже совсѣмъ по-мальчишески! Спрячьте вашъ револьверъ и вытрите физионоію! Ну, какой вы мужчина послѣ этого? Стыдно!.. Хотите подражать моему первому мужу? Онъ, впрочемъ, не плакалъ, а просто застрѣлился, проитравъ казенныя деньги. Нэтъ, съ меня довольно, Серезка! Я хочу не юношеской страсти, не горячихъ пощелуевъ, а тишины и покоя. Вытрите ваши слезы и пойдемъ отсюда... Намъ могутъ замѣтить!..

А «покой», желанный покой Вэри въ лицѣ этого отвратительнаго Кевича, съ его тонкими ножками, бриллиантовыми запонками и прилизанной прической уже сходилъ со ступеней балкона. Сходить въ окутанный лѣтними чарами садъ и искать своими лисими глазами Вэру, отлучившись созная, что побѣда склонилась на его сторону и что тщеславная натура молодой женщины не устоитъ передъ его мліонами...

Что было потомъ?

Было многое. Были невыразимыя страданія отвергнутой любви, было ревнивое чувство мужчины, оскорбленное самолюбіе бѣднаго офицера передъ богатымъ фабрикантомъ, было, наконецъ, бѣгство отъ всего прошлаго въ дальнюю командировку, затѣмъ масса новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній... Промелькнуло боксерское возстаніе въ Китаѣ, затѣмъ японская война, поля Манчжури, кровавое Вафангоу, рубившаяся и заснула глубокая сабельная рана, полученная въ конной атакѣ.

Незамѣтно промелькнули десять лѣтъ мирной уравновѣшенной жизни... И вотъ, опять война... И въ самый ея разгаръ, вдругъ, это неожиданное письмо... Какъ причудлива и разнообразна жизнь!

— Вамъ в—іе, командиръ полка пр—сылать васъ на квартиру! Такъ что, скажи, чтобы вы пришли сейчасъ!..

Ротмистръ водворился и оглянулся. У дверей стоялъ его вѣстовой, высокій, стройный малый, съ открытымъ и чистымъ лицомъ.

— А, хорошо!—почти скороговоркой проговорилъ ротмистръ, сразу отрываясь отъ навлывающихъ воспоминаній.—Пусть передадутъ, что сейчасъ приду. Дай амуницію!..

НОВЫЙ СОЮЗНИКЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ ВАРВАРАМИ, ВРАГАМИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Король Италіи ВИНТОРЪ-ЭММАНУИЛЬ III.

Род. 11 ноября 1869 г. въ Неаполѣ, вступилъ на престолъ 29 іюля 1900 г. Женатъ на дочери черногорскаго короля Николая, Еленѣ.

Вѣстовой на минуту исчезъ, а затѣмъ онъ сразу узналъ его. Слишкомъ хорошо помнилъ снова, неся въ рукахъ шапку и ша по были ему знакомы эти глаза, ея глаза, эти вздернутыя своенравныя брови... Юноша, какъ дѣй въ глазахъ воды былъ похожъ на свою мать...

— Такъ что, ваме в—іе, къ командиру полка молодые офицеры сейчасъ прѣхаютъ, вѣскольکو понизивъ голосъ, въ знакъ «частности» своего разговора съ начальникомъ, сообщая вѣстовой.—Трое... Серезка встаетъ молоденькіе, ваме в—іе... Они и сейчасъ у командира.

Ротмистръ ничего не отвѣтилъ солдату. Онъ только повелъ бровями, очевидно соображая что-то, затѣмъ вынулъ изъ кармана полученное письмо и еще разъ просмотрѣлъ его.

— Такъ и есть,—подумалъ онъ:—нисколько помѣчено 7-мъ, а сегодня 19-е. Прошло почти двѣ недѣли. Несомнѣнно, что и онъ прѣхаетъ!..

Командиръ полка цѣнилъ и любилъ ротмистра Корицкаго, какъ дѣльнаго, храбраго офицера и опытнаго знатока людей.

Безъ него не обходилось ни одно серьезное совѣщаніе у командира, и мнѣніе Корицкаго почти всегда являлось рѣшающимъ.

Такъ же случилось и на этотъ разъ. Три молодыхъ корнетика, разовенькіе, безъ всякаго намека на присутствіе хоть какой-нибудь растительности на ихъ подбородкахъ, чинно и смущенно сѣдѣли въ одной изъ небольшихъ комнатъ асцендовскаго дома, въ которомъ помѣщалась штаб-квартира командира полка.

— Ну, вотъ, очень радъ, что вы посѣтили прѣдти, Сергѣй Михайловичъ!—

— Видите, Богъ послалъ намъ новыхъ молодчиковъ. Посмотрите, какіе красавцы, прямо орята!.. Юнца почтительно встали при появленіи эскадроннаго командира.

Корицкій пожалъ руку полковнику и ее хорошо помните? Она рассказывала, какъ вы съ нею танцовали и ѣздили верхомъ. Я и карточку вашу видѣлъ.

Вѣстовой Демчукъ, суетившійся около стола, за которымъ сѣдѣли Корицкій и его новый субалтернъ-офицеръ, съ нѣжнымъ любопытствомъ поглядывалъ на послѣднѣго, поминутно пододвигая ему то консервы, то сахаръ, то громадную жестянку съ печеньемъ и сухарями. Юноша болталъ и разспрашивалъ безъ умолку. Когда Корицкій рассказалъ ему нѣскольکو эпизодовъ изъ боевой жизни послѣднихъ дней, глаза его заблестѣли еще больше, щеки покраснѣли густымъ румянцемъ, и онъ, не будучи въ силахъ сѣдѣть на мѣстѣ, вскочилъ со стула и зашегалъ по комнатѣ.

Затѣмъ, вспомнивъ о чемъ-то, вышелъ въ сѣни халупы и возвратился обратно въ сопровожденіи вѣстового, таинственнаго поведеніе, еще ни разу неиспользованное, сѣдло.

— У меня еще нѣтъ лошади,—заявилъ онъ грустно.—Она прибудетъ не раньше недѣли. Какъ мнѣ быть, господинъ ротмистръ?

— Это ничего не значить,—успокаивалъ мальчика Корицкій.—Я вамъ дамъ казенную. Я и самъ ѣзжу на казенно-офицерской. Свою брать жалко. Да пейте вы свой чай, Валя!..

Но Валя уже было не до чая. За сѣдломъ онъ сталъ показывать Корицкому свою шапку, просая испробовать ея отвѣсъ, умолялъ выказать свое мнѣніе о качествѣхъ его револьвера, и пришелъ уже въ настоящій «телячій восторгъ», когда Корицкій передалъ ему для осмотра свое собственное оружіе съ крѣпкимъ боевымъ клинкомъ и золотымъ георгиевскимъ эфесомъ...

— А не пора ли на боковую?—предложилъ мальчику Корицкій.—Нужно теперь, батенька, привыкать пользоваться каждою минутой. Ты приготовилъ ихъ благородно войку, Демчукъ?—обратился онъ къ вѣстовому.—Раскладывай скорѣе!

Демчукъ не требовалъ напоминаній. Онъ уже возился надъ устройствомъ ложа для гнонь прибывшаго барина, собиравъ походную кровать, оставшуюся у ротмистра послѣ раненаго поручика Тарскаго, эвакуировавшагося въ тылъ.

— Ну, располагайтесь, дорогой!—ласково тронулъ мальчика за плечо Корицкій.—Демчукъ, помоги барину стащить сапоги. А вы, молодой человекъ, потрудитесь спать. О будущихъ подвигахъ поговоримъ завтра. Еще успеете насолить Нѣмцамъ! А я пойду побороть по эскадрону. Спокойной ночи!

Когда Корицкій снова вошелъ въ халупу, обойдя расположеніе эскадрона, Валя уже давно спалъ на своей койкѣ, свернувшись калачикомъ и на половинку прикрывъ лицо одеяломъ.

Видны были только однѣ его брови—ея брови. Корицкій ихъ ясно видѣлъ при тускломъ свѣтѣ выгоранной лампочки.

И опять забывали воспоминанія! Корицкій тихо съѣлъ у изголовья юноши и долго слѣдилъ за его ровнымъ и спокойнымъ дыханіемъ.

Затѣмъ всталъ, задулъ лампу, и въ носкахъ, боясь разбудить спящимаго, вошелъ въ свой уголокъ. Онъ легъ на свою койку и долго лежалъ, не смыкая глазъ, перемалывая въ головѣ однѣ и тѣ же мысли и уничтожая папиросу за папиросою.

За тонкой стѣнкой сладко похрапывалъ Демчукъ.

«Ротмистру Корицкому, деревня Гроссъ-Домбровень, отъ командира полка, Александръ 3 креста, карта 2 вершка въ дюймѣ, 6 часовъ утра. Немедленно же выйдите на деревню Линки. Получены свѣдѣнія, что по дорогѣ отъ Гродно на Линки движутся двѣ роты ландвера съ пулеметами. Постѣпите напорѣвать, займите Линки, задержите противника. Полковникъ Глуховъ».

— Безъ суеты! Выводи изъ дворовъ и стройся позадню!—раздается изъ тьмы ты голосъ Корицкаго.—Кто тамъ горланитъ на лѣвомъ флангѣ? Прикуси языкъ! Безъ суеты, повторяю!..

Манифестация у дома итальянского посольства на Морской в Петроград. Съ балкона манифестантовъ приветствует итальянский посолъ, маркизъ Карлотти.

Получивъ экстренное приказаніе, ротмистръ уже давно успѣлъ снарядиться по походному, отдать всѣ нужные распоряженія и, пока выстраивался эскадронъ, терпѣливо и спокойно прохаживался по деревенской улицѣ.

Было еще темно; только слегка блѣнула восточная сторона неба, и съ севера, изъ Пруссіи, вѣялъ неприятный холодный вѣтеръ, постоянный въ этихъ мѣстностяхъ въ предразсвѣтные часы. Драгуны выводили изъ дворовъ лошадей и выстраивались по-возможности на дорогѣ; слышались только легкія побрякиванія стремлигъ, да негромкіе утреніе оклики по адресу четвероногихъ товарищей. А кони, выведенные изъ теплыхъ дворовъ на морозный вѣтеръ темной ночи, тревожно пофыркавали носами и гремѣли мундштучными удилами и цѣпками.

Озабоченный и недовольный вахмистръ кого-то поругивалъ, а молодой солдатикъ изъ новобранцевъ что-то настойчиво жегалъ посреди улицы, чиркая спички и пларя по грязной землѣ около большой полузамороженной лужи.

— Гребешокъ, господишь взводный, — жалостливо обьяскалъ онъ подошедшему унтеръ-офицеру. — Потерялъ гребешокъ... Въ самой темнотѣ значить... Его не увидишь, гребешка-то...

— Вы возьмете меня съ собою, господинъ ротмистръ! — вдругъ услышалъ Корицкій около себя обиженный голосъ Вали Масальскаго. — Я не остаюусь безъ васъ! Я хочу съ вами!

Корицкій вздрогнулъ и поморщился. «Проснулся-таки, — подумалъ онъ съ досадою. — А я его нарочно не будить, хотѣлъ дать отдохнуть и осмотрѣться по-

сать дороги... Нельзя же сразу въ огонь!» господами буду дѣлать? Ступайте къ го разсвѣта. До Липокъ было не больше десяти верстъ.

Но Вали, видимо, былъ другого мѣтла. Онъ стоялъ передъ Корицкимъ «въ даль подъ сѣдло «Аметиста». Такъ и полный убранныкъ», затянутый въ свои новенькіе ремни и нетерпѣливо постукивая хлыстикомъ о голенище сапога.

Корицкій еще разъ мелькомъ взглянулъ на него и вдругъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Ну, Богъ съ вами! Что я съ такими

силь стараясь поспѣть на мѣсто до познана-

Миновавъ небольшой сосновый перелѣсокъ, эскадронъ на полныхъ рысяхъ вышелъ по урюкому сброду полю, далеко выслая впередъ позоры и изъ всѣхъ

силь стараясь поспѣть на мѣсто до познана-

Итальянский посолъ при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, маркизъ Андреа КАРЛОТТИ ДИ-РИПАРБЕЛЛА.

День входилъ въ свои права, и вдали, за синѣвшею полосой лѣса, показалось тусклое, прикрытое туманной завѣсой солнце. Корицкій взглянулъ на карту, осмотрѣлся по сторонамъ, и вдругъ поднялъ руку.

— Ша-а-а-гомъ!.. — скандовалъ онъ протяжно. — Эскадронъ, готовися къ гѣшему строю!..

Замеръ тонотъ копытъ и, перешедши въ шагъ, дружно зафыркали уже нѣсколько уходяшіеся кони.

— Слѣзай! Коноводы, вѣзть лошадей!.. Выставить охраненіе! Эскадронъ, стройся!.. Въ порядѣ, братцы!

Слѣзавшіе драгуны выстроились, сѣли винтовки и затихли.

— Братцы! — тихо заговорилъ Корицкій. — сейчасъ пойдемъ въ Липки и устроимъ засаду... Немцы идутъ съ севера и скоро будутъ тамъ... Они ничего не ожидаютъ... Появятся такъ быстро могутъ только такіе лихачи, какъ вы!.. Пойдемъ съ Богомъ и займемъ деревню. Помни, что безъ выдержки и спокойствія не достигнешъ ничего, а только самъ пропадешь!..

Эскадронъ двинулся въ деревню. Масальскій шелъ рядомъ съ ротмистромъ. Щеки его пылали еще больше, глаза искрились восторженной тревогой и вся его тощая, гибкая фигурка дышала юношескою отвагой и увлеченіемъ.

— Не спѣшите, корнетъ! — сухо остановилъ его Корицкій. — Первымъ дѣломъ спокойствіе и выдержка. Слѣзайте куда!

Небольшая прусская деревушка стояла на возвышенности и черезъ нее прохо-

ЕСЮДУ НИЗНЫ

Крестьяне Сѣверной Франціи воздѣлываютъ огороды около своихъ жилищъ, разоренныхъ и разгромленныхъ германскими войсками. Невдалекѣ еще слышны громы битвъ.

Миссъ Маріель БЬЮКЕНЕНЪ,—единственная дочь англійскаго посла при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, сира Джорджа Бьюкененъ, сестра милосердія петроградскаго англійскаго госпиталя для раненыхъ воиновъ.

дило ровное, гладкое шоссе, далекая перспектива котораго была хорошо видна съ деревенской колокольни, куда сразу были посажены Боричиэмъ опытный и зоркій развѣдчикъ.

Деревенскіе жители совсѣмъ растерялись, когда въ ихъ деревню неожиданно влилась сотня русскихъ солдатъ и заняла всѣ сараи и хаты.

— Если кто-либо выйдетъ за околицу деревни,—объявилъ Боричиэмъ приведенному къ нему солтысу,—или подастъ какой-либо сигналъ германскимъ войскамъ, гдѣ бы они сейчасъ ни были,—я, не задумываясь, сожгу всю деревню. Сидите спокойно въ своихъ хатахъ и не смѣйте изъ нихъ высовывать носовъ! Фериттейенъ зи?

— Я воль...—какъ-то растерянно отвѣтилъ солтысъ, выпучивая голубые глуповатые глаза.

— Ну, вотъ! А вы, ребята, по мѣ-

ПАСТЫРИ НА ВОЙНѢ.

Французскій полковой священникъ на войнѣ. Отъ обычнаго костюма аббата осталась только одна шляпа. Верхомъ священникъ слѣдуетъ за своимъ полкомъ, раздѣляя съ нимъ, какъ и наши священники, всѣ случайности военной жизни.

Подпор. Б. В. ЛОПУХИНЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Убитъ.

Подпоруч. В. Н. НОХЪ. Палъ въ бою.

Серафима Николаевна СУВОРИНА, скончавшаяся въ ночь на 7 мая. За послѣдніе десять мѣсяцевъ, съ начала войны и до послѣдняго дня своей жизни, она вся отдавалась трудамъ по приему и распредѣленію подарковъ въ дѣйствующую армию, поступающихъ черезъ контору «Вечерняго Времени», по сбору пожертвованийъ и помощи семьямъ запасныхъ, ополченцевъ и т. д. Не покладая рукъ, безъ отдыха работала она, и тысячи людей могли оцѣнить эту напряженную работу. Она умерла внезапно отъ разрыва сердца, 27 лѣтъ отъ роду.

стамь,—обратился онъ къ солдатамъ.— Сидѣть тише воды, и раньше моего сигнала не высказывать! Нужно подустыжить Нѣмцевъ до отказа, дать имъ войти въ деревню, и, быстро окруживъ съ тыла, взять живьемъ. Поняли?

— Такъ точно,—пробурчали драгуны.

И черезъ минуту вся деревня, какъ бы вымерла.

— Помните же, голубчикъ, держите ихъ до тѣхъ поръ, пока я не дамъ черезъ трубу сигнала,—обратился Корицкій къ Валу.— Мы ихъ должны атаковать враждебно и захватить живьемъ... Не поймали момента, пропало все. Устраивайтесь за этой халупой, а я пойду къ наблюдателю...

«Удивительно онъ похожъ на мать,— думалъ Корицкій, сидя у телефона, проведеннаго на скорую руку съ церковной звонницы.— А что было бы, если бы я женился на ней?—всталъ передъ нимъ вопросъ.— Можетъ быть, этотъ самый Валя, бывший тогда отчасти помѣхой моему счастью, сослужилъ мнѣ хорошую службу... Чѣмъ бы кончилось это увлеченіе? Быть можетъ, судьба знала, что дышала...»

— Ваше высокоблагородіе, вижу!— вдругъ заговорилъ сверху въ телефонъ развѣдчикъ.— Идутъ!.. Всю походную колонну видно!.. Вотъ сейчасъ, всѣ они какъ на ладони, съ бутра спускаются!..

Вообразившись черезъ минуту на колокольню, Корицкій дѣйствительно убѣдился въ правдивости сообщенія развѣдчика и быстро передалъ вахмистру краткія приказанія...

«А что, если съ ними знамя, и мнѣ сразу удастся захватить его въ свои руки?—бѣжали въ головѣ Масальскаго яркія и горячія мысли.— И вдругъ—въ первый же бой—и Георгій! Что скажутъ товарищи, въ особенности Гривцовъ и Нурь-Беконъ, что скажетъ Нина? (у Вали Масальскаго тоже была «Нина», гимназистка 6-го класса). Что, если это сейчасъ случится? Вѣдь они идутъ!..»

И полеслись передъ нимъ картины и образы, одинъ ярче другого и одинъ другого прекраснѣе... Онъ уже не у сѣрой стѣны непривѣтливой деревенской халупы, а далеко. И опять тамъ, въ Петроградѣ, откуда уѣхалъ такъ недавно. Онъ на Невскомъ... Нѣтъ, впрочемъ, не на Невскомъ, а въ Мариинскомъ театрѣ... Онъ нарочно входитъ въ ложу, когда заставь подняли, чтобы не привлекать вниманія публики. И все это напрасно...

— Вы знаете, кто вошелъ въ эту ложу?—говоритъ какая-то красивая дама въ партнерѣ, наклонившись къ своему сосѣду.— Вѣдь это молодой Масальскій—тогда, что захватилъ нѣмецкое знамя.

— Да что вы? Неужели это онъ? Да, дѣйствительно!

Дальше происходить что-то необычай-

«FATERLAND». Рисунокъ Ф. Эбери-Джонса, въ стилѣ А. Дюрера.—Тѣмъ великаго художника приносить авторъ свою повинную за то, что избралъ оригиналомъ олицетвореніе мерзости и позора.

ное. Въ коридорахъ театра восторженныя толпы не даютъ ему прохода...

— Господа, я не считаю себя достойнымъ этой оваціи, я исполнилъ свой долгъ передъ родиной...

И что-то полступаетъ съ горлу, что-то горячее и соленое катится по щекамъ и каплетъ на сѣрую солдатскую шинель. Валя и не замѣчаетъ, что онъ плачетъ, плачетъ обильными, хорошими слезами мечтательной юности, и что на него съ удивленіемъ поглядываютъ сосѣдній солдатъ, добродушный и простоватый драгунъ Дроздъ изъ 4-го взвода.

А нѣприятельская колонна уже близко.

— А что это, ваше благородіе,—вдругъ слышитъ Масальскій надъ своимъ ухомъ сдавленный шопотъ Дрозда.—Что это у

нихъ трепыхается впереди? Никакъ знамя? Вы изволите видѣть, ваше благородіе!

Валя всматривается и вдругъ чувствуетъ, что его сердце совершенно замираетъ.

«Да, вотъ она,—судьба! Оно,—знамя, открывающее ему дорогу къ подвигу и славѣ. Оно будетъ въ его рукахъ, онъ никому не отдастъ этого трофея! Только почему командиръ такъ долго не даетъ сигнала? Неужели ждать еще? Непонятно! Но онъ все равно будетъ первымъ у знамени!»

И, совершенно не разбирая, что видѣвшееся среди первыхъ рядовъ Германцевъ знамя, было вовсе не знаменемъ, а простымъ желонверскимъ значкомъ, обозначающимъ какое-то распрѣсленіе, Валя, въ ожиданіи сигнала, все больше и больше выдвигался впередъ изъ-за скрывавшей его халупы, пока его не замѣтилъ одинъ изъ шедшихъ впереди Нѣмцевъ...

— Sehen Sie? — поблѣднѣвъ, какъ снѣгъ, бросилъ одинъ изъ ландверистовъ своему сосѣду.— Sehen Sie.— die Russen!

— Wo?—поблѣднѣвъ не mente перваго, проинтѣлъ второй.— Ah, ja! Mein Gott!

И суетливый ужасъ сразу передался отъ головы до хвоста германской колонны. Раздалась какая-то команда, и Нѣмцы поспѣшно, дрожащими руками, стали прикрѣплять къ винтовкамъ висѣвшіе до того на поясъ штыки.

— Стоять!!!—процѣдилъ сквозь зубы Корицкій, но такъ процѣдилъ, что его слышали не только ближайшіе солдаты, но и всѣ другіе, стоявшіе далеко отъ него.— Стоять, олухи!.. Сказалъ, что дамъ сигналъ! Зубы начичу, паршивцы!..

И драгуны, безгранично върившіе въ своего отца-командира, остались на своихъ мѣстахъ, неподвижные, какъ настоя-

щіе камни... А Валя, хотя и дожидавшійся сигнала, но совершенно забывшій среди своихъ мечтаній всякую осторожность, уже давно вылъзъ изъ халупы всѣмъ своимъ корпусомъ и, не отрывая взора, слѣдилъ за знаменемъ, двигавшимся надъ головами охваченныхъ суетой нѣмецкихъ солдатъ...

И блѣдный Нѣмецъ, вторымъ увидѣвшій стоявшаго за угломъ Масальскаго, быстро вскинулъ винтовку, прицѣлился и выстрѣлилъ... Онъ до войны служилъ въ гренадерскихъ, цѣлыми годами охотился на дикихъ козъ и другого звѣря и стрѣлялъ почти безъ промаха.

— Ахъ!..—самъ не узнавъ своего голоса, дико вскрикнулъ Корицкій, отлупно видѣвшій, какъ широко взмахнувъ руками, замертво повалился на землю Масальскій.— Ахъ, Господи!.. Труби, Янгренко!..—прогремѣлъ вслѣдъ за этимъ его голосъ.— Ну братцы, ура! Покажи имъ, продамъ! Отплати за офицера!..

И эскадронъ, дѣйствительно, отплатилъ.

Въ живыхъ осталось только человекъ сорокъ ландверныхъ солдатъ, сдавшихся въ плѣнъ, а остальные были уничтожены вчистую. Драгуны работали съ такимъ остервененіемъ и съ такой стремительностью, что у большинства ихъ винтовокъ оказались разбитыми приклады и совершенно сломаны штыки.

— Ну и расчесали же ихъ!—тихо замѣтилъ одинъ изъ взводныхъ эскадронному вахмистру, указывая кивкомъ головы на усыпанную дымчящимися трупами улицу, гладкую скатерть шosse и прилегающее къ деревнѣ пахатное поле.— А молоденькаго все же жалко! Совсѣмъ цыплянокъ... Эхъ, война, война!..

А въ эскадронѣ потерь почти не было. Когда черезъ какой-нибудь часъ Корицкій велъ свой эскадронъ обратно къ расположенію полкового штаба, гоня передъ собою сорокъ человекъ плѣнныхъ, которые сами волочили свои пулеметы,—члзоди колонны двигались пять обывательскихъ подводъ. На четырехъ возсѣдали одиннадцать человекъ раненыхъ драгунъ, а на пятой рядкомъ лежали два покрытыхъ шинелями трупа: корнета Масальскаго и рядового Дрозда, погибшаго вмѣстѣ съ первымъ, благодаря тѣмъ же неосторожнымъ наблюденіямъ за нѣприятельскимъ знаменемъ.

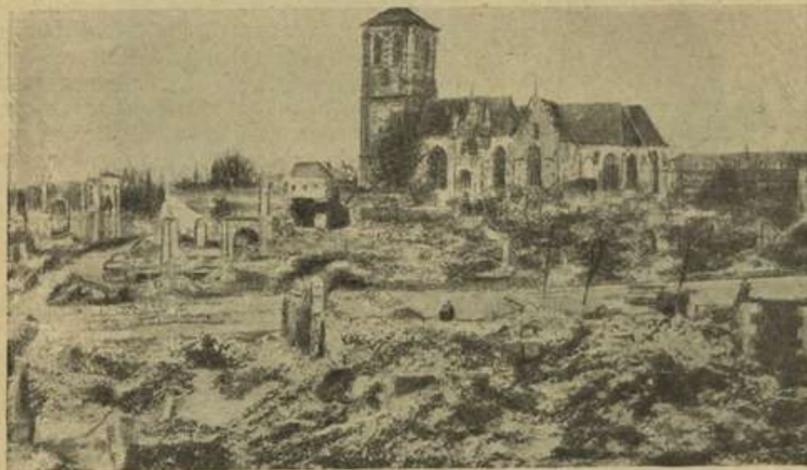
Вечерній сумракъ, такъ же какъ наканунѣ въ эти часы, уже вползаетъ въ

ПРОТИВЪ «ПОСЛЕДНЯГО СЛОВА НѢМЕЦКОЙ НАУКИ».

Извѣстно, что нѣмецкіе солдаты пользуются въ сраженіяхъ особыми аппаратами, выдѣляющими въ сторону нѣприятеля губительный газъ. Отравленные имъ умираютъ въ ужасныхъ мученіяхъ. Надъ новымъ «изобрѣтеніемъ» долго трудились извѣстные нѣмецкіе профессора-химики.—Рисунокъ изображаетъ англійскаго солдата съ респираторомъ на лицѣ, защищающимъ отъ смертоноснаго газа.

«ОНИ» ДОВОЛЬНЫ ТАКЪ ИМИ УСЛІАХАМИ

Die von unseren Truppen zerstörte (gefallene) Kirche St. Petrus bei Reims.

Рисунокъ взятъ изъ нѣмецкаго журнала. Подпись подъ обращеннымъ въ груды развалинъ гордомъ: «Городъ Ретель, близки Реймса, разгромленный нашими войсками».

Русский артиллерист БОЙКО, взятый в плен Немецями и привезенный ими вместе с другими русскими пленными во Францию для уплаты награбленных вещей, увозимых в Германию. Бойко удалось бежать и достигнуть французских окопов. Бойко снят в Париж вместе с русскими солдатами-добровольцами.

непривычную и тленную халупу Корицкаго. Онъ дописалъ до конца официальный рапортъ командиру полка, въ которомъ доносилъ о результатахъ выполнения задачи и о потеряхъ въ составъ эскадрона за минувшій бой. Дописавъ рапортъ, Корицкий обвелъ потускнѣвшимъ взглядомъ темныя стѣны своего убогаго жилища, затѣмъ опустилъ голову на положенные на столъ кулаки, зажмурилъ глаза и такъ сидѣлъ около часа, пока въ комнатѣ не стало почти совсѣмъ темно. Затѣмъ опять поднялъ голову и опять осмотрѣлся вокругъ, какъ будто что-то отыскивая среди угрюмаго и тоскливаго мрака.

— Что я ей теперь отвѣчу? Что напишу на ея вчерашнее письмо? Вѣдь не прошло еще и сутокъ послѣ него...

И эта мысль, острая, какъ игла, съ невыразимой, почти физической, болью, вошла въ его мозгъ.

И вдругъ блуждавшій безъ цѣли взглядъ остановился на чемъ-то блѣдомъ, расплывчатыхъ очертаніяхъ выдѣлявшемся изъ темноты. Онъ узналъ это «блѣое» и вздрогнулъ.

— Демчук!—громко позвалъ Корицкий.—Демчук, поди сюда.

Молчаливая фигура вѣстового выросла у порога халупы.

— Чего изволите?

— Чего изволите!—съ какой-то досадой передразнилъ ни съ того, ни съ сего солдата, ротмистръ.—Неужели вамъ все нужно разжевывать? Почему эта койка еще не убрана?

— Такъ что ждалъ вашего приказанія!—робко объяснилъ вѣстовой.

— Приказанія! Безъ указки ни на шагъ! Удивительные вы все люди!

И вдругъ, совершенно неожиданно, такъ, что Демчукъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, дико вскрикнулъ:

— Убирай! Убирай койку!!!

И, снова уронивъ голову на слатые кулаки, Корицкий зарыдалъ отрывистыми сухими рыданіями.

Юрій Лисовскій.

Отношеніе графа Льва Николаевича Толстого къ войнѣ вообще.

1.

Крымская кампанія.

Передо мной лежитъ книга «Севастопольскіе рассказы». Съ повѣмъ интересомъ перечитываю ее. Сколько ужасовъ, геройскихъ подвиговъ, радостей и страда-

ній въ этихъ простыхъ рассказахъ! И мое воображеніе невольно связываетъ прошедшее съ настоящимъ, хотя между этими двумя войнами и нѣтъ ничего общаго, но люди-то, народъ—все тотъ же. Та же твердость духа и выносливость, то же безропотное страданіе раненыхъ, рядомъ съ бодрыми, здоровыми товарищами. Даже сестры милосердія, самоотверженно работающія въ лазаретахъ,—не измѣнились, судя по тому, какъ о нихъ писалъ Левъ Николаевичъ въ «Севастопольскихъ рассказахъ»:

«Сестры со спокойными лицами и съ выраженіемъ не того пустого, женскаго, болѣзненно-слезнаго состраданія, а дѣятельнаго, практическаго участія, то тамъ, то сямъ, шагая черезъ раненыхъ съ кареткамъ, водой, бинтами, коршіей, мѣлькала между окровавленными шинелями и рубашками».

Не измѣнились и люди, стоявшіе лицомъ къ лицу передъ смертью. Я многихъ молодыхъ и не молодыхъ разспрашивала, что чувствуютъ они, когда стоятъ подъ огнемъ. Почти всѣ мнѣ отвѣчали въ одномъ смыслѣ: кто говоритъ, что нѣтъ чувства страха, тотъ отвѣтъ не искренній. Одинъ сказалъ: «Борешься со стыдомъ страха», а другой—что вообще «на войнѣ или страшно или скучно».

«Со свистомъ и визгомъ разлетаются этой одеждѣ, и такъ привыкъ къ мысли это—когда бригадный командиръ посадилъ меня подъ арестъ за то, что не былъ въ правой руке хочеть схватить за пружину караулъ, и отказать Алексѣеву дать мнѣ крестъ, и я былъ очень огорченъ».

НА ВОЙНѢ.—Мостъ на Б.

испытываете странное чувство наслажденія и отсутствія страха. Въ ту минуту, какъ, вы знаете, сварадь летитъ на васъ, вамъ непременно придетъ въ голову, что этого снарядъ убьетъ васъ, но чувство самолюбія поддерживаетъ васъ, и никто не замѣчаетъ пока, который рѣжетъ вамъ сердце...»

Постараность передать отношеніе Льва Николаевича къ войнамъ, пережитое имъ въ разные періоды его жизни. Могу передать лишь немногое: частью по его сочиненіямъ, частью по дневникамъ и письмамъ, и немного по разговорамъ.

Конечно, смѣшно говорить мнѣ о патриотизмѣ Льва Николаевича; это извѣстно хотя бы по его участию въ войнѣ и, наконецъ, въ романѣ «Война и Миръ» оно становится очевиднымъ. Но не могу не сказать, что въ послѣдніе годы своей жизни Левъ Николаевичъ всячески боролся съ этимъ «качествомъ», желая избавиться отъ него, но ему это плохо удавалось. Какъ весной, «какъ ни прячь растение отъ свѣта, чтобы оно не зацвѣло, все-жъ оно и во тьмѣ пускаетъ зеленые ростки»,—такъ и у Льва Николаевича не разъ пробивалось, помимо его желанія, чувство патриотизма, что мы увидимъ впоследствии.

Первыя двѣ войны, въ которыхъ участвовалъ Левъ Николаевичъ, на Кавказѣ и въ Севастополѣ, я не помню, я была еще ребенкомъ.

Въ 1851 году Левъ Николаевичъ поступилъ на военную службу, по призыву своего брата Николая. Онъ служилъ на Кавказѣ еще при князѣ Барятинскомъ.

Въ тѣ времена войны собственно не было, но были постоянныя набѣги порцевъ-Чеченцевъ, въ которыхъ нѣрѣдко и принималъ участіе Левъ Николаевичъ.

Однажды князь Барятинскій похвалилъ его за бодрость и веселый видъ, видя его разъ въ набѣгъ, и посоветывалъ ему по-еще три года, чѣмъ онъ, впрочемъ, скорѣе подать прошеніе о поступленіи его на военную службу, такъ какъ тогда Левъ Николаевичъ былъ еще волонтеромъ. Онъ исполнилъ совѣтъ князя и по этому поводу пишетъ брату Сергѣю:

«На дняхъ желанный мною приказъ о томъ вазадъ, въ отвѣтъ на его запросъ зачисленія мени фейерверкеромъ въ 4 батальонъ по этому поводу.

«Первый случай былъ, когда послѣ тарю долженъ состояться, и я буду имѣть удовольствіе дѣлать фронтъ и провожать движенія 18 февраля, въ нашу багарею глазами мимо идущихъ офицеровъ и генераловъ... Даже, когда я прогуливался въ вольствіемъ вспоминаю, какъ милый нашъ Алексѣевъ намекнулъ мнѣ, что я уступилъ вѣсть радому Андреевой шляпѣ, за которую я заплатилъ здѣсь бы 10 р., несмотря на свою величавость въ еу, что я и сдѣлалъ. А второй случай, когда бригадный командиръ посадилъ меня подъ арестъ за то, что не былъ въ правой руке хочеть схватить за пружину караулъ, и отказать Алексѣеву дать мнѣ крестъ, и я былъ очень огорченъ».

Левъ Николаевичъ ожидалъ производства въ офицеры, но дѣло затнулось изъ-за его бумагъ. Но наконецъ онъ дождался. Въ 1854 году онъ сдалъ офицерскій экзаменъ и уѣхалъ къ себѣ въ Ясную Поляну.

Не разъ слыхала я отъ него восторженные рассказы о Кавказѣ. Онъ говорилъ, что Кавказъ и его простая, почти первобытная жизнь оставила въ немъ самое поэтическое воспоминаніе. Красота природы всегда благотворно вліяла на него, а въ особенности въ молодые годы, о чемъ можно судить по тому, что онъ писалъ въ дневникъ своемъ.

«Старый Юртъ, 11 іюня 1851 г.

«Вчера цѣлую ночь не спалъ. Написавши дневникъ, я сталъ молиться Богу. Сладость чувства, которое я испыталъ въ молитвѣ, передать невозможно. Я прочелъ молитвы, которыя я обыкновенно творю. Ежели опредѣлять молитву просьбой или благодарностью, то я не молился. Я желалъ чего-то высочай-

* Изъ біографіи Бирюкова.

** Изъ біографіи П. Ив. Бирюкова.

шаго и хорошего, но чего—я передать не могу. Мне хотелось спиться с существом всеобъемлющим, я просил его простить преступление мое... Но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, ежели оно дало мне эту блаженную минуту, то оно простило меня...»

Иногда, во время войны и жизни своей на Кавказе на него нападала и мучительная тоска. Он пишет в дневник своем:

«Слишком часто судьба бьет нас больно, больно и задвывает за нжные струны. Как силен кажется я себя против всего с твердым убеждением, что ждать нечего здесь, кроме смерти, и сейчас же думаю с наслаждением о том, что у меня заказано съедо, на котором я буду фздить в черкеск, и как я буду волочиться за казачками и приходить в отчаяние, что у меня левый усь выше правого».

Но все же военное время, кавказская простая жизнь, с ея природой, послз загнанной, неясной и сложной жизни Льва Николаевича, принесла ему пользу. Он пишет своей тетке Т. А.:

«Мне кажется, что мысль похзать на Кавказ внушена мне свыше. Это рука Божия ведет меня, и я непрестанно благодарю».

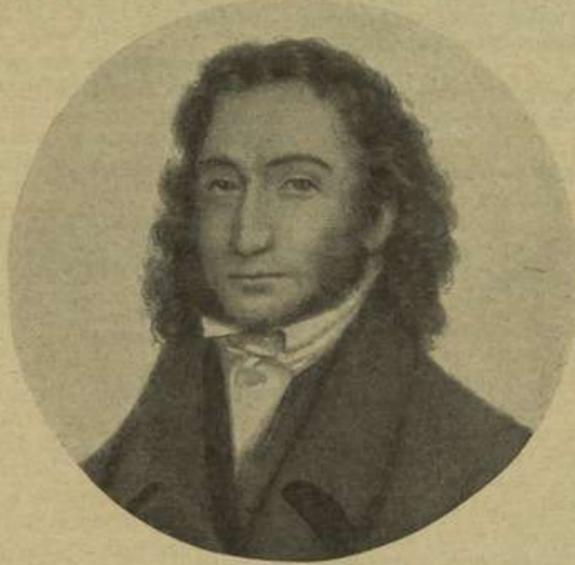
Севастопольская война.

Не долго отдыхал Лев Николаевич. Его вскоре ожидало назначение в дунайскую армию. И он прибыл в Бухарест 14 марта 1854 г.

Чтобы дохзть до армии, потребовался почти азсяцъ. До Херсонской губернии он фхзть на санях, а потом тысячу верст по ужасной дороге на перекладных, в телзжзхъ. Он писал домой, что прфхзть почти больной от усталости.

Лев Николаевич был прикомандирован к генералу С. Лагеру полка, гдз он находился, был расположен на берегу Дуная, а на другом берегу стоял Турки.

Из письма к тетинкз Т. А., мы видим, что он смотрзль тогда на войну глазами обыкновенного человека, даже человека, привычного к ужасам войны. Он пишет Т. А.:

Къ 75-летию со дня смерти Николо ПАГАНИНИ.—14 мая 1840—1915 гг. Знаменитый скрипаль еще мальчиком написал нсколько произведений для скрипки, доступных по необычайной трудности лишь ему одному. Игра Паганини и сама его личность были облечены в глазах современников нкою-то таинственностью, даже демонизмом, так что духовенство отказалось хоронить Паганини, пока самъ пала не распорядился сдзлать это.

«Слышны были пушечные и ружейные выстрзлы, не перестававше ни днем, ни ночью. Сз помощью зрительной трубы можно было различить турокских солдат. Правда, что это странное удовольствие—смотреть, как люди убивают друг друга, но тзм не менше всякий вечер и всякое утро я садился на свою повозку и цзлыми часами смотрзль. И это дзлал не я одинъ. Зрзльнице было поминивъ великолзпно, особенно ночью».

Первое время послз своего прфзда Лев Николаевич не принимал участия в боях, но впоследствии он опасывалъ свое чувство перелз штурмомъ. Он пишет брату своему Николаю:

«Послз обзда взорвали мину, около шестисотъ орудфй открыли огонь противъ форте, который хотзль взять, и этотъ

огонь продолжался всю ночь. Это было зрзльнице и ощущение, которыхъ никогда не забуду. Мы были все тамъ же и, какъ всегда наканунф сраженфя, все мы дзлали видъ, что о слздующемъ днз мы не думаемъ больше, чзм о самомъ обыкновенномъ, а у всехъ, я въ этомъ увзрюсь, сжималось сердце при мысли о штурмз.

«Когда приближался ршительный моментъ, страхъ исчезалъ, и когда пришло известие объ отгнф штурма, я могу не обмануться, сказавъ, что это известие было принято солдатами, офицерами и генералами, какъ истинное несчастье».

Затзм, въ письмз своемъ к Т. А., Лев Николаевич очень лестно говорит о своемъ дздз, князз Горчаковз, командующемъ дунайской армфей. Он пишет:

«Я видзль его подъ огнемъ. Пули и ядра для него не существуютъ. Онъ отдаетъ приказанфя сз ясностью и точностью. Это великий человекъ». Онъ кончаетъ письмо свое: «Да, дорогая тетенька! Я желалъ бы очень, чтобъ ваше предсказанне сбылось. О чемъ я больше всего мечтаю, это—быть адъютантомъ такого человека, какъ онъ, которого я люблю и уважаю отъ глубины сердца».

И какъ странно писать мне эти строки, когда я такъ часто слышала осужденфя и порицанфя военной да и всякой службы, особенно—адъютантской!

Лев Николаевич, несмотря на военныя дзйствфя, все-таки стремится къ литературной дзятельности, и пишет Т. А., что у него была мысль создать военный журналъ.

«Этотъ проектъ,—пишетъ онъ,—надъ которымъ я работалъ въ сотрудничествз сз многими выдающимися людьми, былъ одобренъ княземъ и былъ посланъ на усмотрзние, но такъ какъ у насъ противъ всего интригуютъ, нашлись люди, которые побоялись конкуренцфя этого журнала, и затзм, быть можетъ, идея этого журнала не была въ видахъ правительства—и Государь отказалъ».

Этотъ отказ очень повлиял на Льва Николаевича, и онъ пишет брату:

«По окончанфя войны я оставаю строевую службу и поступаю въ военную академию».

Но потомъ это намзренне, конечно, было забыто, и снова забилось сердце, снова потянуло къ войнз. Онъ пишет брату:

«Изъ Кишинева 1 ноября я просился въ Крымъ, отчасти для того, чтобъ видзть эту войну, а больше всего изз патриотизма, который въ то время сильно напалъ на меня».

Его переводить въ Севастополь, и тутъ Лев Николаевич мнзняетъ часто свое мзстоожительство измзсть съ батареей, къ которой его прикомандировали и, наконецъ попадая въ 4-й бастионъ, гдз опасность была очень велика. Но черезъ мзсяцъ онъ былъ переведенъ въ другое мзсто—въ Вельбекъ, въ 20-ти верстахъ отъ Севастополя. Переводъ этотъ состоялся по распоряженфю Государя Александра II, прочитавшаго рассказъ Льва Николаевича: «Севастополь въ декабрь 1854 года». Рассказъ этотъ, какъ известно, произвел на Государя сильное впечатлзние, и онъ приказалъ беречь молодого офицера и удалить его изз опаснаго мзста.

Патриотизмъ Льва Николаевича, дзйствительно, развертывается во всей красотз своей въ севавтопольскую войну. Главное отрядное убеждение, которое руководитъ Львомъ Николаевичемъ,—это увзренность въ возможности покорить гдз бы то ни было ому русскаго народа. Участвуя самъ въ бояхъ и видя страданфя, лишения и ужасы войны, онъ пишет въ «Севастопольскихъ рассказахъ»:

«Изъ-за креста, изъ-за названфя, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условфя: должна быть другая, высокая побудительная причина. Почему теперь рассказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрзпленфй, ни войска, не было физической возможности удержать его, и все-

теперь рассказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрзпленфй, ни войска, не было физической возможности удержать его, и все-

теперь рассказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрзпленфй, ни войска, не было физической возможности удержать его, и все-

Теноръ Видавской оперы Игнатф ДЫГАЧЪ. Къ его гастрольмз въ театрф Народнаго Дома въ Петроградз.

такъ не было ни малзшшаго сомнфня, что онъ не отдастся неприятелю. О временахъ, когда этотъ герой, достойный древней Грецфя, Корниловъ, обззжалъ войска, говорилъ: «Умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя». И наши Русские, неспособные къ фриззерству, отвзчали: «Умремъ, ура!» Вы ясно поймете и вообразите себз тзхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видзли тзмъ героями, которые въ тз тяжелыя времена не упали, а вывелись духомъ и съ наслаждениемъ готовились къ смерти, не за городъ,—а за родину. Надолго оставить въ Россфя великфя слзды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ русскфй народъ».

Передамъ и его собственный разговоръ съ солдатомъ въ лазаретз, о которомъ онъ и впоследствии не могъ вспоминать безъ умиления.

— Давно ты раненъ?
— Да вотъ 6-я недзля пошла, ваше благородфе.
— Какъ же это ты былъ раненъ?
— На 5-мъ бастионз. Навелъ пушку, сталъ отходить, этакимъ манеромъ,—

Артистка Видавской оперы (драмат. сопрано) Ганна СКВОРЕЦКАЯ. Къ ея гастрольмз въ театрф Народнаго Дома въ Петроградз.

как, он ударил меня по ногѣ, ровно какъ въ яму осунулся. Глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было?

— Ничего, только какъ горячимъ ахиули въ ногу.

— Ну, а потомъ?

— И потомъ ничего. Оно первое дѣло, ваше благородіе, не думать ничего. Какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше отъ того, что думаешь человекъ.

«Въ это время подходитъ женщина, связанная чернымъ платкомъ. Она начинаетъ рассказывать про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ, бывши раненъ, остановилъ носилки, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на зашпъ нашей батареи. Рассказывалъ, какъ великіе князья говорили съ нимъ и пожаловали 25 руб., и какъ онъ сказалъ имъ, что онъ опять хочетъ на бастіонъ, съ тѣмъ, чтобы учить молодыхъ, ежели уже самъ не можетъ работать».

«— Это улыбка моя, ваше благородіе!— замѣчаетъ матросъ, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говоритъ: «Ужъ вы знаете се». Известно, бабье дѣло, глупыя слова говоритъ».

«Вы начинаете принимать защитниковъ Севастополя. Вамъ становится почему-то совѣстно за самого себя передъ этимъ человекомъ. Вамъ хотѣлось бы сказать ему слишкомъ много, чтобы выразить ему свое сочувствіе и удивленіе, но вы не находите словъ или недовольныя тѣми, которыми приходится вамъ въ голову, и вы, молча, склоняетесь передъ этимъ молчаливымъ, безсознательнымъ величіемъ и твердостью духа, этой сгнѣдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ».

А развѣ въ настоящее время не повторяется у насъ то же самое? Но, къ сожалѣнію, теперь нѣтъ у насъ того гениальнаго писателя, который бы, какъ Левъ Толстой, передалъ намъ все переживаемыя впечатлѣнія и оцущенія, получаемыя на войнѣ...

Но литературныя занятія не были его главными, онъ имѣлъ мало времени для нихъ и велъ жизнь обыкновеннаго офицера.

Товарищи его очень любили, и зѣвко Назаровъ пишетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Толстой своими рассказами и наскорю набросанными куплетами одушевлялъ каждого въ трудныя минуты боевой жизни. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ душой батареи. Толстой съ нами, и мы не видимъ, какъ летитъ время, и нѣтъ конца общему веселью... Нѣтъ графа, укатилъ въ Симферополь,—и въ носы повѣсили. Проидетъ день, другой... третій... Наконецъ возвращается... Ну точь-въ-точь блудный сынъ, иречный, иехудалый, иежизланный собой... Отвѣдетъ меня въ сторону и начнетъ покаяніе. Все расскажетъ, какъ кутить, игралъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, и при этомъ, вѣрите ли, казнится и мучается, какъ настоящій преступникъ. Даже жалко смотрѣть на него,—такъ убивается!...»

Т. А. Кузминская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ дни войны.

Сверкаетъ золото лучей...
Весна дунистала настала,
И стала короче мракъ ночей,
И далъ прозрачнѣ кристала...
Простору нѣтъ теперь конца!..
Когда-бъ не гулъ военной брани—
Съ улыбкой яснаго лица
Иди въ раздвинутыя грани...
Но робокъ слухъ и взоръ несмѣлъ,—
Ихъ обнимаютъ съчи звуки,
И стоны—бьющихся удѣлъ—
Воззвуютъ въ сердце иглы муки.
И вешній праздникъ золотой
Темнятъ бойцовъ сраженныхъ тѣни,—
Влекутъ предъ жертвою святой
Склонить молитвенно колѣни...»

Андрей Куанеровъ.

Литературныя замѣтки.

Станкевичъ въ его письмахъ.

Вышла въ свѣтъ переписка Н. В. Станкевича*. Наконецъ-то открывается возможность заглянуть въ лицо этого таинственнаго человека, въ имени котораго до сихъ поръ есть что-то магическое. Ничего не создавъ въ литературѣ, кромѣ лишней всякаго художественнаго значенія драмы «Скопинъ-Шуйскій» или нѣсколькихъ слабыхъ стихотвореній и повѣстей, да немногихъ отрывковъ философскаго характера, Станкевичъ сумѣлъ, въ то же время, за короткій срокъ своей жизни (умеръ на двадцать седмомъ году) завоевать себѣ центральное положеніе среди самыхъ выдающихся въ литературѣ людей своего времени. Достаточно указать на Блинскаго, Тургенева и многихъ другихъ, которые обожали Станкевича.

Изъ-за строчекъ этихъ писемъ образъ его встаетъ передъ читателемъ, какъ живой. Вотъ онъ передъ вами съ тѣломъ, разбитымъ болѣзью, которая послѣдовательно вела его къ могилѣ, и съ чистой душой, иногда по-дѣтски, наивно, но всегда искренно устремленной и расположенной къ всему доброму, къ міру идей, къ природѣ,—вплоть до охоты съ борзыми, къ людямъ,—вплоть до ухаживания за нѣмецкими горничными, «штубенмедхенъ», къ труду и порядку,—вплоть до мечты о степени магистра.

Но эта переписка, въ то же время, разочаровываетъ въ личности Станкевича. Ждешь отъ его писемъ чего-то необыкновеннаго или, по крайней мѣрѣ, надѣешься найти въ нихъ объясненіе того вліянія, которое онъ оказывалъ на окружающихъ. Напрасно! Содержаніе писемъ сѣро, не особенно выразительно, какъ-то буднично. Большею частью, это—старательныя описанія внѣшнихъ событій, часто неинтерес-

ныхъ, встрѣчъ, причемъ нѣтъ ни остроты наблюдень, ни глубокихъ замѣчаній. Былъ Станкевичъ въ Римѣ на католической церемоніи въ первый день Пасхи. И что же? Въ письмахъ онъ говоритъ о военной музыкѣ, встрѣчанней пану, о блестящемъ фейерверкѣ, объ иллюминаціи цесаря св. Петра! Въ такомъ же родѣ и все остальное. Конечно, въ книгѣ не мало размышленій «философическаго» характера, но онѣ отдаются книжностью, надуманностью. Разсѣяныя кое-гдѣ самостоятельныя, мысли носятъ на себѣ печать чего-то наивнаго, какъ, напримеръ: «...Если чувствуешь апатію, надобно сознать причину ея и, созваши, удалить»...

Одна любопытная сторона переписки, можетъ быть, открыть до нѣкоторой степени основную особенность душевнаго строя Станкевича. Мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что его письма, начинающіяся въ книгѣ съ 1830 года, т.-е. когда автору ихъ было 17 лѣтъ, съ внутренней стороны мало чѣмъ отличаются отъ зальтѣйшихъ писемъ, вплоть до послѣднихъ, предсмертныхъ. Незамѣтно, чтобы личность Станкевича за тѣ десять лѣтъ его жизни, которые проходятъ передъ вами въ перепискѣ, съ теченіемъ времени мукала, крѣпла. Не былъ ли Станкевичъ изъ той породы людей, которые въ юности обнаруживаютъ быстрый, внезапный расцвѣтъ, какъ бы взрывъ душевныхъ силъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ надолго, а можетъ быть, навсегда не подвинуться въ своемъ развитіи по существу впередъ? Такое ослѣпительное явленіе Станкевича для его друзей соединилось съ лучшей порой ихъ собственной жизни и осталось затѣмъ въ душѣ, какъ прекрасное и ничѣмъ незамутненное воспоминаніе ихъ ранней молодости.

Ал-дръ Еленскій.

Редакторъ М. Н. Мазалева.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

* Переписка Николая Владиміровича Станкевича. 1830—1840 гг. Ред. и изд. Алексѣя Станкевича. Москва. 1914 г. Ц. 3 рубля.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ
ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, да-еть Кефалдоль Дра Сторъ. Отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ

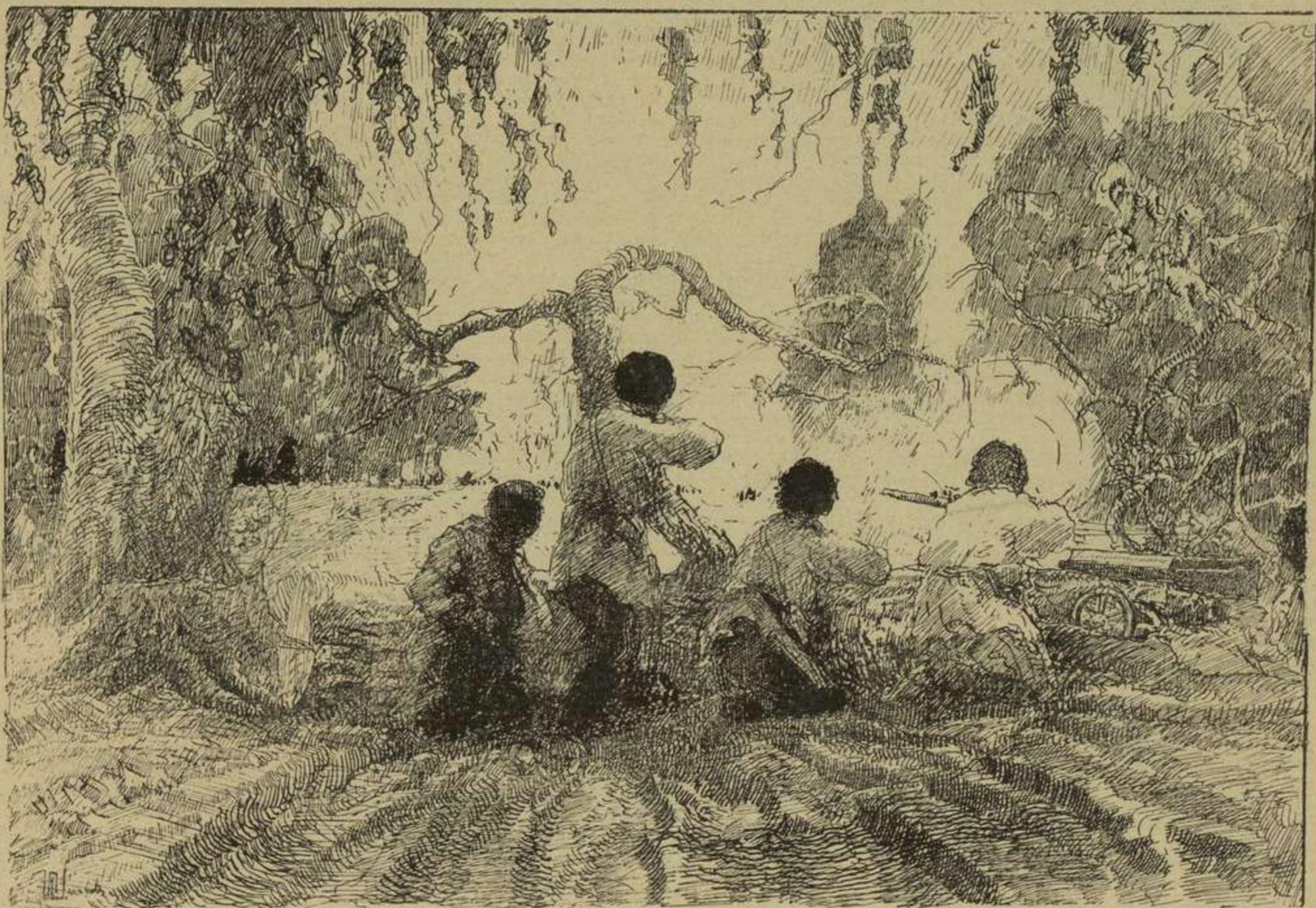
СКАНДИНАВІЯ

ПАЦІОНАТЪ LJUGARN
на островѣ Готландъ (Швеція)
принимаетъ пансионеровъ на лѣто. Роскоши, природа и климатъ. Большая столовая. Цѣна за полд. пансіонъ 80 кронъ въ мѣсяцъ. Письма прос. адресовать: Madame Lina Johansson.

Новая книга В. ОПОЧИНІНА:
Трезвы и Жизнь.
Античные эскизы. Отклики войны. Краски жизни. Альбомъ восточныхъ набросковъ и другія стихотворенія.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Продается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время», Попова и друг.
Обложка Г. Нарбута. Издательство «Лукоморье».

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА
ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННІЕ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА
БЕСПОРНО РАДИКАЛЬНО ДѢЛАЕТЪ ВЕСЛУХИ, УГРЪ, ПЛѢТИ, ЗАГАРЪ, МОЩНЫМЪ КАКЪ ДАВАНІЕ

ХУДОЖНИКЪ А. Н. ЮДИНЪ
ИСКУССТВО ВЪ СЕМЬѢ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА.
Цѣна 2 руб.

НА ВОЙНѢ. — Наступленіе врага.

Рис. худ. П. Д. Шарова.

Дума.

Такъ много въ мирѣ зла, а мы проходимъ мимо,
Безпечно-сыты. Не спросимъ почему
Жизнь человека Богомъ не хранима,
И что влечетъ его въ вертепъ или тюрьму?
Страданья розлиты по свѣту словно рѣки.
Возмолвуютъ они, и счастье лишь кричатъ —
Такъ плаще яркое на юномъ человекѣ
Сильнѣй, чѣмъ рубище на старцѣ, гово-
рять.
Чудакъ Ламанча, — тотъ, надъ кѣмъ смѣя-
лись, —
Твердилъ всю жизнь о вѣкѣ золотомъ.
Года текли, рождались и смѣялись...
И все жъ его мечты остались только
сномъ.
Теперь кровавый годъ. Отъ зарева по-
жара,
Отъ грозныхъ выстрѣловъ зардѣлись не-
беса, —
Сопла ли на землю небеса святая кара?
Сойдутъ ли на землю святая чудеса?
Быть можетъ, воиновъ кровавал работа
Омоетъ грязь земли и съ дальней высоты
Заблещетъ миру правда Донъ-Кихота,
Какъ яркая звезда безсмертной красоты!
Гемма.

Отношеніе графа Льва Николаевича Толстого къ войнѣ вообще.

Окончаніе*.

III.

На маневрахъ.

Вспоминается мнѣ незначительный эпизодъ изъ жизни Льва Николаевича, который почему-то остался у меня въ памяти и записанъ мною уже впоследствии. Это было въ августѣ 1861 г., Левъ Николаевичъ еще не былъ женатъ.
Мы жили тогда на дачѣ въ Покровскомъ, въ 12 верстахъ отъ Москвы. Левъ Николаевичъ часто прѣзжалъ къ намъ и всегда почти затѣвалъ съ нами какія-нибудь экскурсіи. И однажды, узнавъ, что въ шести верстахъ отъ насъ будутъ маневры, и что на маневрахъ будетъ государь, онъ предложилъ намъ идти на Ходынское поле — мѣсто маневровъ. Но насъ, сестеръ, не пустили, а собрались идти мои братья и молодой человекъ, сынъ извѣстнаго въ тѣ времена профессора Пако, который жилъ у насъ при мальчикахъ.
Левъ Николаевичъ остался у насъ ночевать. На другое утро всѣ собрались къ чайному столу провожать ихъ. День былъ

чудный, терраса наша была занята солнцемъ, а въ воздухѣ чувствовалась утренне-комичное: вдругъ выступилъ Пако съ проницательностью. Они такъ весело собирались таящими къ царю руками, и дрожащимъ въ путь, что мнѣ стало завидно и досадно, отъ волненія голосомъ воскликнулъ: «Господи, что насъ не пустили, боясь толпы, а смѣялись, великій царь, — жизнь отдамъ за шутку съ толпой и не сидѣть въ ложѣ въ тебѣ!» И онъ спасъ меня, и я началъ тѣ времена считалось предосудительнымъ смѣяться.
Мы долго ждали ихъ. Они вернулись съ опозданиемъ къ обѣду. Левъ Николаевичъ, какъ и всегда, былъ веселъ и бодръ, не смотря на 12 верстъ, которыя онъ прошелъ пешкомъ, и тамъ еще пришлось стоять все время. За обѣдомъ начались разспросы и рассказы. Левъ Николаевичъ картинно описывалъ расположеніе войскъ, ихъ блескъ при яркомъ солнцѣ, бодрое настроеніе войска, и по его рассказу видно было, что вся эта картина пріятно напомнила ему его военное время.
— И меня, вѣдь, слегка задѣло все это! — говорилъ онъ. — Царь на бѣлой лошади объѣзжалъ войска, видъ его былъ красивъ и величественъ. Въ свитѣ увидѣлъ я знакомыхъ своихъ. Кругомъ весь народъ, и войска кричали «ура», и когда государь прѣзжалъ мимо насъ, — а мы стояли прекрасно, такъ что намъ все было видно, и музыка превосходно играла маршъ и вала его. Могу передать объ его отношеніи къ войнѣ очень-очень мало, по письмамъ еще болѣе воодушевляла всѣхъ, — то я почувствовалъ, что у меня сжимаетъ горло сестры моей и по письмамъ Льва Николаевича и щекотить въ носу... И умиленіе, и какъ-то прежнее молодая восторженность была очень друженъ.

IV.

Турецкая война 1876—77 гг.

Когда въ 1876 году началась война съ Турціей, мы жили въ Тифлисѣ. Льва Николаевича во время войны я не видѣла, но знаю, что она очень интересовалась и волновалась. Могу передать объ его отношеніи къ войнѣ очень-очень мало, по письмамъ еще болѣе воодушевляла всѣхъ, — то я почувствовалъ, что у меня сжимаетъ горло сестры моей и по письмамъ Льва Николаевича и щекотить въ носу... И умиленіе, и какъ-то прежнее молодая восторженность была очень друженъ.

* См. № 14072 «Нов. Вр.»

Сестра пишет мне в 1877 году: «12 апреля был объявлен манифест, и я в вас, полнение. Признаюсь, даже меня затронуло. В первый раз, как взрослая, переживаю войну, и нельзя быть равнодушной. И это томительное ожидание и вопрос, чем окончится война,—наш не оставляет. Ловочка странно относится к сербской войне; он почему-то смотрит на нее не так, как все, а с своей личной, религиозной точки зрения. Теперь он говорит, что «война настоящая» и трогает. Впрочем, я не умю объяснить его взгляды, а вот прочтешь их в конце романа Анны Карениной в апрельской книге, где и будет совсем конец».

Дух противоречия у Льва Николаевича был сильно развит. Конечно, не из упрямства, а оттого, что он не смотрел на вещи с общей точки зрения, он сам лично доискивался до сути, по-своему, по оригинальному. Он составлял себе определенное мнение, и затем в спорах своих увлекательно и красноречиво доказывал, что «блгое» есть «черное» и наоборот.

О братьях-Славянах он пишет в романе «Анна Каренина», где он всецело вложил в уста «Сергия Ивановича Каренина» свой взгляд на сербскую войну.

Приведем эти несколько строк: «В среде людей, к которым принадлежал Сергей Иванович, в то время ни о чем не говорили и не писали, как о сербской войне. Все то, что делается обыкновенная праздничная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян. Балы, концерты, обеды, сичи, дамские наряды, пиво, трактиры,—все свидетельствовало о сочувствии к Славянам».

«Он видел, что славянской войной сдвинулся одним из тех модных увлечений, которая всегда, сменяя одно на другое, служили обществу предметом занятия. Он видел, что при этом общем подъеме общества выскочили вперед и кричали громче других все неудавшиеся и обиженные: главнокомандующие без армий, министры без министерств, начальники партий без партизанов. Он видел, что тут много легкомысленного и смелого; но он видел и признавал несомненный, все разрастающийся энтузиазм, соединивший в одно все классы общества, которому нельзя было не сочувствовать. Ревня братьев Славян вызвала сочувствие к страдающим и негодование к притеснителям. И героизм Сербов и Черногорцев породило во всем народ желание помочь своим братьям уже не словом, а делом».

Вот и в этой войне видит взгляд Льва Николаевича, состав особый от других. Он как будто находить посылку приобщения к толпе. Он дружелюбно относится к сборам в пользу раненых посредством концертов, базаров и пр. Он не видит в этом серьезного, а кроме того это «толпа», и он в нее не пойдет, у него своя гордость. Он как будто не симпатизирует Славянам, а видит в том, помимо его желания, эта хлынувшая волна патриотизма влечет и его, и он волнуется, сочувствует...

Сестра пишет мне: «Так и ты завербовалась в «Красный Крест»? Я это очень понимаю! Если бы я жила в городе, непременно бы помогла общему делу. Наше намерение взять 10 раненых, выздоравливающих, осталось без результата, а я уже все закупила и привезла их. Министерством запрещено выпускать из больницы по деревням; солдаты багуются, не берегутся, и снова делаются больны».

В другом письме она пишет: «Видя с Левочкой, Сухотинным Нлей и братом Степой в Тулу смотреть планшеты Турок. Живут они на сахарном заводе. У них очень хорошо и чисто, и они повидному довольны. Левочка спросила, есть ли у них корань? И тогда они нас окружили, и оказалось,

что у всякого есть корань в сумочке. Но когда они нас обступили и стали теснить, был момент, когда стало страшно, и мы скорбе ушли».

В восьмидесятых годах я замечала, как во Льве Николаевиче совершался медленный религиозный переворот. С каждым днем он становился мрачнее, и, конечно, его христианское учение не могло ввязаться с понятием о войне, и это убеждение росло и крепло в нем. Хотя есан проследить, каким он был в молодости, то можно видеть, как эта былая нить проходила через всю его жизнь. Она чувствовалась и в Платоне Каратаеве («Война и Мир»), и в «Севастопольских рассказах», где он пишет следующие чудные строки:

«Да, на бастионх и траншеях выставлены были флаги; цветущая долина наполнена мертвыми тлами, прекрасное солнце опускается к синему морю. Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят, улыбаются друг другу. И эти люди, христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они делают, с раскаянием не угадуть вдум на колени перед Тьмой, кто дал им жизнь, вложил в душу каждого вихрь со страхом смерти, любовь к добру и прекрасному, и со слезами радости не обнимутся, как братья?»

Но, написав эти строки, Лев Николаевич сомневается, хорошо ли он сдвинул, высказав свои мысли, и кончает следующие:

«Вот я сказал, что хотел оказать на этот раз. Но тяжелое раздумье одолевает меня. Может, не надо было говорить этого, может быть, то, что я сказал, принадлежит к одной из тех злых истин, которые, бессознательно таясь в душе каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сдвинулись вредными, как осадок вина, который не надо сбавлять, чтобы не испортить его».

Это он писал 23-х, 24-х лет. Все чаще и чаще слышала я от Льва Николаевича осуждение всего строя нашей жизни. Осуждение тех, кто шел на военную службу, и затаенную радость по поводу тех, кто отказывался от воинской повинности. Он очень увлекался чтением Б. Сутнера («Против войны»), и по этому поводу у нас часто возникали споры.

Помню, как-то раз я сказала ему, когда он говорил против войны:

— Да как же быть-то, когда придут и садуть тебе на шею Японцы, Итцы, Китайцы и проч.?

Он не сразу ответил мне, а обратился мой вопрос в шутку.

— Так что же?—сказал он,—а твой «анковский шпрот» будет процветать.

«Анковским шпротом» назывался у нас известный комфорт, порядок, соблюдение традиций и вообще хозяйственности во всех отраслях.

И сколько раз замечала я, что, когда бывало, поставив ему вопрос ребром, он ответить либо шуткой, либо отиать его будет искусственный—не искренний.

У. Японская война 1905 г.

Когда загорелась японская война, на ша семья и семья дочери моей проводили лето в десяти верстах от Ясной Поляны, в имении «Тайтыково».—Андрей Толстого, сына Льва Николаевича.

Мы часто виделись. Лев Николаевич то верхом, то в тележке приехал к нам в разные часы дня, совершенно неожиданно.

Я видела, как война действовала на него. Он то озлобленно и безжалостно осуждал все, или же молча страдал.

Когда мы бывали в Ясной Поляне, нам случалось ночевать там, а не раз видела, как он, выходя из спальни,

в халате, шел прямо к месту, где лежали газеты, привезенные со станции рано утром, и сбиавил читать их, тогда как в обычное время он избегал чтения газет.

Когда известия были плохи, он сильно волновался, и мы на дыхах еще вспоминали с племянницей его, вн. Оболенской, как он говорил ей:

— Сегодня в газетах пишут, что «зобросали орудия». Вы, читая это, не понимаете, как это ужасно. Ведь это значит, что было бегство.

И он говорил это с таким страданием в голосе... Вечером того же дня он сказал:

— Не понимаю, как может быть война!

— Не можешь понять, как быть войне?—с удивлением переспросила я.

— Да, надо быть раздраженным догем. путем, чтобы понять войну и участвовать в ней,—продолжал он.

— А если придут и завоюют нас?—спросила дочь моя.

— Тогда надо признаться, что мы не христиане. Больше ничего.

После некоторого молчания Лев Николаевич прибавил:

— Я боюсь говорить о безхристианстве войны, чтобы это не было пошло...

Когда получили известие о гибели Рождественского, Лев Николаевич был в таком волнении, что я уже давно его таким не видела. Мы приехали в Ясную Поляну в день известия о Цусимском бою. Я надбавил узнать что-либо от Чертковых о своем сыне, так как он был у Рождественского, а что Чертковы постоянно имели сношения с Англией.

Помню, как я сидела одна наверху в библиотеке с заплаканными глазами. Кроме общего горя, я не знала об участии сына, который участвовал в этом бою. Лев Николаевич проходил мимо меня, остановился и сказал:

— Я не могу утешить тебя. Это ужасно, что произошло. Но, впрочем, теперь уже скоро и конец войны.—И, помолчав немного, он сказал:—Жаль мне Государи больше погибших. Каково у него теперь на душе?

Несколько дней спустя мы сидели за обедом и обсуждали сдачу Небогатова. Известие это посергло нас всех в печальное негодование.

С утра Льва Николаевича не было дома. Он вернулся только к обеду, и я ничего не слышала от него по этому поводу. В этот день собралось к обеду несколько человек, в том числе и В. Г. Ч.

За обедом Лев Николаевич рассказывал о своей победе верхом и говорил, что на большой дороге и в деревнях говорят о Небогатове. Разговор принял горячий оборот, наперерыв осуждали Небогатова.

Лев Николаевич молчал и, казалось, был грустен и угнетен.

Я хотела слышать и его мнение. Так как привыкла, что он всегда так просто и ясно высказывал его, и я готова была прямо спросить его об этом. Но какой-то внутренний голос удерживал меня, и я внималась в общий разговор и сказала:

— Думаю, уже лучше погибнуть, в было судить, что это самое и было целью их приезда. Они хотели слышать мнение Льва Николаевича о войне. Мы окончили игру в шахматы, и Лев Николаевич

ходил в зал и вперед по залу, заложив руки за ремешки пояса свой, как он обыкновенно это делал.

Разговор студентов происходил с которыми думали иначе,—отвечала я.— нить-то известиях, полученных из Петербурга, и когда заговорили об этом, студенты высказались против войны, постоянно взглядывая на Льва Николаевича, как бы ожидая услышать его

и молча продолжал мнение, разумеется, одобряемое.

Мне было жалко и оскорбительно за него. Я поняла причину его молчания...

Мне было жалко и оскорбительно за него. Я поняла причину его молчания... И пишу этот разговор из своего дневника.

Спусти несколько дней Лев Николаевич говорил, что он напишет статью, хотя он и дал себе слово не писать о современном.

— Разгром флота—это событие!—говорил он.

— Ты говоришь, что в Петербурге большинство желает мира?—обратилась он ко мне.

— Нет, по большинству не хотят позорного мира,—отвтила я.

— Ну, ведь это все равно,—сказал он.—У всех много близких людей, как и у тебя.

Мы сели за чайный стол, а Лев Николаевич ходил по залу; он как будто не мог успокоить свои мысли и продолжал:

— В войне для меня самая мучительная события это: гибель эскадры, сдача Порт-Артура и потеря тридцати пушек. Жаль мне было, во-первых, убитых людей, во-вторых—русских людей. Этот разгром Балтийского флота будет иметь большое значение.

17 августа 1905 года Андрей Толстой принес отцу телеграмму без подписи: «Слава Богу! Мир заключен».

Лев Николаевич пришел в зал и говорил нам:

— Какая важная новость! Мне стыдно, но я должен сознаться, что я борюсь с чувством патриотизма. Я все надеялся, а что Русские победят, а как мир заключен, тогда и политическая победа Японцев окончательна.

VI.

Беседы со Львом Николаевичем.

Наступила осень. Наши об семья переехали в город, и лишь я одна ршила еще месяц прожить в Ясной Поляне.

Обыкновенно, темные, длинные вечера проводили мы наверху в залу за круглым столом. Так было и в этот вечер. Лев Николаевич играл со мною в шахматы, кто работал, кто читал вслух, когда дожились о приезд их оканчивших студентов из N университета. Льву Николаевичу не хотелось идти вниз, где он обыкновенно принимал посетителей, и сестра моя посоветовала попросить их наверх.

— И нам будет развлечение!—прибавила она.

Через несколько минут вошли студенты. Их было четверо. Мы познакомились с ними. Это были студенты самого обыкновенного типа. По одним из них мы знали весьма мрачный вид.

Высокий, худощавый, с впадой грудью, он глядел из-под бровей и производил впечатление не то необщительного, не то озлобленного.

Сначала, как и понятно, они все были отбесены присутствием стольких незнакомых лиц, но Лев Николаевич, отозвав сивший к молодежи всегда очень прилично, ободрил их, и они уже свободно разговаривали с нами, кроме «мрачного», который все время молчал.

Речь, конечно, зашла о войне и по тому, как горячо заговорила молодежь, можно было судить, что это самое и было целью их приезда. Они хотели слышать мнение Льва Николаевича о войне. Мы окончили игру в шахматы, и Лев Николаевич

ходил в зал и вперед по залу, заложив руки за ремешки пояса свой, как он обыкновенно это делал.

Разговор студентов происходил с которыми думали иначе,—отвечала я.— нить-то известиях, полученных из Петербурга, и когда заговорили об этом, студенты высказались против войны, постоянно взглядывая на Льва Николаевича, как бы ожидая услышать его

и молча продолжал мнение, разумеется, одобряемое.

Батарея за работою.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Но Левь Николаевичъ молчалъ, и содей было велико. Они во всё глаза глядѣ-
внимательнѣ прислушивался къ разговору. Ли на Льва Николаевича, который,
Мы же, домашніе, говорили, что война завъ это, медленно уходилъ въ кабинетъ
неизбѣжное зло, и что врядъ ли кто безъ свой. А въ особенности пораженъ былъ кой — газетъ.

Ему казалось, что онъ былъ «не-
ко двору», какъ это говорится. Не знаю, впрочемъ, впечатлѣнія Льва Николаевича.
Сразу вѣсть намъ, показался онъ «не-
ко двору», какъ это говорится. Не знаю, впрочемъ, впечатлѣнія Льва Николаевича.
Сразу вѣсть намъ, показался онъ «не-
ко двору», какъ это говорится. Не знаю, впрочемъ, впечатлѣнія Льва Николаевича.

Сестра моя позвала всѣхъ чай пить, п-
за большимъ, какъ и всегда, оживлен-
протизаменнъ злу», очевидно, начитавшись
книжъ Льва Николаевича и пригъвая его
ученіе вкривъ и вкосъ, какъ и многіе по-
читатели Толстого.

«Сдачу» Портъ-Артура нельзя по-
одобрить,—говорилъ мрачный студентъ.—
Этотъ поступокъ именно и можно пригъ-
нать къ «непротизаменнъ злу». Это вой-
детъ въ исторію, и пройдетъ много лѣтъ,
прежде чѣмъ поймутъ этотъ высочій по-
рыль!

Студентъ, очевидно, ожидалъ, что его
слова вызовутъ несомнѣнное одобреніе
Льва Николаевича и будутъ оцѣнены какъ,
какъ вѣрное пониманіе его ученія. Но онъ
ошибся. Левь Николаевичъ подошелъ бли-
ко къ нашему столу, остановился передъ
студентомъ и, слегка нагнувшись къ нему,
прямо и отчетливо произнесъ:

— Въ наше время Портъ-Артуръ бы
не сдали!
Сдвинутыя брови, серьезное выраженіе
лица его придавали ему известную стро-
гость. Я радостно слушала его, и мнѣ хо-
тѣлось, чтобы онъ еще что-нибудь ска-
залъ, и я предложила ему самый наивный
вопросъ:

— А что бы вы сдѣлали въ ваше время?
— Ахъ, Боже мой! Что бы мы сдѣла-
ли?—повторилъ онъ,—сами бы погибли,
взорвали крѣпость, съ голоду бы пропа-
ли,—да не сдались!
Передо мной стоялъ прежній Левь Ни-
колаевичъ. Зеленые ростки пробудились и во
тѣмъ...
Недоумѣніе и удивленіе молодыхъ лю-

Еще въ августѣ въ 1905 г. въ Ле-
ую Поляну прѣзжалъ мадыарскій Еврей
двиганъ? (1905 годъ).
2) какой, по его мнѣнію, будетъ резуль-
татъ переживаемаго теперь кризиса?
3) какое будетъ водѣйствіе проходя-
щей теперь войны на вѣршнюю политику
Россіи?

Небольшой, съ еврейскимъ типомъ, Ше-
ранъ держалъ себя какъ-то чересчуръ раз-
вязно. Съ перваго знакомства своего онъ
смыло приступилъ ко Льву Николаевичу
съ своей цѣлью. А цѣль его была выдонтъ
и выжать изъ Льва Николаевича, какъ изъ
знаменитости, все, что возможно, для сво-
ей газетъ. И онъ не старался сдѣлать это
хотя бы въ скромной, приличной формѣ.

Шеранъ сразу по номерамъ предложилъ
Льву Николаевичу вопросы:
1) прѣнмаеть ли Левь Николаевичъ

участіе въ теперешнемъ политическомъ
движанъ? (1905 годъ).
2) какой, по его мнѣнію, будетъ резуль-
татъ переживаемаго теперь кризиса?
3) какое будетъ водѣйствіе проходя-
щей теперь войны на вѣршнюю политику
Россіи?
4) какого мнѣнія Левь Николаевичъ о
роли Германіи въ русско-японскую войну?
Считаетъ ли онъ ее искренней по отноше-
нію къ Россіи? И считаетъ ли Вильгельмъ
ма великимъ, гениальнымъ человекомъ?..
Очевидно, что, забрасываемый этими во-
просами, да еще мадыарскимъ Евреемъ,
Левь Николаевичъ не хотѣлъ и не считалъ
нужнымъ подробно излагать ему свое мнѣ-
ніе и мысли. Онъ сказалъ ему:

— Эти вопросы меня совершенно не
интересуютъ, и все, о чемъ вы меня спра-
шиваете,—я отрицаю. Я слишкомъ старъ
и недостаточно легкомысленъ, чтобы от-
вѣчать на такіе вопросы, и, наконецъ, не
имѣю на это никакого права.

Шеранъ не успокоился и настаивалъ,
чтобы Левь Николаевичъ отвѣтилъ ему.

— А какъ вы находите Вильгельма?
Конечно, гениальнымъ?—настойчиво спра-
шивалъ онъ.

— Онъ большой дуракъ, и наглый къ
тому же,—отвѣтилъ, не задумавшись,
Левь Николаевичъ.

Шеранъ опѣшилъ. Онъ, повидимому,
никакъ не ожидалъ такого отвѣта и съ
раздраженіемъ сталъ превозносить Виль-
гельма и говорить о томъ, какія обу-
ствія онъ можетъ причинить Россіи.

— Русскому народу этотъ сумасбродъ
ничего не можетъ сдѣлать и то, что онъ
дѣлаетъ, не имѣетъ на русскій народъ ни-
какого вліянія,—спокойно отвѣтилъ Левь
Николаевичъ.

Часто приходитъ мнѣ въ голову, какъ
бы Левь Николаевичъ отнесся къ тепе-
решней войнѣ? Какъ бы она волновала

НА ВОЙНѢ. — Полевая хлѣбопечарня.

Съ фот. Грузинцева.

НА ВОЙНѢ. — Его Императорское Высочество Великій Никъ Михаилъ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ со штабомъ и офицерами одного изъ Кавказскихъ кавалерійскихъ полковъ.

Подполк. П. О. ДЕРЕНКОВСКИЙ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.
и Золотымъ оружіемъ. Былъ дважды контуженъ и остался въ строю.

къ войнѣ съ турціей.

Англіійскій морякъ на наблюдательномъ посту на азіатскомъ берегу Дарданелль.

его, вызывая душевныя страданія! Она охватила бы все его существо, и въ немъ, конечно, зажглась бы искра патриотизма, онъ переживалъ бы слова вѣру въ силу русскаго народа, которую онъ такъ чудно выразилъ въ Севастопольскихъ разсказахъ.

Опишу свою статью его словами:
«Главное отрадное убѣжденіе, которое вынесаи вы, это—невозможность поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа, и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ минъ, орудій и пр., но видѣли ее въ глазахъ, рѣчахъ, приѣмахъ. То, что они дѣлаютъ,—такъ просто, такъ мало напряжено, что вы убѣждены, что они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше... Они все могутъ сдѣлать!»

Т. Кузминская.

Италія.

Лишь на минуту, а можетъ быть менѣе
Повзды исчезъ въ сердцевинѣ утеса:
Дымная коноть, рокоцуть колеса,
Свѣта затмѣніе...

Лишь на минуту... и въ узкой расщелинѣ
Снова онъ вьется, скользя по оврагу,
Жадно вдыхая росистую влагу
Утренней зелени...

Вьется, спускается далѣе, далѣе,—
Къ самому озеру быстрымъ уклономъ...
Пышно раскрылся сафировымъ лономъ
Небо Италіи...

Въ зелени тонетъ утесовъ подножіе,
Четки вершины подъ снѣжною маской...
Край, избалованный солнечной лаской—
Милостью Божіей!

Прошлое міра здѣсь помнится долѣе,
Помнится слава великаго Рима:
Высится гордая неоспоримо
Мощь Канитолія.

Здѣсь сочелась послушная грація
Съ доблестнымъ воиномъ цезарской свиты,
Въ лавры побѣдъ вѣчно юные вѣнты
Лавры Горация...

Прошлаго образы явственно ожили
Въ тѣлнхъ народа, въ ихъ радостномъ
Кличѣ...
Видишь—Торквато, а тамъ—Беатриче,—
Ну, не похожи ли?

Повзды спускается далѣе, далѣе,—
Сердце волнеиетъ чуткимъ влекомомъ...
Вотъ оно—синее озеро Комо.
Здравствуй, Италія!..

В. Опошняннъ.

Для кого красота не пустой звукъ.

Всѣмъ, кто цѣнитъ и любитъ прекрасное,
посвящается только что вышедшая во Франціи книга «Les Allemands destructeurs des cathédrales et des trésors du passé».

Хотя наши нервы начинаютъ притупляться къ германскимъ зверствамъ, и

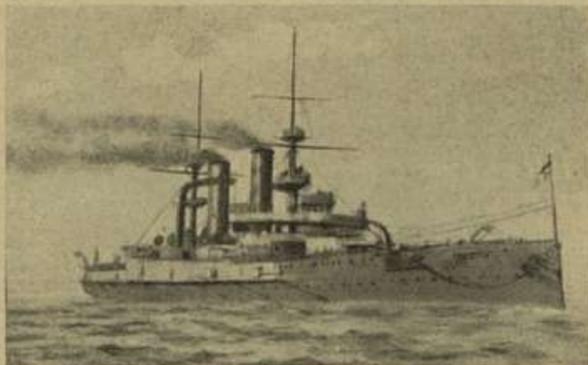

Капитанъ Н. А. КАРАУЛОВЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

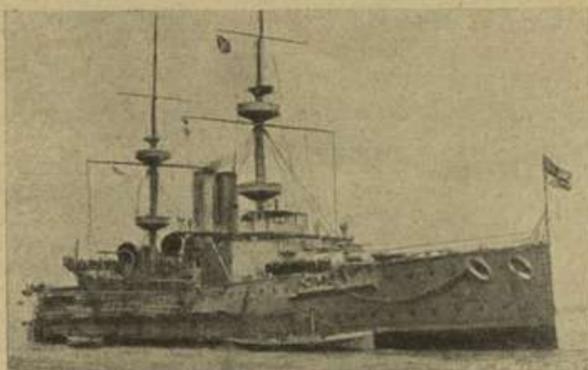
Ген.-лейт. М. И. ШИШНИНЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Английскій броненосецъ «ТРИУМФЪ», взорвавшійся на минѣ и затонувшій въ Дарданеллахъ.

Броненосецъ спущенъ на воду въ 1903 г.; вооруженіе его состояло изъ четырехъ 10-дюйм. орудій, четырнадцати 7 1/2-дюйм. и двухъ миныхъ аппаратовъ; водоизмѣненіе—11.800 тоннъ; скорость хода 17—20 узловъ въ часъ. Строился броненосецъ для чидійскаго правительства, но затѣмъ былъ купленъ Англійей за 949.000 фунтовъ.

Английскій броненосецъ «MAJESTIC», принимавшій участіе въ военныхъ операціяхъ въ Дарданеллахъ, у Галлипольскаго полуострова, и потопленный подводной лодкой.

Погибшій броненосецъ принадлежалъ къ числу судовъ, спущенныхъ въ 1904—1906 г.г. Водоизмѣненіе его 14.900 тоннъ, вооруженіе—четыре 12-дюйм. и двѣнадцать 6-дюйм. орудій, скорость хода—17 1/2 узловъ.

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

ЭНВЕРЪ-ПАША пробирается съ Кавказскаго фронта въ Константинополь со своимъ конвоемъ и имуществомъ.

Прап. М. А. КУЗМИНСКІЙ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Прап. Д. А. КУЗМИНСКІЙ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

КОРОЛЬ ПОДЪ ФЛАГОМЪ КРАСНАГО КРЕСТА.

Какъ извѣстно, Вильгельмъ II, вопли въфренній во взятіи Варшавы, предназначилъ саксонскому королю Фридриху III польскую корону подъ видомъ Германіи. Фридрихъ приготовился къ торжественному вступленію на престолъ и захватилъ съ собою значительную часть своего двора. Но и кандидатъ Вильгельма на престолъ, и его свита чуть не попали въ руки нашихъ казаковъ. Король едва успѣлъ скрыться на военномъ автомобилѣ, а его автомобиль попалъ въ руки казаковъ. Въ другомъ автомобилѣ былъ захваченъ казаками саксонскій штабмейстеръ. Очевидно, для предохраненія отъ случайностей войны саксонскій король путешествовалъ подъ флагомъ Краснаго Креста. На королевскомъ автомобилѣ былъ кромѣ того гербъ Фридриха III. Этотъ гербъ представляетъ изящный щитъ зеленой эмали съ золоченымъ вензелемъ и короной наверху.

увлажняющія Нѣмцевъ обвиненія звучатъ по-корь явился къ мэру города съ требова- чти монотонно—все та же тупая и низкая ніемъ миллионной контрибуціи, то точно для жестокость и злоба, тѣ же грабежи и па- того, чтобы стѣлать Французовъ сговорчи- силія, гдѣ бы ни появились войска Виль- гельма II,—эта книга не можетъ не оста- германской артиллеріей по городу около ста новить на себѣ вниманія читателей. Она снаряжена, направленныхъ на заранѣе от- составлена цѣлкомъ артистическаго міра ибченныя самыя богатые потреба шам- Франціи и, окрыленная подписями знаме- каискаго и на соборъ,—цѣнности, очевид- нитыхъ французскихъ художниковъ, писа- но, равнозначущія въ глазахъ Нѣмцевъ. телей, музыкантовъ—перечень ихъ славъ. Эта бомбардировка была первымъ предло- женьемъ занять три страницы стерженіемъ.

большого формата,—она влншетъ одну Вокорь Нѣмцы должны были уйти изъ изъ самыхъ черныхъ страницъ въ будущій Реймса. Но, оставляя его, они предупреди- многогомпный обвинительный актъ противъ мн городскія власти, что не сегодня-завтра народа, названію варваровъ для котораго въ окрестностяхъ ожидается крупный бой, слишкомъ почетно, по выраженію Метер- а такъ какъ германскіе раненые будутъ эвакуированы въ Реймсъ, то для нихъ лишка.

Нашисана она довольно сдержанно, безъ сѣдуетъ приготовить въ помѣщеніи собо- лишиныхъ восклицательныхъ знаковъ, и си- ра соломенныхъ подстилки на четыре тыся- стематически, шагъ за шагомъ, на основа- чи человекъ. Сраженія не было, и раненые нн неопровержимыхъ официальныхъ до- ле прибыл, а вмѣсто нихъ Нѣмцы па- кументовъ рисуетъ приемы германской войны и надругательство Нѣмцевъ надъ памятниками старины и искусства.

Новыхъ фактовъ въ ней мало, но когда читаешь изо дня въ день, въ былыхъ, от- рывочныхъ телеграмахъ подробности бом- бардировки Реймскаго собора и другихъ ху- дожественныхъ союзицъ Франціи, то съ трудомъ представляешь себѣ отчетливо и связно ту обстановку, въ которой они гнбли.

Настоящая же книга даетъ почти съ протокольною точностью эту трагическую картину.

Въ томъ, что Реймскій соборъ былъ раз- рушенъ Нѣмцами предумышленно, не мо- жетъ быть сомнѣнія. Характерна такая подробность. Когда Реймсъ былъ первоначаль- нально занятъ Нѣмцами, и саксонскій офи-

Капитанъ В. Б. РЕНГАРТЕНЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Лавшие смертью храбрыхъ.

Подполк. С. П. Доможировъ.

Подпоруч. Н. М. Бельховъ.

Полков. С. I. Москвитинъ.

Полков. В. I. Баваловъ.

Подпоруч. М. И. Газенинъ.

слали на городъ свинцовый дождь артиллерійскихъ снарядовъ, падавшихъ съ большою мѣткостью на соборъ и на сосѣднія зданія. Это были болѣею частью зажигательныя бомбы; внутренность собора, представлявшая собою сплошной соломешный костеръ, вспыхнула какъ свѣча, и въ одинъ мигъ погасло все, что можетъ горѣть.

Реймскій соборъ послѣ всѣхъ бомбардировокъ—а охъ, къ несчастію, еще не прекратились—страшно исковерканы и многое невозможно возстановить. Крыша сорвалась и обрушилась; чугунныя украшения расплавлены. Стѣны и башни еще держатся, но дали массу угрожающихъ трещинъ. Ослабѣвшія каменные статуи стали безформенными, точно восковыя фигуры, раставившіяся на огнѣ; многія рухнули отъ сотрясенія при обстрѣлѣ. Къ книгѣ приложена фотографія, снятая съ собора къ 30 декабря. Больно смотрѣть, во что превратилась эта жемчужина готическаго зодчества, на созданіе которой потребовались вѣка.

Далѣе въ книгѣ описываются тѣ же однообразныя насилія Нѣмцевъ надъ художественными памятниками въ Аррасѣ, Санлисѣ, Суассонѣ, Лувенѣ. Поутѣдную газету нельзя читать безъ содроганія.

Вѣчная, нескончимая вина за это кощунство надъ искусствомъ лежитъ на всемъ германскомъ народѣ безъ исключенія,—не только на правителяхъ Германіи, которые всѣ уголовныя преступленія возвели въ кодексъ нѣмецкой воинской чести, но и на всей массѣ населенія, унизавшейся, въ лицѣ арміи, до такого новиншества. Какъ красивый контрастъ къ этимъ громкимъ и негоднымъ, оскверняющимъ военный мушкетиръ, въ книгѣ приводится эпизодъ изъ прошлаго незабвеннаго войны. Въ 1807 году въ Герфельдѣ, въ Гессенѣ, былъ убитъ вѣкъ-то изъ мирныхъ жителей французскій офицеръ. Наполеонъ приказалъ въ наказаніе сжечь и разграбить городъ. Потомъ приговоръ былъ имъ нѣсколько смягченъ,—было сожжено только четыре дома, но относительно разграбленія онъ оставилъ его въ силѣ. Войска были собраны на площади и начало погрома было возвышено жителями барабаннымъ боемъ. Командующій обратился къ солдатамъ: «Сигналы поданы. Кто желаетъ приступить къ грабежу, выходи изъ рядовъ». Ни одинъ человекъ не двинулся.

Равную отвѣтственность за эти злодѣянія несутъ и мыслящая Германія, профессоровъ и ученыхъ, своими постыдными рукоплесканіями багдализму нѣмецкихъ

создать заклеймившая себя навсегда передъ цивилизованнымъ міромъ.

Въ настоящее время Нѣмцы не обращаютъ никакого вниманія на всеобщее негодованіе противъ нихъ, чему въ нѣдѣлю приводится масса циничныхъ примѣровъ. Ихъ поэты слагаютъ даже хвалебныя оды «въ честь разрушенія Реймскаго собора». Въ стихотвореніи Герцога есть такіе строки: «Мы закрыли сияющимъ твоимъ идолопоклонства, о Реймсѣ».

Они забываютъ, что этотъ домъ—христіанскій храмъ, великій памятникъ исторіи и искусства, и что передъ «идоломъ», имя котораго красота, преклоняется вселенная, безъ различія національностей и вѣры, въ комъ не потаскала вохра Божія.

Можно пожелать, поэтому, воззванію французскихъ авторовъ самаго широкаго распространенія повсюду, въ особенности среди нейтральныхъ и колеблющихся. По несовершенству человеческой природы, люди обычно отзываются лишь на то, что непосредственно ихъ затрагиваетъ. А сокровища искусства—всеобщее достояніе и богатство, и, посягая на нихъ, Нѣмцы наносятъ тяжелую рану всему человечеству.

Но рану, надо надѣяться, не непоправимую. Стѣны Реймскаго собора пока устояли и, дасть Богъ, уцѣлѣютъ.

И какъ Венера въ Луврѣ, хотя и изувѣченная временемъ, остается прекрасной, серьезныя виды поклонника, семинаристы такъ и знаменитый готическій храмъ, Киръ Юрданскій и константинопольскій служавъ-восстановленный, гдѣ это возможно, и шій Селиховъ, вышла замужъ за послѣдствіемъ. Хотя Юрданскій правился ей болѣе, но Селиховъ сумѣлъ уловить благоприятную минуту, и его желаніе «воспользоваться этой ручкой завѣки» осуществилось. Потянувшись длинная безцѣльная супружеская жизнь, въ теченіе которой мужъ «почти никогда не разговаривалъ съ Александрой Васильевной», но непрерывно ревновалъ ее къ бывшему сопернику, ставшему изъ неуловимаго семинара протоиереемъ, дивившимъ весь уездъ «своимъ умомъ, строгостію и ученостію». Собственно говоря, такихъ событій въ жизни Александры Васильевны, о которыхъ она могла бы на склоне лѣтъ вспомнить, какъ о чемъ-то, ради чего действительно стоило жить, вовсе не было,—она только тѣшила себя мечтаніями о томъ, «что была въ ея жизни большая любовь, что схоронила она ее въ своей душѣ, что судьба обошла ее... Дожила она до глубокой старости, и какъ ни была малозначущей ея жизнь, она все-таки за нее приближалась: только когда въ толлѣ ее затолкали и задушили, послѣдняя капля меда изъ ея чашки жизни оказалась испитой. Въ чемъ же «мораль» этого произведенія? Во, очевидно, слѣдуетъ искать въ философіи играющаго въ разсказѣ г. Бунина роль «респера» нѣкоего Горизонтова. Согласно его опредѣленію, гдѣ жизнь—«въ долготѣтвѣ и наслажденіи имѣ» (т. е. долготѣтвѣ). Иначе говоря, самый процессъ жизни, какъ бы ни казалась она лишеною содержанія, представляетъ собою уже вполне достаточное ея оправданіе. Относительно того, насколько цѣннымъ можетъ считаться само содержаніе жизни въ зависимости отъ его сложности, мы находимъ любопытное указаніе въ другомъ разсказѣ г. Бунина «Братья». Здѣсь проводится уже съ явнымъ подчеркнутымъ умысломъ паралель между полудикаремъ Сингалесомъ, «римши» въ Коломбо, вся жизнь котораго проходитъ въ томъ, чтобы бѣгать до изнеможенія изъ одного конца города въ другой, вози въ своей колясочкѣ то одного, то другого слѣдока, и между утонченнѣйшимъ европейцемъ, извѣдавшимъ въ своей жизни все, что только было возможно, побывавшимъ во всѣхъ уголкахъ земного шара и, слѣдовательно, по богатству и разнообразію испытанныхъ впечатлѣній, представляющимъ полную противоположность бѣдняку-римши. И вмѣсто того, чтобы презрѣть и упоенно отъ полноты чашки жизни, онъ безпомощно жалуется на то, что бѣдной и жалкой является наша личность, хотя мы и превозносимъ ее выше небесъ и хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ. Между

ils n'ont fait que la rendre un peu plus immortelle! L'oeuvre ne p'rit pas que inutile un gredin, —какъ сказалъ Ростанъ въ посвященіи Реймскому собору сонетъ.

Литературныя замѣтки.

Фи осифія въ белетристичѣ.

Сборникъ послѣднихъ разсказовъ И. Бунина получалъ названіе по одному изъ нихъ—«Чаша жизни», по это названіе, какъ бы сулящее открыть читателю «философію жизни» автора, до нѣкоторой степени оправдывается содержаніемъ не только упомянутого, но и нѣкоторыхъ другихъ помѣщенныхъ въ сборникъ разсказовъ. Исторія, о которой идетъ рѣчь въ «Чашѣ жизни», несложна. Героиня разсказа, Александра Васильевна, у которой

Ив. Бунинъ. Чаша жизни. Разсказъ. 1913—14 г. Книгоиздат. писателей въ Москвѣ. 1915 г. Стр. 173. Ц. 1 р. 50 к.

«НЕИСКУПЛЕННАЯ ИТАЛІЯ».

(По пути движенія нашихъ новыхъ союзниковъ).

ЗДАНІЕ РАТУШИ ВЪ ТРЕНТѢ. Передъ нимъ — фонтанъ «Нептуна», изъ горизонтѣ — Трентскіе Альпы.

«НЕИСПУЛЕННАЯ ИТАЛИЯ».

Памятник ДАНТЕ Алигьери в Тренто. По сообщению газет, Австрийцы минировали этот памятник, чтобы уничтожить его перед взятием города Италианцами.

тёмь в безхитроулой жизни рикши и в его рывимости прервать нить этой жизни, когда оказалось, что его невбста потеряна для него навьки, есть какаа-то своеобразная красота и цблность, которой способен позавидовать представитель сложной культуры. «Умышленность» разсказа и подчеркнутый паралелизм отпичивают от него в значительной степени художественную цблность,—это скорый иллюстрированное разсуждение на тему о первобытной и простой жизни, с одной стороны, и сложной культурой, с другой. В разсказе «Пыль» автор подходит к той же темь, но берет ее в несколько ны, может быть, вовсе и не было, по онь

себя точно перенесенным в другую, наполняющей радостью его сердце, мирь, когда попадет в блестящей чистотой и уютностью вагонь курьерскаго поезда. «Пыль», пыль, пыль!» и «Азия, Азия!»—это характеристика, которую онь даеть незатбйливимь роднымь мбстаем. И все-таки при разлуке с ними «сердце его сжала тоска». Борьба между культурностью и первобытностью какь бы разрбшається темь, что первая властно схватываеть человека и заставляет идти по пути, начертанному ею, по разлуке со второй оставляет тяжелый осадок в его душб. При всей парочитости своих разсказовь авторь все же остается настолько художникомь, что не договариваеть до конца своих отвлеченных положений, и мы только можемь догадыватся с большею или меньшею степенью вброятности, что онь разнообразно содержимого чаши жизни не придаеть, вь концб котцовь, слишкомь большого значения.

Ю—нъ.

Во власти «навязчивыхъ идей».

Вь разсказахъ г. А. Рославлева * можно узловить одинь преобладающий мотивь: при всемь разнообразии общественнаго положения героев, ихь возраста, воспитания, обстановки, вь которой имь приходится дбйствовать,—почти все они являются жертвами какой-нибудь навязчивой идеи. У оставшего полковника Милича все его отношение кь событиямь вбшнего мира сводится кь одному вопросу,—какь поступилъ бы при дтнныхь обстоятельствахъ «покойникь Посудевский». Баронь Курасовь, по вбшнему обичию кажущийся жизнерадостнымь и легкомысленнымь, врущбй напропалу, не хуже самого барона Мюнхгаузена, находится во власти мысли, что онь когда-то любилъ «большую любовь» удивительную женщину. Вь разсказе «Пыль» авторь подходит кь и хотя вь дбйствительности этой женщины, то оно у него обычно несколько спутанно и идетъ какь бы спотыкаясь. Вь некоторыхъ разсказахъ («Подь черемухой», «Бабушка») мы находимь даже почти полное его отсутствие,—здесь авторь предлагаеть нашему вниманию вь сущности не «дбйствие», а «состояние»; вь другихъ же («Покойникь Посудевский», «Баронь Курасовь») авторь желая ближе познакомить читателей сь героями, заставляеть поставшихъ поворачиватся передь нами то одной, то другой стороной, чтобы мы могли составить себе о нихъ болбее полное представление. Вь этомь отношении г. Рославлевь принимаеть отчасти кь писателямь «до-Чеховскаго» периода нашей литературы, которые считали необходимымь давать читателямь и обстоятельные биографическия свбдбния о дбйствующихъ лицахъ, и подробно описание ихь гаружности, вместо того, чтобы заставлятъ догадыватся о томь и другомь по вбсколымь какь бы вскомь брошеннымь, но характернымь штрихамь. Если оставить вь сторонб вбскорую устарблость беллетристическихъ приемовъ автора, то слбдуеть признатъ за нимь, какь одно изь несомбнныхъ достоинствъ его произведений, живую наблюдательность,—дбйствующихъ лица его разсказовь вь болбшинствб случаевъ какутся не выдуманными, а подлинными людьми. Вся ббда вь томь, что авторь, выведя ихъ на сцену, подчасъ не знаетъ, что сь ними дблать дальше. Беря сравнение изь области живописи, мы сказали бы, что у г. Рославлева есть краски, есть умбльно па-

Башня «ВАНГА» вь Тренте.

рея Гордика пунктъ помбшательства состоитъ вь томь, что какое бы онь ни задумалъ дбло, дблать непременно вббшається вь него и папортить. Маленький чиновникь Финкинь настолько пораженъ темь, что кто-то систематически стираетъ его фамилию сь доски, на которой значатся жильцы меблированныхъ комнатъ, что ему начинаетъ представляться, будто и его самого хотягь стереть сь лица земля и, подь влияниемь этой мысли, онь сходитъ, вь концб котцовь, сь ума. Подь властью навязчивой идеи находятя и Анна Платоновна вь разсказе «Смерть», не желающая примиритя сь мыслью, что ея сынъ умеръ и упорно держащая его дома, и семья крестьянина Пичата (вь разсказе «Изаба»), для которой вся цбль жизни свелась кь достройке начатой избь, и герой разсказа «Тумань» Андрей, которому искушение предстало вь видб неустойчиво влекущей его кь себе семилбтней Лизутки.

Такимь образомъ, уже по самому характеру сюжетовъ своихъ произведений, г. Рославлевь оказывается склоннымь главнымь образомъ кь заглядыванию вь душевныя переживания дбйствующихъ лицъ; что же касается вбшнего дбйствия, то оно у него обычно несколько спутанно и идетъ какь бы спотыкаясь. Вь некоторыхъ разсказахъ («Подь черемухой», «Бабушка») мы находимь даже почти полное его отсутствие,—здесь авторь предлагаеть нашему вниманию вь сущности не «дбйствие», а «состояние»; вь другихъ же («Покойникь Посудевский», «Баронь Курасовь») авторь желая ближе познакомить читателей сь героями, заставляеть поставшихъ поворачиватся передь нами то одной, то другой стороной, чтобы мы могли составить себе о нихъ болбее полное представление. Вь этомь отношении г. Рославлевь принимаеть отчасти кь писателямь «до-Чеховскаго» периода нашей литературы, которые считали необходимымь давать читателямь и обстоятельные биографическия свбдбния о дбйствующихъ лицахъ, и подробно описание ихь гаружности, вместо того, чтобы заставлятъ догадыватся о томь и другомь по вбсколымь какь бы вскомь брошеннымь, но характернымь штрихамь. Если оставить вь сторонб вбскорую устарблость беллетристическихъ приемовъ автора, то слбдуеть признатъ за нимь, какь одно изь несомбнныхъ достоинствъ его произведений, живую наблюдательность,—дбйствующихъ лица его разсказовь вь болбшинствб случаевъ какутся не выдуманными, а подлинными людьми. Вся ббда вь томь, что авторь, выведя ихъ на сцену, подчасъ не знаетъ, что сь ними дблать дальше. Беря сравнение изь области живописи, мы сказали бы, что у г. Рославлева есть краски, есть умбльно па-

писать хорошей «этюдъ», по онь не умбетъ, пользуясь этими этюдами, какь вьспомогательнымь материаломь, скомпоновать какь слбдуеть картину.

и. в.

Мелочи.

Еще о не аль смь геръ нашего времени.

Вильгельмь имбеть одну вьспоглощающую манию,—это страсть коллекционировать костюмы. Вь его гардеробб можно найти не только мундиры вбсхъ полковъ разныхъ странъ мира, шэфомь которыхъ онь состоитъ или можетъ состоятъ впоследствии, но также и много костюмовъ разныхъ историческихъ эпохъ. Онь наряжается охотно вь костюмы времени Фридриха Великаго, или эпохи Вагъ-Дейка... Сегодня онь Макбетъ, а завтра мущкетерь. Опровергая пословицу: «одбняне не дблаетъ монаха», онь утверждаетъ, что «мундиръ дблаетъ солдата».

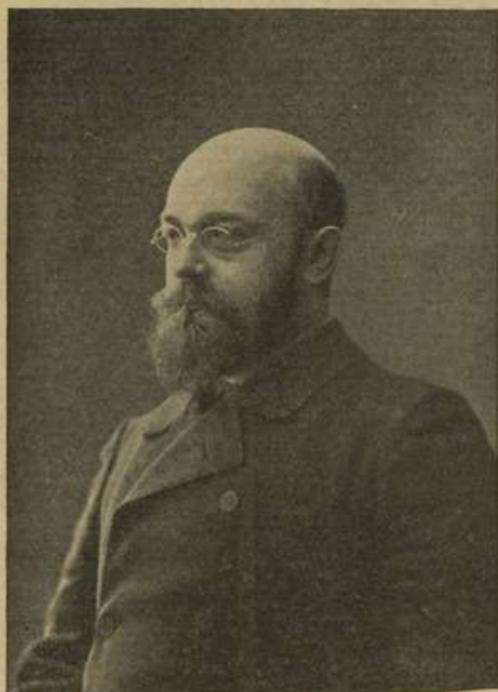
—Каска сь желбзнымь наконечникомь,—говоритъ онь,—вкладываеть вь голову носящаго ее воинственный духъ, а орденъ на груди ажигаеть огнемь воодушевления самое мирное сердце!

Не вь этомь ли объяснение вбсхъ тбхъ желбзныхъ крестовъ, посыпавшихся какь изь рога изобилія на германскихъ солдатъ вь началб кампании? «Кайзеръ» можетъ похвастатся обилемь своей переписки. Переписка его весьма обширна. Онь предпочитаеть писать лично свои письма, а иногда отпечатываетъ ихъ на машинкб, сь удовольствием подчеркивая быстроту своей работы: до 50 словъ вь минуту! Некоторые изь его писемъ заключаютъ отъ 16 до 18 страницъ. Часто ихъ очень трудно прочесть, ибо Виль-

ГАЛЛЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДбЯТЕЛЕЙ.

Ник. Влад. К. ШТРОМАХОВЪ, губернаторъ Намчатской области.

Проф. Московскои госпитальной терапевтической клиники Н. А. САВЕЛЬЕВЪ, инициаторъ и устроитель выставки «Обезпечение независимости России отъ за-границы вь области приант. медицины». Первый русский «Музей прикладной медицины» открытъ на-дняхъ при клиникб профессора Н. А. Савельева.

вномь освбщении. Герой разсказа Хрущевъ, послб безрадостныхъ и однообразныхъ впечатлбний, которыми на него повбдало, когда онь вздумалъ посбтить скучныя и сбрыма мбста, гдб онь провелъ свою небогатую событиями молодость, чувствуетъ Ц. 1 р. 25 к.

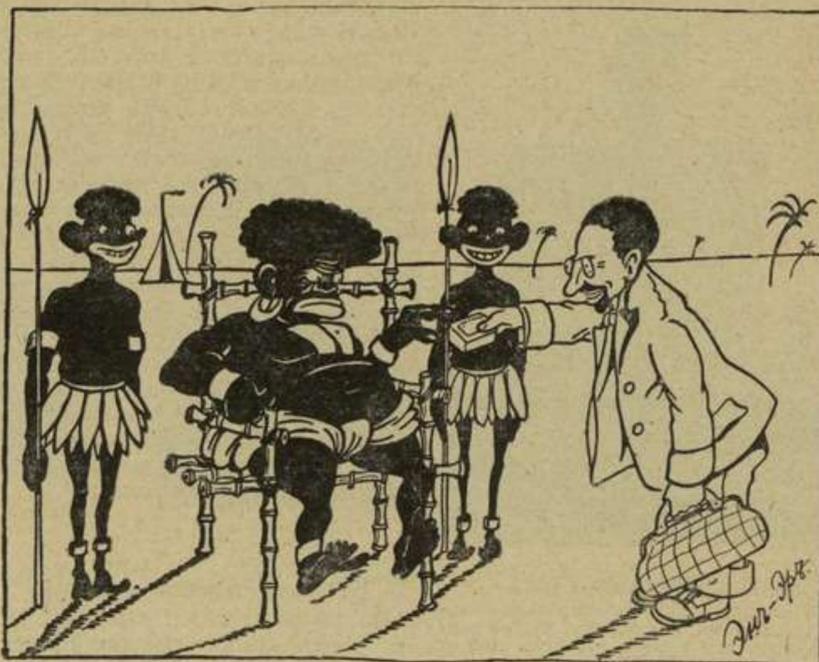
* Александрь Рославлевь. Покойникь Посудевский и друг. разсказы. Книг-во б. М. В. Попова. Петрогр. 1915 г. Стр. 252.

...«Бъ Ненигсбергъ отвѣался и улетѣлъ безъ экипажа лучшей дирижабль».
(Изъ газетъ).

У ДИКАРЕЙ!

Даже дирижабль — и тотъ не выдержалъ!
Кар. Эль-Эль.

Комисіонеръ. — А вотъ рекомендую мыло, уничтожающее какой-угодно агаръ и превращающее даже самую черную кожу въ бѣлую! Смѣю увѣрить, что послѣ употребленія его въ теченіе нѣсколькихъ дней вы ничѣмъ не будете отличаться отъ наикультурнѣйшаго Нѣмца!

гельмъ пишетъ обыкновенно гусиными перьями, неразборчивымъ почеркомъ, сокращая слова и поясняя иногда тексты набросками и схемами.
Обычная почтовая бумага его очень широкаго формата и въ лѣвомъ верхнемъ углу выгравированъ золотой щитъ, на которомъ выдѣляется чернымъ императорскій орелъ съ ярко-красными когтями и клювомъ. Вокругъ щита расположены виньетки: орденъ подвязки съ де-

визомъ: «Honnig soit qui mal y pense» и цѣль Чернаго Орла. На яхтѣ «Гогенцоллернъ» онъ пользуется особой бумагой. Она украшена императорскимъ и королевскимъ штандартами со скрещенными древками и надписью сверху: «S. M. J. Hohenzollern (Seiner Majestät Yacht)».
Получаетъ онъ въ среднемъ въ день отъ 500 до 600 писемъ, но, конечно, сравнительно очень немногіе получаютъ собственноручные отвѣты Вильгельма.

Путешествуя, онъ разсылаетъ небывающее количество открытокъ писемъ съ видами посѣщаемыхъ имъ городовъ. Князь Бюловъ имѣетъ самую полную коллекцію императорскихъ открытокъ писемъ съ надписями: «Чудная погода», «Дивная панорама», «Очаровательная страна» и тому подобными незамысловатыми замѣтками.
Незадолго до войны Вильгельмъ завѣлъ новую почтовую бумагу синеватаго цвѣта и огромнаго формата со своей монограммой въ углу. Конверты къ ней поистинѣ «kolossal» въ истинно германскомъ духѣ, ибо бумага эта не должна быть складываема вдвое. На каждомъ конвертѣ надпись: «Документъ чрезвычайной важности». За мѣсяць до войны Вильгельмъ использовать эту бумагу въ цѣляхъ поддуть надъ своими приближенными. Онъ вложилъ въ конвертъ

юмористическія открытки, написавъ адреса самыхъ вліятельныхъ лицъ двора и разослать всѣ эти пакеты по назначенію въ 3 часа утра съ фельдшерами.
Получился невѣроятный переполохъ: принцы и старшія принцессы повскакивали ночью съ постелей, генералы подумали, что здѣсь увѣдомленіе о неожиданныхъ назначеніяхъ, почтенные дипломаты взволновались, воображивъ, что объявлена война... Императорская семья цѣлую недѣлю хохотала надъ этой «шуткой».

РЕДАКТОРЪ М. Н. МАЗАЕВЪ.
Изданіе Товарищества А. С. СУВОРИНА —
«НОВОЕ ВРЕМЯ».

ИКОНЫ И КАРТИНЫ ДЛЯ ШКОЛЬ

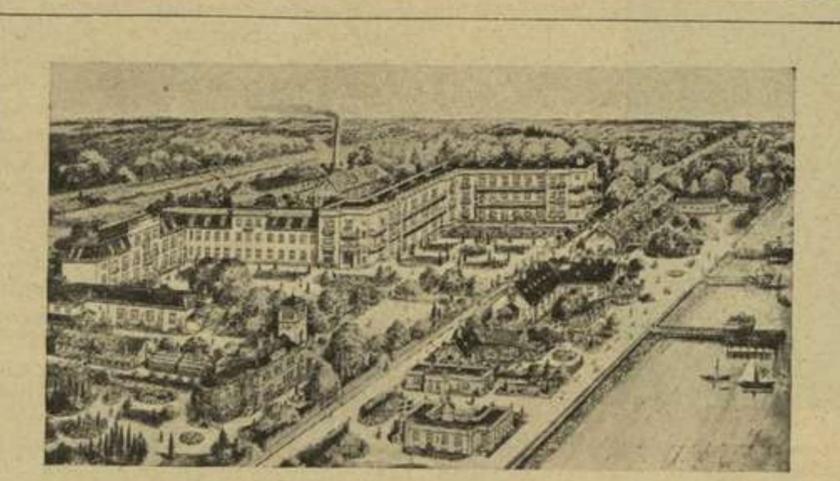
изъ Священной Исторіи Вѣхаго и Новаго Завета, 12-е изд., выпустило «Т-во СИДОРСКИЕ», одобрен. Учен. Комит. Минист. Народ. Просв. и Учен. Комит. Св. Синода, полная коллекція въ цвѣт. тонахъ альбомъ въ обложкѣ 50 картинъ 7 руб., въ краскахъ 18 руб., сокращен. кол. 20 карт. въ цвѣт. тонахъ 2 р. 50 к., въ краскахъ 4 р. съ пересылкой.

Пріемъ заказовъ на церковную живопись.
ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ ВЫС. БЕЗПЛАТНО
Петроградъ, Неве 11 пр. № 153-3. Тел. 129-05.

Музыкальные инструменты: скрипки, виолончели, контрабасы, гитары, фортепьяно, граммофоны.
И. ВИННИКОВЪ и Н. СИННИЦКІЙ Соловьи 29.
Почтовый дворъ (у Глав. вѣн.) Невскій проспектъ № 15.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙС-КУРАНТЫ
съ иллюстраціями всѣхъ музыкал. инструментовъ и граммофоновъ.
ИННОВАТОРЫ

НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:
„ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ“
(ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).
Продается въ магазинахъ „Новое Время“
Цѣна 1 рубль.

СКАНДИНАВІЯ

Skodsborg Badesanatorium
SKODSBORG (ДАНИЯ).
Сам. больш. **САНАТОРІЯ** (кр. годъ) Скандинавіи и **ПАНСИОНЪ** для отдыха, живописно расположены в. б. «Сундгъ», 16 килом. отъ Копнгагена, окружены королевскимъ паркомъ п. и. «Dugshave» съ великол. прогулками. Курортный Отдѣлъ Санаторіи оборудованъ (1913 г.) всѣми модными аппаратами. Всевозм. призы. врачами физик. и діетическ. способы леченія примѣняются. Великолѣпные результаты. Цѣны: полный пансіонъ 8—12 кроунъ въ сутки. Требуите иллюстрированные проспекты Курорта.

**ПРЕВОСХОДНЫЙ
ДЛЯ ЦВѢТА ЛИЦА**
освѣжающій кожу элегантн. кремъ Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ имѣетъ очаровательный ароматъ цвѣтущихъ розъ. Онъ является гордостью женщины, желающей сохранить свой молодой видъ. Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстро, если предва- ительно обмыть кожу нейтральнымъ мыломъ. Лучшее всего взять мыло Дермозонъ Т на Стольбергъ и К^о. Остерегайтесь поддѣлокъ. Слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ, Екатеринбургъ кан., 29, были напечатаны полностью.

НОВЫЯ КНИГИ: **М. Г. ДИКАНСКІЙ.**
„О РУССКИХЪ КУРОРТАХЪ“
80 стр. Цѣна 50 к., съ перес. влож. платж. — 70 к.
ЕГО ЖЕ: **„ПОСТРОЙКА ГОРОДОВЪ“**, ихъ планъ и красота!
Изд. Н. П. Карбасникова, Пѣтр. 1915 г. Стр. 320, рис. 135. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. влож. платж. 3 р. 05 к.
Скл.: Т-во „И. П. КАРБАСНИКОВЪ“ Пѣтр., Гостиный, 19.

ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ.

Возвращение французской крестьянской семьи на родное поле после ухода изгнанных.

Английские раненые солдаты во дворе госпиталя играют в крокет, сидя на движущихся креслахъ.

Венеція.

(Советъ).

О, какъ мнѣ памятенъ изъ Местре краткій путь къ тебѣ, Венеція... Какое ожиданье, Какая музыка—одно твое названье, Какіе образы способна ты вдохнуть. Мы ѣдемъ берегомъ... почти совсѣмъ темно, Неласно стелется измѣнчивое луно...

Какою влагою живительно-солегой къ намъ Адриатика врывається въ окно!

Заснувшій городъ, теплой ночи лѣнь, И что-то черное, скользящее, какъ тѣнь, Какимъ-то узкимъ, влажнымъ коридоромъ...

Ряды дворцовъ... Величіе и пыль— Какой-то сонъ предъ упоеннымъ взоромъ, Изъ тьмы вѣковъ лепечущая быль.

И. Вильде.

Лѣшій.

Этюдъ.

I.

Унылый бѣгъ заморенной лошади, тряская, кое-какъ сколоченная, тележка и однообразный путь порядкомъ ужъ утомили меня, а впереди все та же безконечная, пыльная дорога—густой лиственный лѣсъ по сторонамъ—казалось, никогда не кончится.

Бѣжалъ я въ имѣніе помѣщика М. питаясь портретъ его матери и скопировать не для себя Лавицкаго. Зная, какъ помѣщи-

ки берегутъ своихъ лошадей, я не предупредилъ о днѣ своего прѣзда, и отправился со станціи на крестьянской лошади, въ дребезжащемъ ящикѣ, поставленномъ на колеса. Это было тяжелое путешествіе. На просьбы ѣхать скорѣе, мой возница прихлопывалъ, подхлестывалъ переборочнымъ плутикомъ буланого мерзлака, но тотъ отпихивался хвостомъ и попрежнему относился безучастно ко всему на свѣтѣ. Пѣсѣда не задыхалась: упрямый мужичокъ-лѣсовникъ отвѣчалъ на вопросы нехотючи, коротко: «Ничего—живемъ»... «Какъ сать портретъ его матери и скопировать не для себя Лавицкаго. Зная, какъ помѣщи-

Батарея за работою.

Рисунъ А. Пржевальскаго (участника войны).

Алексей Петр. МАЛЬЦЕВ
бывший протоиерей посольской церкви в Берлине, создатель Русского дома в память Александра III в Тегель, редактор-издатель журн. «Церковная Истина». См. № 14079 «Нов. Вр.»

Переводчик православных богослужебных книг на немецкий язык Вас. Фед. ТЕНЕН', священник Потсдамской церкви. 3 марта 1915 г.

Сотник П. П. КУМИНСОВ. Палъ въ бою. Награжденъ ор. св. Георгия 4 ст. за то, что, съ пиню въ руки, бѣгалъ со взводомъ на неприятеля и обратилъ его въ панчешко бѣгство.

ходомъ выдвинувшись, непокорную вѣтку боскета и окрошетъ за поворотомъ.

Или медленно сойдетъ по ступенькамъ старушка. Сгорбившись, движется фигура въ черномъ, вноситъ въ общій акордъ еще одну тихую ноту грусти...

Тихо и въ домѣ. Въ громадномъ, потускнѣвшемъ залѣ сиротливо покланяется у стѣны старинная мебель, полисандровый рояль, фарфоръ. Все торжественно и тоже мертвенно. Только глаза некоторыхъ портретовъ живо слѣдятъ за мной съ жуткой остротой.

Дамы въ парикахъ и вельможи екатерининскіе все еще живутъ здѣсь призрачной жизнью, увѣковѣченные творчествомъ художниковъ; породистыя, ласковыя и надменные, и юношески милыя, и старческія важно сморщенные лица.

Вотъ и онъ самъ, совѣтникъ Екатерины, соорудившій этотъ дворецъ въ гущѣ лѣсовъ. Въ великолѣпномъ одѣяніи, въ кружевахъ и брилліантахъ, некрасивый, но съ тѣмъ очарованіемъ умиаго лица въ свободной, гордой позѣ блестящаго паредворца, что такъ гениально передавалъ Левитскій.

Возбужденныя чувства и напряженная мысль сдѣлаютъ возродить въ воображеніи стертую картину былой жизни... и хочется свѣту, музыкѣ, граціозныхъ движеній экосеза, блеска живыхъ плечъ, переливовъ атласа; хочется, чтобы исчезло это угнетающее настроеніе тишины отжившаго, чтобы не мертвенно торжественны были просвѣты стеклянныхъ дверей и оконъ.

И нарушаю тишину звуками монартовскаго мунузета. Они разносятся по залу гармоническими акорами и чистой мелодіей заполняютъ его, и, мнѣ кажется, просвѣтлѣли лица портретовъ, что за мной незримо движутся улыбающіяся,

прекрасныя пары, беззвучно скользя по паркету. Онѣ очаровательны, какъ на картинахъ XVIII вѣка.

И вдругъ... стономъ выдѣлся въ ритмическую мелодію минутга рѣзкій дисгармонизирующій звукъ женскаго голоса и сборвалъ ее... Вотъ еще...

Я отнял руки отъ клавишей... Уже не стою, а полный отчаянія и страданія женскій крикъ, точно звукъ старой скрипки, сквозитъ далѣ и стѣны проныкъ въ залъ и ударилъ мнѣ въ сердце...

Съ волненіемъ и тяжкимъ любопытствомъ я вслушиваюсь, жду... Все приближается вольно...

Въ дверяхъ появилась съ безумными глазами высокая дѣвушка; прижавши къ груди руки, не умолкая, шла она твердымъ и медленнымъ шагомъ.

— Дружочекъ..., дружочекъ..., дружочекъ... дружочекъ...

Казалось, грудь ей должна разорваться отъ надрыва, отъ крика, ни съ чѣмъ несравнимаго. Этотъ «крикъ» исходилъ отъ всей фигуры дѣвушки,—точно ворвалась она съ картины Гойи. Въ громадномъ залѣ онъ звучалъ страшнымъ контрастомъ, трагически, среди торжественно тихаго акорда прошлаго.

Съ другой стороны появились два лакея и бросились къ дѣвушкѣ. Они схватили ее за руки. Дѣвушка рвалась, забилась въ борьбу, и еще съ большой силой, еще отчаяннѣе звучали ея вопли...

Остальное я не видѣлъ. Я убѣгалъ съ кошмарной картины, отъ тяжелой дѣйствительности екатерининскихъ палатъ.

Въ одной изъ комнатъ сидѣла въ креслѣ, сгорбившись, скланивъ пальцы, старушка, устремивъ передъ собой тусклые глаза. Вся ея маленькая, сквашенная фигура выражала горе.

Въ другомъ концѣ дома я, долго не двигаясь, лежалъ на диванѣ безъ мысли, вслушиваясь въ отдаленные крики. Понемногу ослабѣвали они и наконецъ смолкли.

— Пожалуйте чай пить...

Усталый отъ пережитыхъ впечатлѣній, вылезъ я въ столовую. Тамъ сидѣлъ священникъ и монотонно говорилъ о нуждахъ сельской церкви. Старушка непрежнему сидѣла, согнувшись въ креслѣ, и слушавше слушала его...

III.

Наконецъ вернулся изъ поѣздки владѣлецъ усадьбы,—громаднаго роста, съ серьезнымъ лицомъ и басистымъ голосомъ. Онъ рассказывалъ, какъ ему не повезло въ городѣ.

— Держу отвѣтныи. Въ банкѣ двѣ съ половиной тысячи. Рѣшилъ до трехъ набить и уѣхать... Непремѣнный членъ кладець тысячу. Далъ карту: у него тройка, у меня—жиръ. Мечу дальше: открываю восьмерку! У него—подлая дѣвятка... бубновая... А вѣдь могъ три тысячи увести.

— А давно,—спрашиваю,—вообще играете?

— Лѣтъ двѣнадцать, какъ бросаю службу въ Петербургѣ. Вышелъ въ отставку, чтобы хозяйство привести въ порядокъ,—сестра заболѣла, маманъ съ ней ѣздилъ по врачамъ. Некому было хозяйствомъ заниматься.

— Улучшила хозяйство?

Махнулъ рукой: за это время проиграно тысячъ двѣсти, долгу на десятиль болѣе двѣсотъ рублей. И вообще трудно стало заниматься хозяйствомъ: рабочихъ нѣтъ. И продать нельзя: лѣсъ запоедныи...

— А у васъ въ лѣсу лѣшнѣ завелись,—вспомнилъ я возницу.

Весело и добродушно расхохотался:

— Да, да, вотъ, кетати, сейчасъ выяснимъ: тутъ лѣсничій, докладываетъ, доживаетъ.

Въ дверяхъ сталъ крѣпкій, волосатый лѣсничій.

— Ну, что за лѣшнѣ у васъ гуляютъ въ лѣсу? Онъ у меня вѣдь классикъ... Сколько классовъ кончили?

— Изъ пятого по домашнимъ обстоятельствамъ уволили.

— Слышите, ну какъ же не классикъ? Сколько есть именъ на is?

— Masculini generis...—скороговоркой, улыбаясь, посыпалъ лѣсничій.

— А какъ лѣшнѣ по-латыни?

— Не знаю, Николай Петровичъ. Лѣшнѣ—не лѣшнѣ, а дѣло стало: отказываются пальчики работать, сторожа бѣгутъ.

И разказалъ «образованно» и мало понято, то же, что и «квадрать»,—про пальчиковъ и гоголь.

— Самъ слышалъ: сейчасъ въ одномъ мѣстѣ, сейчасъ же за версту. Что такое, не знаю, а только двадцать лѣтъ живу въ лѣсу, а такого не бывало. Оно, конечно, лѣшнѣхъ не бываетъ,—не совѣмъ увѣренно прибавилъ «классикъ»,—но молелье какаа невѣдомая птица залѣтѣла или зѣбрь небывалый забрель, по словить его нужно,—дѣло стало.

— Экая нелѣпость!—возмутился, наконецъ, Николай Петровичъ.—Ну, да ладно, поѣдемъ сегодня ловить лѣшнаго.

И отдалъ распоряженіе поставить сторожей, заготовить факелы и къ 11 часамъ ночи ждать.

— Вотъ и вамъ развлеченіе будетъ. Небось никогда не приходилось ловить лѣшнаго.

Я, конечно, былъ радъ «предстоящей» ночной поѣздкѣ. Съ портретомъ старушки не задѣлось: позированіе она все откладывала. Старикъ вообще не любитъ, чтобы съ нихъ писали портреты... Меня начала угнетать прекрасная пустыня.

Въ усадьбѣ, обыкновенно тихой и безлюдной, поднялась суета... Дано было знать и некоторымъ сосѣдямъ,—затѣвалъ са своеобразный «плескъ».

Въ 10 часовъ вечера потянулся длинный поѣздъ. Въ колескахъ, верхами, въ телегахъ, вооружившись, кто чѣмъ могъ, двигались «на лѣшнаго» господа, приказчики, конторщики, садовники, конюха, повара, дворня всякихъ ранговъ. Откуда-то взялся даже урядникъ.

Вся эта своеобразная кавалькада съ шумомъ и гомономъ понеслась по узкимъ лѣснымъ дорогамъ, представляя при свѣтѣ факеловъ фантастическую картину.

Возлозились всѣ лѣсные обитатели: кричали совы, въ вѣтвяхъ закопошилась рева гнѣтъ,—слышно по лѣсу трескъ пошлель. Какъ, значить, загудѣло, мы—въ избу. Я, эта, въ дверяхъ обернулся, а костеръ-то разметаетъ, а не видно, кто. Я дверъ на крючокъ и пледъ плечемъ. Въ тотъ часъ вся изба ходуномъ пошла и по потолку застучало. Миколка упалъ замертво и мнѣ доже страшно стало. Читаю «Отче», а духу не хватаетъ.

— Вратъ не станеть,—убѣжденно подруга. Дспросили сторожа участка, дужаго держиваютъ другіе лѣсники.—Лѣсъ ружика съ черной бородой и блѣднымъ, бѣтъ—не плаче, какъ «хозяйша» потрепаннымъ лицомъ. Говорить быстро и вожли.

Бравый объѣзчикъ Егоръа мрачно и убѣжденно возсталъ противъ нашего легкомысленнаго предположенія, что кто-ни Вѣ тотъ часъ въ лѣсу какъ захохочеть, чтобы от...

захочетъ, а по деревьямъ—стукъ... стукъ... стукъ... по корѣ-то доже громко. И въ тотъ часъ буря поднялась, зашумѣла, выла и деревья гнѣтъ...

— Постой,—вѣдь ночью-то не видно, далеко деревья-то.

— А какъ же,—завсегда въ бурю дѣрева гнѣтъ,—слышно по лѣсу трескъ пошлель. Какъ, значить, загудѣло, мы—въ избу. Я, эта, въ дверяхъ обернулся, а костеръ-то разметаетъ, а не видно, кто. Я дверъ на крючокъ и пледъ плечемъ. Въ тотъ часъ вся изба ходуномъ пошла и по потолку застучало. Миколка упалъ замертво и мнѣ доже страшно стало. Читаю «Отче», а духу не хватаетъ.

— Вратъ не станеть,—убѣжденно подруга. Дспросили сторожа участка, дужаго держиваютъ другіе лѣсники.—Лѣсъ ружика съ черной бородой и блѣднымъ, бѣтъ—не плаче, какъ «хозяйша» потрепаннымъ лицомъ. Говорить быстро и вожли.

Бравый объѣзчикъ Егоръа мрачно и убѣжденно возсталъ противъ нашего легкомысленнаго предположенія, что кто-ни Вѣ тотъ часъ въ лѣсу какъ захохочеть, чтобы от...

Подпоруч. П. А. БУЧЕН'. Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

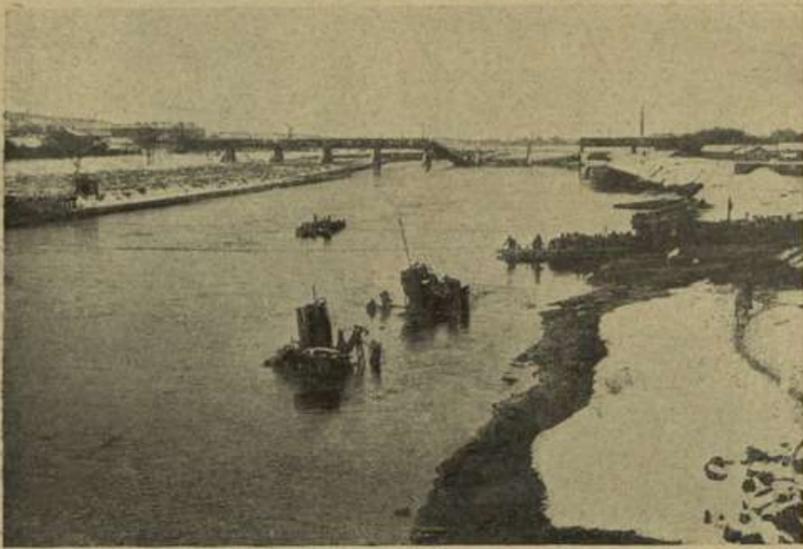

Шт.-кап. В. С. Фоль-МИНИХЪ. Раненъ и награжденъ ордон. св. Георгия 4 ст.

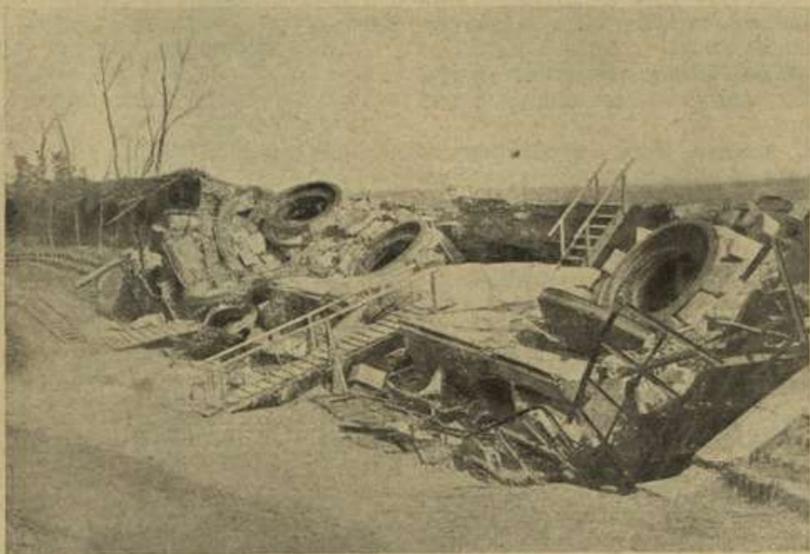

Подпоруч. Г. А. СФЛОВ'. Награжденъ Георгиевскимъ оруженіемъ.

ВЪ ПЕРЕМЫШЛѢ.

Паромная переправа и испорченныя землечерпалки.

Разрушенныя до основанія форты съ броневыми башнями.

— Гаси огонь, — рѣшительно команду- етъ Егорка, — скоро начнется. Костеръ разбросали, водой залили, ногами затоптали. Шибѣли голени и во мракѣ замерцали звѣзды. На темномъ небѣ вырисовался силуэтъ лѣса. Дворовые, набравшись при господахъ храбрости, вы- смѣивали лѣснаго и обещали загнать чорта въ болото.

«Ахъ, ты, воченка!...», — зашѣлъ было кучеръ, но Егорка цыкнулъ на него и понемногу все утомилось.

Командующій пѣхотной дивизіей ген.-м. В. П. ШИШКОВЪ. Награжденъ орден. св. Георгія 4 ст.

Вокругъ полянки смутно чернѣлъ лѣсъ; пофыркивали лошади. Егорка стоялъ, скрестивъ руки, зорко всматриваясь въ сторону лѣса, а остальные залегли группами на травѣ, — совсѣмъ вольница XVII вѣка въ ожиданіи кунца съ товаромъ.

Тишина ночи, усыпанный звѣздами небесный сводъ, вся таинственная обстановка момента настраивали мысль на поэтический ладъ, унесли воображеніе въ причудливый фантастическій міръ со сказочными образами и дѣтскими волненіями...

«Тако чудеса: тамъ лѣшій бродитъ». И русалки, вбродятно, сидятъ на вѣтвяхъ и съ любопытствомъ смотрятъ на насъ; зачаруютъ, въ лѣсную чащу уведутъ, увлекутъ въ болото...

Вотъ и избушка на курьихъ ножкахъ... Когда лѣшій наскочилъ на нее, избушка ходуномъ и пошла — сторожъ правду говорилъ...

— А што, — видно лѣшій господь-то испугался, — нарушилъ очарованіе скептикъ кучеръ...

Но Егорка злобѣще зашипѣлъ: «Ш-ш-ш!»

И вотъ въ этотъ моментъ надъ лѣсомъ прокатилось то страшное гониманье, что вносило цѣлую недѣлю смятеніе въ душу лѣшниковъ и крестьянъ.

— Го-го-го-го, го-го!

— Ууу-у-у-у... — завывало хроматически и гулко разнеслось лѣснымъ резонансомъ. — Ха-ха-ха-ха-ха...

— Ахъ, негодай!... — опредѣлилъ «юри-

дическій хозяинъ лѣса» и быстро направился по направленію криковъ. Всѣ бросились за нимъ съ ружьями на перевѣсь, какъ охотники.

— Вы, баринъ, не стрѣляйте, — изволновано предупредилъ меня Егорка: — пуля обернется и васъ же убьетъ.

— А что же дѣлать?

— Молитву читайте: противъ молитвы «онъ» ничего не можетъ.

Шли быстро, молча, спотыкаясь въ темнотѣ.

Кто-то предложилъ остановиться и послушать: «въ какую сторону идти-то».

Тишина. Ждали минутъ десять. И наконецъ въ другой части лѣса опять: го-го-го..., но слабо, съ легкимъ эхомъ.

— Тыфу ты, лѣшій, — выругался кучеръ, и выстрѣлилъ по направленію го-гота. Всѣ стали стрѣлять, чтобы потѣшить себя. Поднялась веселая трескотня. Снова ждали, но ничего больше не услышали.

Лѣшники приободрились: испугался — значитъ не лѣшій. Пошли шуточки и прибауточки.

— А знаете, братцы, — вдругъ осѣнило Егорку, — не иначе какъ Васька-дурочокъ юродствуетъ, и хатенка его тамъ, на краю лѣса.

— Никто больше, какъ онъ, — пришелъ путемъ какихъ-то быстрыхъ умозаключеній къ окончательному выводу объзвѣдчикъ. — Вотъ дураки-то — не думались!

Пока судили, да ридили о дурачкѣ-Васькѣ, бывшемъ пономарѣ, Егорка съ Миколой укатили куда-то.

Исследовали сторожку: въ крышѣ нашли отверстіе, черезъ которое «онъ» спрыгивалъ на потолокъ избушки. Наша гипотеза относительно рунора и шеста, съ помощью котораго «онъ» быстро передвигался, почти совсѣмъ убѣдила лѣшнихъ сторожей въ отсутствіи сверхъестественнаго элемента въ событіяхъ недѣли. Они повеселѣли и другъ друга высмѣивали.

Подкатившій въ это время на дрогахъ Егорка побѣдоносно потрясалъ громаднымъ руноромъ изъ бересты, захваченнымъ въ избѣ Васьки-дурочка. Самъ выводилъ необычайныхъ событій сообразилъ, что наступилъ конецъ его власти, и сползая, лѣбрютно, въ лѣсу — его же захватили.

Шуткамъ и хохоту же было конца. Только урядникъ приступилъ серьезно къ своимъ обязанностямъ и допрашивалъ лѣшниковъ: дѣло пошло законнымъ порядкомъ.

Возвращались опять съ факелами и съ пѣсиями. Кучеръ Иванъ съ азартомъ зашѣл, остальные дружею подхватывали на мотивъ «Зимупки».

По лѣсу гулко разносилось зычное пѣніе, вызывая полный переполохъ въ чащѣ и по деревушкамъ, черезъ которыя мы проносились: изметывалась птица, испуганно трепыхаясь въ освѣщенномъ факелами.

Ген.-отъ-инфантерій В. А. ИФМАНСЗЪ, герой горы «Высокой» въ Портъ-Артурѣ, награжденный тогда орденомъ св. Георгія 3 степ. Отличился въ послѣднихъ бояхъ на Санѣ; въ ночь на 15 мая выбилъ неприятеля изъ Селавы, въ въ много пленныхъ и орудій.

Поруч. С. М. БРОДЯНСКІЙ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ. и Георгіевскимъ оружіемъ.

С. А. МАМЧИЧЪ, старшая сестра милосердія госпиталя Краснаго Креста и Петроградскаго дворянства, устроеннаго на 300 кроватей. Работала въ продолженіи 7 мѣсяцевъ на передовыхъ позиціяхъ.

Первый Инвалидный домъ въ память «Великой Войны». Этотъ домъ выстроенъ въ Еяткѣ. См. № 14 81 «Нол. Вр.».

НА ВОЙНѢ. — Сиромный обѣдъ.

Жители окрестностей города Станиславова.

Подпоруч. Конст. Георг. ЗАРѢЦКІЙ.
Раненъ и контуженъ въ бою.
Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

капризу екатериинскаго вельможи потъ небо съвѣра, и кажутся такими печальными, одинокими и чужими.

Мощныя колонны дворца торжественно-строга рисуются на глади стѣлы. Темныя пятна дверей и оконъ величественны и мрачны.

Съ деревни доносится удаляя русская пѣсня разгулявшихся крестьянъ. Отзвуки ея неслись по лѣсу, дрожали въ вѣтвяхъ и таили въ верхушкахъ листвъ.

Съ «версальской аллеи» я поднялся по широкой лѣстницѣ въ домъ. Въ залѣ мерцала одинокая свѣча; въ тѣняхъ, окутанныхъ внутренностью громаднаго покоя, свѣтъ ея терпѣлся, слабыя лучи не достигали стѣлы—тамъ темными пятнами покоились важныя вельможи и прекрасныя дамы XVIII вѣка.

Ничто не нарушало мертвую тишину дворца. Я нажалъ одинъ клавишъ рояля, и жалостный дребезжащій звукъ зарождалъ въ полумракѣ и оборвался, какъ издохъ умирающаго...

А дальше въ креслахъ сидѣла сторбилъ старушка во власти мыслей о прошломъ и настоящемъ. Можетъ быть, какъ и моя—ея мысли забредали въ тѣ далекія времена, когда предки ея, нарядившись въ чужіе кафтаны, перенесли чужихъ боговъ въ наши лѣса, надѣялись, что Русь станетъ Элладой.

Два вѣка, какъ одинъ, пронеслись надъ Екатерининскимъ домомъ, и вокругъ него ничто не измѣнилось: на русскую сказку похожа народная жизнь, съ тѣми же яркими переживаниями и дѣтскими поэтическими вѣрованіями, съ тѣми же могучими духомъ и подвигами въ сорянгу одѣтаго русскаго народа...

Г. Магула.

Изъ Габр. д'Аннунціо.

О, мѣсяца серъ серебряный,
Въ водѣ опрокинутый чистой,—
О, мѣсяца, какая волнуется жатва
Земныхъ сповидній въ сѣнны твоимъ!

Бунаются въ нѣтъ весенней
Цвѣтущія купы растений
И къ морю волною струятъ ароматы;
Ни лѣсни, ни звука, все тихо кругомъ.

Игомои объятые, къ ночи
Смыкають живущіе очи.
О, мѣсяца, какая волнистая жатва
Земныхъ сповидній въ сѣнны твоимъ!

О. Г. Каратыгина.

Князь Константинъ Александровичъ БАГРАТІОНЪ-МУХРАНСКІЙ.
Палъ смертью героя.
См. № 14079 «Нов. Вр.».

Галичанки.

Организація добыванія іода въ Россіи и новое русское открытіе.

До послѣдняго времени Россія, связанная и слутанная тяжелымъ торговымъ догворомъ съ Германіей, была лишена даже пасъ исключительнаго изъ Германіи, и у насъ возможности эксплуатировать свои цѣны не пытались даже приготовить ихъ дома, редныя естественныя богатства. Особенно ярко это сказалося и было сильно въ области химической промышленности. Всѣ химическіе препараты, всѣ фармацевтическіе продукты, необходимыя для изготовления лекарствъ, получались у насъ исключительно изъ Германіи, и у насъ возможности эксплуатировать свои цѣны не пытались даже приготовить ихъ дома,

Президентъ ПУАНКАРЭ открываетъ выставку произведеній художниковъ—убитыхъ, раненыхъ и находящихся въ рядахъ арміи.

въ виду установившагося обычая и невозможности бороться съ нѣмецкой конкуренціей. Война положила начало освобожденію русской химической промышленности отъ нѣмецкаго плѣненія.

Въ началѣ войны покойный министръ народнаго просвѣщенія обратился ко всемъ русскимъ университетамъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ съ предложеніемъ организовать въ университетскихъ лабораторіяхъ работы по изготовленію химическихъ препаратовъ и фармацевтическихъ продуктовъ, необходимыхъ для приготовления лекарствъ, въ которыхъ такъ нуждается наша доблестная армія.

Призывъ Л. П. Кассо нашелъ откликъ, и теперь съ удовлетвореніемъ можно отмѣтить выдающіеся крупные успѣхи, достигнутые въ этой области русскими учеными-ислѣдователями, неутомимо работающими на пользу родной науки.

Къ числу такихъ крупныхъ успѣховъ принадлежитъ открытіе новаго способа добыванія іода изъ морскихъ водорослей, сдѣланное извѣстнымъ русскимъ химикомъ, профессоромъ Екатеринославскаго горнаго института Л. В. Писаржевскимъ въ сотрудничествѣ съ старшимъ лаборантомъ этого института Н. Д. Аверкіевымъ. Новый способъ, ими открытый, значительно упрощаетъ и ускоряетъ добываніе іода изъ морскихъ водорослей. Кроме научнаго, это открытіе имѣетъ громадное практическое значеніе, о которомъ можно уже судить по достигнутымъ результатамъ.

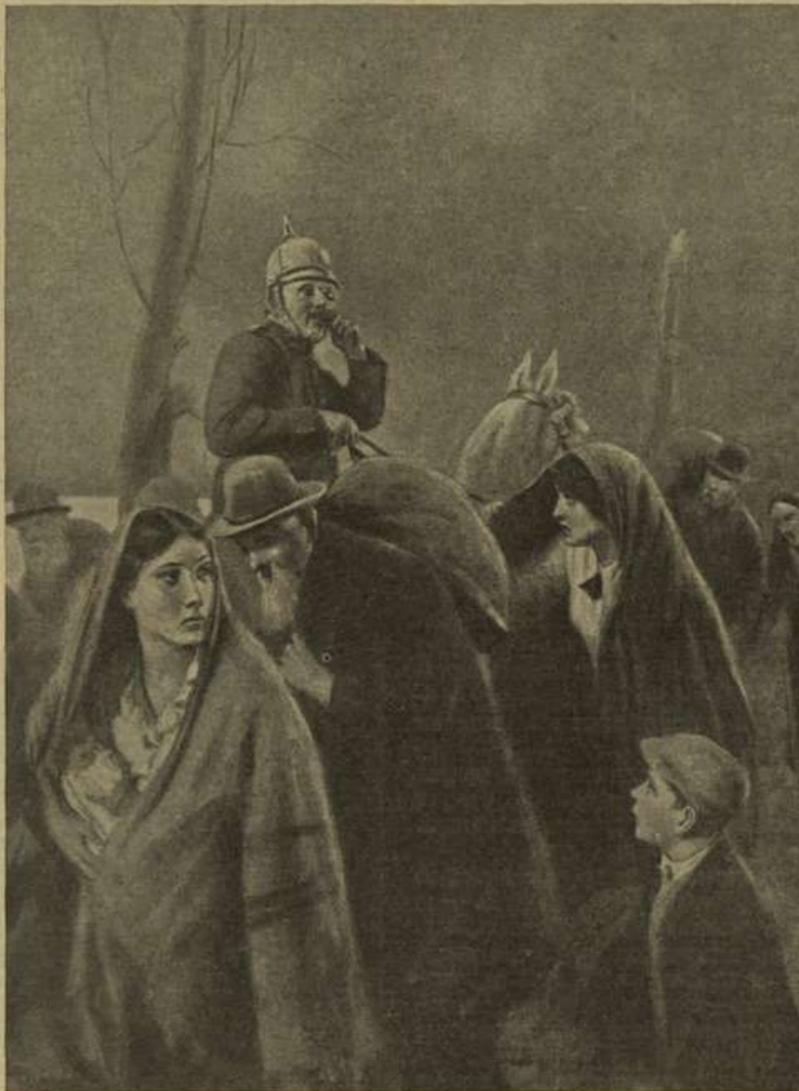
Въ настоящее время въ Екатеринославѣ возникло новое учрежденіе: «Опытная станція по изслѣдованію и добыванію русскаго іода изъ морскихъ водорослей», устроенная профессоромъ Л. В. Писаржевскимъ и Н. Д. Аверкіевымъ. Задачей этой станціи является изученіе различныхъ способовъ полученія іода изъ водорослей и организація его добыванія въ Россіи. Для этой цѣли изслѣдователямъ выдано, по повелѣнію Его Величества Государя Императора, пятьдесятъ тысячъ рублей. Станція находится пока въ періодъ оборудованія, но въ виду крайней нужды въ іодѣ для раненыхъ воиновъ на ней идетъ уже добываніе іода изъ водоросли Чернаго моря, носящей названіе «красной филофоры».

Большія залежи этой водоросли открыты въ 1909 году профессоромъ Зерновымъ, который нашелъ, что посреднѣй района Одесса—Севастополь—Дунай дно, на глубинѣ 15—25 сажень, а еще больше на глубинѣ 20—30 сажень, на громадномъ пространствѣ, представляющемъ собой неправильный овалъ около 70 миль длиной и болѣе 40 миль шириной, сплошь завалено громадными скопленіями живой красной филофоры.

Для добыванія этой водоросли въ распоряженіе профессора Л. Писаржевскаго и Н. Д. Аверкіева былъ предоставленъ, благодаря содѣйствію и чрезвычайно-чувственному отношенію одесскаго генерала-губернатора Эбллова, военный транспортъ «Бештау», который вышелъ въ первую экспедицію подъ руководствомъ капитана Карцева 13 марта 1915 года. Экспедиція вернулась 17 марта и привезла съ собой большое количество водоросли филофоры. Въ настоящее время въ распоряженіе Писаржевскаго и Аверкіева предоставлено морскимъ министромъ другое судно, которое начало регулярные рейсы для вылавливанія филофоры.

Несмотря на рядъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ тѣмъ, что добываніе іода пришлось вести, не дождавшагося полного оборудованія станціи, все же удалось ко второй половинѣ апрѣля добыть изъ водорослей болѣе пуда металлическаго іода и около трехъ ведеръ іодной тинктуры. Этихъ результатовъ удалось достигнуть благодаря новому способу, от-

НА ДОРОГѢ УБИЙЦЪ И НАСИЛЬНИКОВЪ.

«Побѣдитель». — Картина Г. М. Бретта.

(„The Sphere“).

крытому Писаржевскимъ и Аверкіевымъ специальнымъ аппаратъ для извлеченія, — чрезвычайно простому и изящному соединенію изъ золы при главномъ быстрому «каталитическому» способу. Скорость добыванія іода «осаживанія іода изъ содержа-этимъ способомъ во много разъ превосходящихъ его соли растворовъ. Эти растворы получаютъ на станціи изъ золы Авторы новаго открытія производили водорослей, обжигавшихъ въ опыты съ моделью изобрѣтеннаго ими аппарата, специально для этой цѣли, парата въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и ли построившихъ, и добывается пока обыч-опыты эти дали вполне благоприятные по выщелачиванію золы водой. Но въ результаты. Все предварительные опыты вдалекѣмъ будущемъ на станціи будетъ съ моделями аппаратовъ и многія другія установленны изготовляемый мѣстнымъ изысканія въ области добыванія іода были Александровскимъ. Брянскимъ заводомъ осуществлены благодаря его высочеству изобрѣтенный Аверкіевымъ и Писаржев. принцу А. П. Ольденбургскому, давшему

Историческій соборъ Арраса въ его нынѣшнемъ состояніи. Аррасъ гл. г-р. провинціи Па-де-Калэ.

для этого средства особо уполномоченному Краснаго Креста князю Н. П. Урусову и ректору института профессору Лебедеву.

Блестящіе результаты, достигнутыя опытами, даютъ возможность значительно ускорить производствѣ іода и устранить многія несприятныя стороны этого производствѣ.

Станція находится въ осодосійскихъ казармахъ, въ помѣщеніи, принадлежащемъ городу. По приблизительному подсчету, въ зависимости отъ доставки водорослей красной филофоры, екатеринославская станція будетъ въ состояніи добывать въ мѣсяцъ до четырехъ пудовъ металлическаго іода. Количество это, разумѣется, будетъ соответственно увеличиваться вмѣстѣ съ увеличеніемъ комплекта всехъ приборовъ и печей.

Такимъ образомъ новый методъ добыванія іода изъ морскихъ водорослей уже вышелъ изъ стадіи лабораторныхъ изслѣдованій и нашелъ практическое примѣненіе. Пока іодъ на екатеринославской станціи будетъ добываться исключительно для нуждъ нашей арміи и раненыхъ воиновъ. Но надо надѣяться, что новый методъ добыванія іода, открытый екатеринославскими учеными, послужитъ толчкомъ къ образованію новой отрасли русской химической промышленности и поможетъ въ освобожденію ея отъ нѣмецкаго рабства. С. К.

Литературныя замѣтки.

«Загадочная натура».

Была одно время такая полоса въ нашей беллетристикѣ, когда романисты любили изображать «загадочныя натуры». Набросить повсюду загадочности хотѣлъ, повидимому, и г. Ю. Слезкинъ на героиню своего романа «Ольга Оргъ»*. Описывая ея наружность, авторъ подчеркиваетъ, что у нея были «холодно-перемѣнчивые глаза»; ротъ ея «таинственно и загадочно приподнятъ острыми углами вверху», и чуть ли не во все знаменательныя моменты ея жизни ея губы «улыбались чему-то ротамъ перевернутого агасица». Какъ и полагается загадочной натурѣ, она чувствуетъ подчасъ «душевное одиночество»; у нея есть «роковое число», въ которое случается все важное и значительное въ ея жизни, и, въ довершеніе всего, ради нея кончатся самоубійствомъ два ея поклонника. Романъ Ольги Оргъ, если его изобразить при освѣщеніи бенгальскихъ огней, на которые авторъ не скунится, желая сдѣлать свою героиню необычайно интригованной, происходилъ такъ. Въ «роковое» число, 22 декабря, она увидѣла «незнакомца», который, проѣзжая очутившись въ томъ городѣ, гдѣ жила Ольга, стоялъ на площадкѣ вагона въ то время, какъ она гуляла съ подругой по платформѣ. «И вдругъ она остановилась, приороженная... Она даже почувствовала первый холодъ и кричя стиснула въ муфту пальцы... Въ это мгновеніе она потеряла себя, забыла о себѣ, только слышала, какъ сильно билось сердце...» Незнакомецъ уѣхалъ, но на душѣ у нея «было только большое, радостное, свѣтлое счастье». Черезъ нѣсколько дней плѣту, которые предшествовали знакомству, и между подругами поговорили Ольга, — мой свѣтлый богъ!» — но это все относилось къ тому, далекому, что на мгновеніе явилось и затѣмъ исчезъ, а не къ студенту Ширинскому, съ которымъ она хотя цѣловалась и раньше въ темномъ коридорѣ, но не придавала этому большого значенія; несмотря на то, что внезапно вспыхнувшая любовь предм-

* Юрій Слезкинъ. *Ольга Оргъ*. Романъ. Книгоиздательство Б. М. В. Попова. Петроградъ. 1915 г. Стр. 170. Ц. 1 р. 25 к.

жалеть жить в ея дули, въ томъ же темномъ коридорѣ она, въ минуту охватившаго ея «тупого оцѣпенѣнія», отдается Ширвинскому, а затѣмъ остановится его любовницей. Въ Петроградѣ, куда она уезжаетъ изъ родного города, случай сводитъ ее съ пріятелемъ незнакомца; она узнаетъ, что онъ талантливый художникъ, что, какъ и на нее, мимолетная ихъ встрѣча произвела на него неизгладимое впечатлѣніе, и что онъ «готовъ полюбить ее, еще незнакомую». Но уже поздно! Душа ея опустошена, она чувствуетъ себя безконечно усталой, и за несколько минутъ до того, какъ ея «свѣтлый богъ» долженъ былъ явиться къ ней, застрѣливается. Происходитъ это въ тотъ же роковой день, 22 декабря, ровно черезъ годъ послѣ встрѣчи съ незнакомцемъ.

Стиль природы загадочной, у которой шепелявы и непонятны и ея увлеченія, и паденія, выдержанъ, поведенію, вполнѣ. Но цѣлность впечатлѣній нарушается въ-которыми подробностями, о которыхъ мы пока не упоминали, но которыя рисуютъ драму Ольги Ортъ уже не въ столь эффектно освещеніи. Героиня романа въ моментъ роковой встрѣчи была семнадцатилѣтней гимназисткой, и когда мы начинаемъ примирять на ней всѣ эти соблазнительные наряды—загадочности, таинственности, непонятности,—которыя приготовилъ для нея авторъ, намъ начинаетъ бросаться въ глаза ихъ несоответствіе со скромнымъ гимназическимъ передничкомъ. За годъ до встрѣчи съ «незнакомцемъ» у Ольги былъ романъ съ однимъ актеромъ, который, обезумѣвъ отъ страсти, готовъ былъ наброситься на нее, какъ дикій зверь; но Ольга (шестнадцатилѣтняя!) «сбѣжала этому зверю прямо въ лицо, со всѣмъ холодною и спокойною». Представить себѣ такую сцену, какъ ничто реальное, довольно трудно. Точно также поражаютъ несоответствіемъ съ обычными женскими условіями нѣкоторыя другія положенія романа. Что дѣвочка размечталась при встрѣчѣ съ прозвѣннымъ, показавшимся ей интереснымъ, это въ порядкѣ вещей. Но когда авторъ заставляетъ эту же дѣвочку, спустя нѣсколько дней, разсуждать о томъ, что самое благоразумное было бы «продать себя какъ можно дороже», что она «не хотѣла бы продешевить себя», когда эту такъ наивно влюбившуюся дѣвочку намъ показываютъ, опять-таки спустя всего недѣли двѣ послѣ поразившей ее встрѣчи, понимающей въ видѣ Фрины передъ компаніей, въ которой было нѣсколько ея поклонниковъ, мы точно также оказываемся не въ состояніи сочетать одно съ другимъ. Самъ авторъ, когда положенія въ романѣ запутываются въ слишкомъ сложный узелъ, не прочь иногда разрѣбить его при помощи психологическихъ: «вдругъ...» Ольга была счастлива, но ея радостное настроеніе смѣнилось глухой непонятной тоской: «случилось это какъ-то вдругъ...» Такъ же внезапно и вдругъ происходитъ и многое другое въ романѣ. Благодаря этому, романъ производитъ довольно смутное и неопредѣленное впечатлѣніе. Авторъ обладаетъ несомненною способностью заманчиво разсказывать и даже по временамъ увлекать читателя; но, поведенію, онъ и самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что онъ хотѣлъ изобразить въ своемъ произведеніи: дать ли образъ интересной, обаятельной, не удовлетворенной въ своихъ желаніяхъ женщины, или представить намъ ненормальность условій современнаго воспитанія и семьи, уродующихъ душу и застаивающихъ ее искать забвенія въ грубыхъ чувственныхъ утѣхахъ.

Панамскій каналъ.

Текущая война показала, какое громадное значеніе имѣютъ такіе каналы, какъ Суэскій или Кильскій, и тѣмъ не менѣе такое мировое событіе, какъ открытіе Па-

по сосѣдству съ бурей войны.

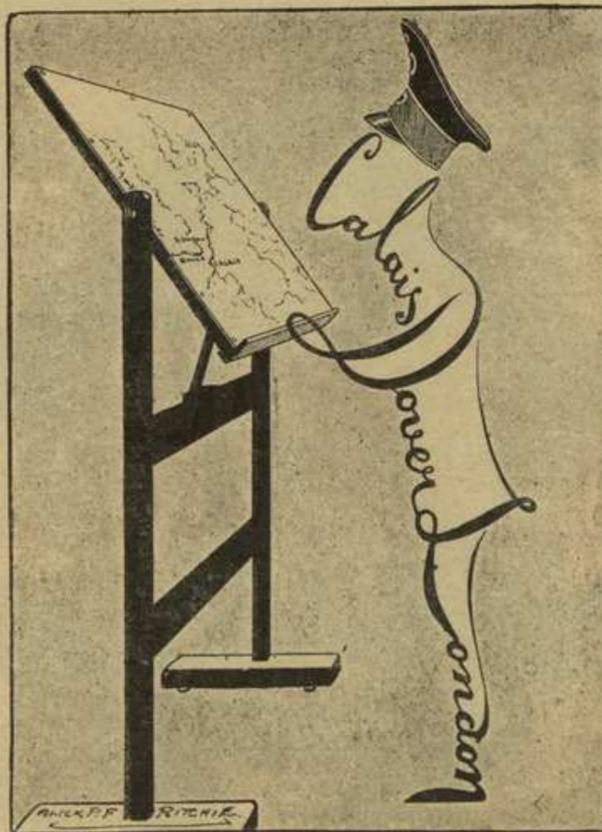

Полевые работы на сѣверѣ Франціи.—Лошадь, испуганная взрывомъ шрапнели невдалекѣ.

намскаго канала, прошло, благодаря войнѣ, чая и второстепенныхъ, начали почти незамѣтнымъ, точно оно имѣетъ готовить открытіе новыхъ пархолозначеніе только для Американцевъ, а ныхъ линій въ направленіи къ каналу т. д. О Соединенныхъ Штатахъ нечего и говорить. Обладая каналомъ, они усилятъ ростъ своей торговли и военной мощи, потекутъ прямымъ путемъ въ Европу произведенія тихоокеанскаго побережья и еще пынше расцвѣтетъ империализмъ, и безъ того дѣлающій быстрые успѣхи въ этой демократической странѣ. Сейчасъ даже трудно учесть тотъ переворотъ въ мировой торговлѣ, а можетъ быть и въ политической группировкѣ, который вызоветъ открытіе канала, особенно въ то время, когда европейскія государства, утомленные войной, ослабнутъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, и новый американо-азиатскій миръ оскрѣпнетъ. Цѣлый рядъ издѣлій желѣзныхъ, стальныхъ, хлопчатобумажныхъ и пр. съ американскаго атлантическаго побережья хлынетъ

* С. І. Новаковский. Панамскій каналъ и его мировое значеніе. Съ предисловіемъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, съ 72 таблицами рисунковъ, 2 картинками и 1 автотипией въ краскахъ. Кіевъ. 1915 г. Ц. 6 руб.

КРОНПРИНЦЪ ИЗУЧАЕТЪ ГЕОГРАФІЮ.

Ему известны имена городовъ, куда ему хочется по-пасть, но добраться туда—куда трудно!

на Азиатскій материкъ. Наоборотъ, сельскохозяйственные продукты съ береговъ Тихаго океана, начиная отъ Калифорніи и не исключая Канады, начнутъ конкурировать съ нашими продуктами въ европейскихъ странахъ.

Что надо сдѣлать, чтобы по возможности сохранить за собой рынки и даже расширить ихъ—объ этомъ подробно говорится въ трудѣ С. І. Новаковского. Здѣсь невозможно, хотя отчасти остановиться на богатѣйшемъ матеріалѣ, собранномъ въ этой работѣ. Въ отдѣльныхъ главахъ почти на шестистахъ страницахъ изложены: исторія канала и Панамской республики, организація и техника работъ по прорытію канала, значеніе его на мировые рейсы, его доходность, значеніе канала для Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, значеніе его на развитіе хозяйственной жизни Южной и Центральной Америки, значеніе его на вѣдущую торговлю и экономическую жизнь Японіи и на торговые интересы Японіи и Соединенныхъ Штатовъ въ Китаѣ, Манчжуріи, Корей и Монголіи, значеніе канала для Англіи и другихъ европейскихъ государствъ и наконецъ въ обширной главѣ «Панамскій каналъ и Россія» подробно разобрано значеніе его на русскую торговлю и отношенія къ сосѣднимъ государствамъ.

Книга безусловно интересная и заслуживающая вниманія и тѣмъ болѣе дѣлающая наше обычное неумѣіе придать издѣлію изящный видѣніи. Люди тратятъ большія деньги на два почти кругосвѣтныхъ путешествія, на печатаніе громаднаго фоліанта и снабжаютъ его 72 таблицами, напечатанными съ фотографіи, но какъ напечатанными?—немного лучше, тѣмъ печатаются рисунки въ ежедневныхъ газетахъ. Стоило затратить лишнія 3—4 сотни рублей и напечатать рисунки, пользуясь болѣе мелкой съткой, и изданіе выиграло бы необычайно. Тутъ же рядомъ помѣщена въ текстѣ небольшая карта съ заграничными клише и съ иностранными надписями; вѣдь любой студентъ коммерческаго института, котораго бы командировалъ авторъ на Дальній Востокъ, перерисовалъ бы эту карточку за 5—10 руб. Мыѣ скажутъ, что это мелочи. Нѣтъ, это не мелочи, а обычное неумѣіе доводить до хорошаго конца хорошо задуманное дѣло. Такъ бываетъ и въ крупномъ дѣлѣ; затѣютъ экспедицію для завоеванія и изслѣдованія рынка и покажутъ грошей на какую-нибудь мелочь, а тѣ, кто не покажутъ расходовъ на эти мелочи, возьмутъ верхъ и съ лихою вернутъ затраченное.

Весенніе цвѣты.

Никогда цвѣты не кажутся намъ столь красивыми и привлекательными, какъ весной, послѣ долгаго сна природы, когда она, пробудившись, радуется нашъ взоръ самыми привлекательными и ароматными своими дарами. Ландыши, фиалки, даже скромные поденъжники, все раскупается нарасхватъ въ большихъ городахъ, а насколько эти полувядшіе цвѣты менѣе привлекательны, чѣмъ въ то время, когда ихъ красивые головки то здѣсь, то тамъ выглядываютъ среди яркой весенней земли! Неудивительно послѣ этого, что нашъ неутомимый популяризаторъ и наблюдатель природы проф. Д. Кайгородовъ выпустилъ уже третью серію популярныхъ очерковъ, посвященныхъ весеннимъ цвѣтамъ, ихъ описанію, поэтическимъ легендамъ, связаннымъ съ ними и т. д. Чудные рисунки въ краскахъ удрощаютъ эту изящную книжку*, которая, подобно своимъ предшественницамъ, навѣрно, найдетъ самое широкое распространеніе.

* Д. Кайгородовъ. Наши весенніе цвѣты. Серія III. Петроградъ. 1915 г.

Мелочи.

Еще об императоре Вильгельме.

Как все суеверные люди, Вильгельм придает большое значение сну. Особенно вниман он считает сон накануне дня своего рождения, и поэтому весь предшествующий день настойчиво думает о том, чего особенно страстно желает, надбьсь самопущением добиться того, что его заветная мечта воплотится в его сонных грезах, и это послужит ручательством, что она сбудется и в действительности. Он и дитым своим рекомендует следовать тому же рецепту.

Заветной же мечтой Вильгельма с семнадцатилетнего возраста была, как он признавался близким, война и господство Германии над всем миром. Теперь Вильгельм может быть доволен: первая половина его сна сбылась, и вся Европа залита кровью. Зато вторая половина несложной он, должно быть, и сам уже перестал вбрызгивать.

Мнительность германского императора анекдотична. Презирал бесконечно человеческую жизнь вообще, даже своих подданных, что он наглядно доказал в нынешнюю войну, Вильгельм тем выше ценил собственную жизнь. Он мучительно боялся всякой заразы, болячкой, даже ничтожной простуды.

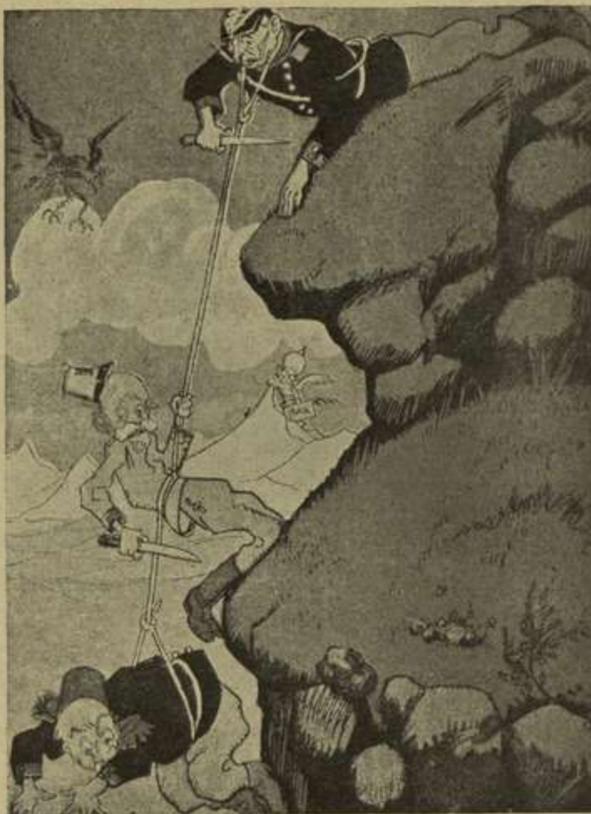
Однажды, приехав погостить к кому-то из своих родственников, он узнал случайно, что младший сын хозяйки болен. Император поблдилвал и приказал укладывать немедленно чемоданы, когда его успокоили, сказав, что болячка «не заразна»: у ребенка прорезались зубы.

Когда Вильгельм едет в действующую армию, его сопровождает не только военная свита, но целый полк врачей и санитаров, которые следят за тем, чтобы император не пострадал от возможной эпидемии или сырости и целыми днями неутомимо дезинфицируют всю окружающую местность вокруг ставки кайзера.

При малейшем насморке Вильгельм ложится в постель, отменяет все аудиенции, усиленно лечится и требует от лейб-медиков подробных бюллетеней о ходе его болезни. Всякий, кто имел неосторожность чихнуть в предыдущие дни, изгоняется из дворца и может явиться перед лицом императора не иначе, как представив официально свидтельство врача, что болячка прошла безвредно и не грозит окружающим.

В Берлине Вильгельм любит иногда для мести сыграть партию в тен-

ВЪ КОНЦЪ КОНЦОВЪ

Кайзеръ: Спасайся, кто можетъ

L'Asino.

нисъ, но дбаетъ это въ закрытомъ помещении, нагретомъ до оранжевой температуры. Партнерами ему служат гвардейские офицеры, которые должны являться въ полной парадной формѣ. Вильгельмъ несомннно оказываетъ имъ большую честь, но бдные молодые люди обливаются испариной и быстро изнемогаютъ. Верхомъ Вильгельмъ тоже катается въ закрытомъ, жарко натопленномъ манежѣ.

Бывалъ ли кайзеръ въ Парижѣ? Сложилось убждене, что онъ никогда не видѣлъ столицы Франціи, и этимъ объясняли отчасти его страстное желаніе «пообдаться» въ Парижѣ въ началѣ ны-

нешней кампаніи. Но оказывается, Парижъ для Вильгельма не знакомое мѣсто. Въ ранней юности, по дорогѣ въ Англію, Вильгельмъ заблуждался въ Парижъ, гдѣ ему больше всего понравились развалины Клуни, вбродно потому, что это развалины. Но и вступивъ на престолъ, Вильгельмъ, какъ увбруютъ, бывалъ въ Парижѣ инкогнито, напримѣръ на всемирной выставкѣ въ 1900 году.

Десять лѣтъ назадъ начальникъ Страсбургской полиціи Стефани, преслѣдуемый германскимъ правительствомъ, долженъ былъ бѣжать въ Швейцарію и здѣсь опубликовалъ сенсационныя свѣдѣнія о тайной полиціи Германіи. Стефани,

между прочимъ, сообщаетъ, что въ 1900 г. онъ получилъ подробныя указанія на случай приѣзда Вильгельма черезъ французскую границу и, что любопытно, кайзеръ упоминался въ этой бумагѣ не подъ своимъ или какимъ-либо инымъ именемъ, а подъ № 100.

Итакъ извѣстно, что № 100 не разъ бывалъ во Франціи, куда онъ бѣжалъ, впрочемъ, не изъ высшихъ политическихъ соображеній, а для свиданій съ хорошенькой актрисой Одономъ.

Не такъ давно въ Англіи были опубликованы записки Англичанки, много лѣтъ прожившей при дворѣ Вильгельма. Однажды ей въ руки попался секретный альбомъ съ снимками всѣхъ мѣстностей, гдѣ бывалъ Вильгельмъ. Она нашла здѣсь много интереснаго, а на послѣдней страницѣ альбома, въ видѣ заключительнаго аккорда всѣмъ путешествіямъ Вильгельма, увидѣла кайзера снятымъ въ штатскомъ платьѣ у подножія парижской Arc de Triomphe.

Императоръ Вильгельмъ не короновался. Говорятъ, онъ свазалъ, что хочетъ, чтобы церемонія эта совершилась въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. При такихъ претензіяхъ ему, очевидно, такъ и суждено сойти въ могилу невѣнчаннымъ на царство. Иные же объясняютъ, что онъ откладываетъ коронованіе до того времени, когда его союзникъ Францъ-Иосифъ вернетъ ему вѣнецъ, которымъ короновались въ старину германскіе императоры Священной Римской имперіи. Въ прежнія времена эта корона хранилась въ Нюрнбергѣ, но при нашествіи Наполеона на Германію была увезена въ Вѣну и съ тѣхъ поръ тамъ и осталась.

Она очень старинной работы конца XI вѣка. Съ тѣхъ поръ ее много разъ реставрировали, и въ царствованіе Конрада III украсили надписью: *Chuonradus dei gratia Romanorum imperator augustus*. При коронѣ два скипетра, одинъ золотой, украшенный шестью дубовыми листьями, другой серебряный, сусветвующій съ XIV вѣка. Тутъ же въ Вѣнѣ хранится и знаменитая очень богатая шпальда, по преданію подаренная Карлу Великому Гарунгъ-аль-Рашидомъ, много перстней и драгоценныхъ камней. Все это во власти Франца-Иосифа, и только самая незначительная часть государственныхъ сокровищъ Германіи находится въ Аахенѣ.

Редакторъ М. С. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

Музыкальные инструменты: скрипки, виолончели, контрабасы, гитары, фортепьяно, граммофоны.

И. ВИНОКУРОВЪ и СИНЦОВЪ Садовая 29.

Гостиница Дворъ (главн. вѣт.) Невский проспектъ №15.

ТРЕБУЕТСЯ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕСС-КУРАНТЫ съ иллюстраціями всѣхъ музыкальных инструментовъ и граммофоновъ.

ОПТОВЫЕ ПРЕСС-КУРАНТЫ

Г. Е. МИТТОНЪ

ЗВѢЗДНОЕ НЕБО

КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ

Съ 18 отдѣльными рисунками и чертежами въ текстѣ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Е. КИТТЕЛЬ

Цѣна въ колѣнкор. переплетѣ 2 руб.

Изданіе А. С. Суворина.

ЮНОЕ ЛИЦО
НѢЖНОЕ БѢЛОЕ ЛИЦО

Гладкія мягкія руки
отъ употребленія мыла ДЕРМОЗОНЪ.
Дермозонъ превращаетъ кожу въ бѣлую нѣжную и бархатистую.

МЫЛО ДЕРМОЗОНЪ

СОВЕРШЕНСТВО

среди другихъ косметическихъ средствъ

мыло Дермозонъ мыло Савозонъ
мыло Алозонъ

Обращайте вниманіе на фирму
Т-во СТОЛЬБЕРГЪ и Ко.
Лондонъ, Парижъ
Петроградъ.

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАРСКИХЪ КОСМЕТИЧЕСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Вышло въ свѣтъ 4-ое изданіе
книги женщины врача **М. М. ВОЛКОВОЙ**
**„КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ
ОТЪ ПОЛНОТЫ И ОЖИРѢНІЯ“**

по способу, измышленному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ.

Цѣна 80 коп.

Складъ изданія въ книжн. магазинѣ «Новое Время».

М. КОРЕЛЛИ

ТАЙНА

РОМАНЪ

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Цѣна 1 руб.

Библиотека „Вечерняго Времени“

Издание Б. А. Суворина.

2-е издание.

Цѣна 1 р. 25 к.

2-е издание.

Цѣна 1 р. 50 к.

Солдатскія СКАЗКИ

ПОД РЕДАКЦІЕЙ
Н. Г. КОЗЫРЕВА.

Цѣна 75 коп.

КНИГИ ЮР. БЪЛЯЕВА:

Барышни Шнейдеръ

(ВПЕЧАТЛѢНІЯ).

4-е издание.

Цѣна 1 рубль.

„ПСИША“

ПЬЕСА.

Обложка П. Д. ШМАРОВА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ

Цѣна 1 рубль.

„ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ“

(ПЕРВАЯ СЕРІЯ).

Цѣна 50 коп.

Цѣна 1 р. 50 к.

БОР. ГОРОВСКІЙ. ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ

съ 55 рисунками и 1 картой.

Цѣна 2 рубля.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ СПУТНИКЪ

Цѣна 2 рубля.

СПУТНИКЪ по Новгороду и Старой Руссѣ

Цѣна 1 рубль.

СПУТНИКЪ по Пскову и окрестностямъ

Цѣна 1 рубль.

„ЦЕНЗУРА и ШПІОНСТВО

по законамъ военнаго времени»

Сост. Н. А. Громовъ.

Цѣна 50 коп.

Б. Радоничъ.

„ДНЕВНИКЪ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ“

прожившей въ германскомъ плѣну
безъ малаго 4 мѣсяца.

Цѣна 40 коп.

Цѣна 20 коп.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ, Эртелевъ, 13.